

НА БЕРЕГАХ
ВИРЫ
И
ВИДЖАНА

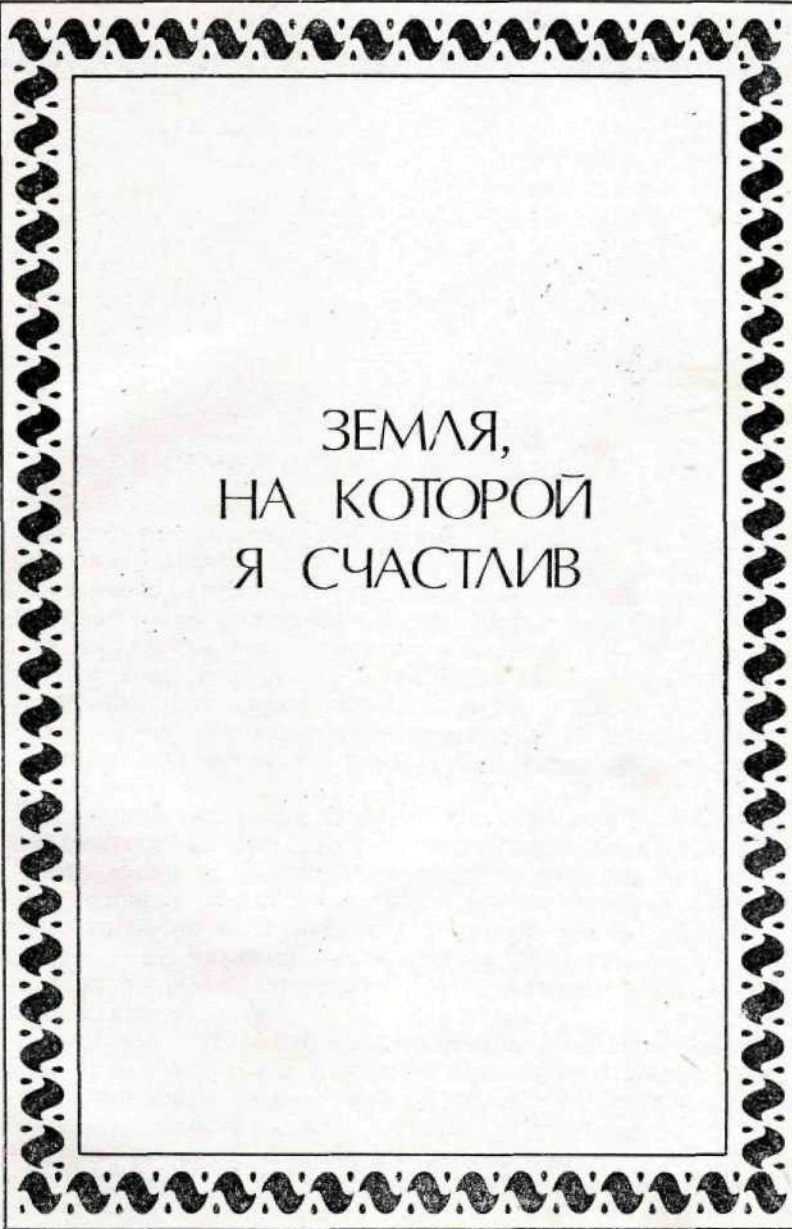
ПУБЛИЦИСТИКА
ПРОЗА
ПОЭЗИЯ

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1972

Книга «На берегах Биры и Биджана» — это общественно-политический и литературно-художественный сборник, рассказывающий о Еврейской автономной области в канун 50-летия освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов и 50-летия образования СССР. Сюда вошли очерки о тружениках села и города, их судьбах, прошлом и настоящем, о природе области и красоте земли, преобразенной созидательным трудом человека. Читатели познакомятся с творчеством молодых поэтов и прозаиков области и литераторов старшего поколения, чей талант развивался и креп вместе с городом на Бире. В книгу включена малоизвестная поэма Эммануила Казакевича «Начинается город», относящаяся к раннему периоду его творчества, и воспоминания о писателе его друга журналиста Наума Фридмана, а также стихи еврейских поэтов-биробиджанцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Материалы сборника дают возможность проследить историю Еврейской автономной области с момента ее образования и по настоящее время, прикоснуться к незабываемым годам первых индустриальных пятилеток, когда в строительных лесах поднимался город на Бире.

ЗЕМЛЯ,
НА КОТОРОЙ
Я СЧАСТЛИВ

ЛЕВ ШАПИРО,
первый секретарь обкома КПСС
Еврейской автономной области

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ И ДРУЖНОЙ

Окруженная живописными горами Малого Хингана, вдоль многоводного Амура, на водоразделе его притоков Биры и Биджана расположилась Еврейская автономная область. Площадь, занимаемая областью, больше территории таких европейских государств, как Голландия и Бельгия.

В этом году Еврейской автономной области исполняется 38 лет. Она еще сравнительно молода по годам, но имеет немало славных революционных, боевых и трудовых традиций, которые как эстафета передаются от одного поколения к другому.

Шел шестой год после Великой Октябрьской социалистической революции. Несколько десятков крестьян на пустынном плацу станицы Михайло-Семеновская слушали речь приезжего человека. Был он невысок ростом, крепко слоен. Светлая косоворотка перетянута у пояса узким кожаным ремешком. За стеклами очков умные, с легким прищуром глаза. При разговоре приезжий слегка касался рукой своей бородки клинышком.

Мужики уже знали, что человек этот из Москвы, от самого Ленина. И что зовут его Михаилом Ивановичем Калинин.

— Да вот сюда ехать никто не хочет из России, — раздается чей-то голос в толпе.

— Пока не едут, потому что дорого стоит, — отвечает Калинин. И уверенно продолжает: — Погодите, наступит время, будут переселяться сюда...

Старейшие жители села Ленинское в деталях помнят эту

задушевную встречу со Всероссийским старостой. Дальнейшие события развивались именно так, как предсказывал Михаил Иванович. Наступило время, и тысячи патриотов со всех концов страны приехали в Приамурье.

А до Октября 1917 года земли эти, как и весь Дальний Восток, были отсталой царской окраиной, где хозяйничали царские чиновники, купцы и иностранцы. Они грабили и расхищали национальные богатства, беззастенчиво эксплуатировали и угнетали местное население.

Жили здесь тогда в основном казаки — потомки русских землепроходцев Дежнева, Хабарова и Пояркова. Занимались охотоводством, земледелием, промыслили зверя, птицу и рыбу.

Мало было людей, и тысячи гектаров плодородной земли не знали заботливой руки человека. Неразбуженными оставались и недра этого богатого края.

На зори Великого Октября, слова ленинской правды ложились и сюда. Трудовые люди Приамурья, как и вся Россия, горячо приветствовали Советскую власть, с оружием в руках шли на защиту ее завоеваний.

В годы гражданской войны территория нынешней области стала ареной жестоких боев. Здесь действовали партизанские отряды. На станции Бира в 1921 году, а позже на станции Ин находился штаб Восточного фронта Дальневосточной республики, который возглавляли видные военачальники В. К. Блюхер, П. П. Постышев, С. М. Серышев. Коренные жители — земледельцы, железнодорожники, охотники, лесорубы вместе с народоармейцами, не щадя жизни, дрались с

«ДАЛЬСЕЛЬМАШ» — СЕЛУ

Ветеран завода «Дальсельмаш» кандидат ордена Ленина Аделина Карловна Гайлис начала свой трудовой путь токаря в годы Великой Отечественной войны. Обозный завод, в одном из цехов которого она работала, выпускал в те годы одиночные и парковые тележки, а позднее — тракторные прицепы.

Завод реконструировался. Аделина Карловна хорошо помнит радостный

1960 год, когда с конвейера предприятия сошли первые пятьдесят комбайнов СКГ-3. А уже в 1971 году завод «Дальсельмаш» выпустил 3350 самоходных, рисоуборочных и зерноуборочных гусеничных комбайнов, пользующихся спросом не только в хозяйствах нашей страны, но и за рубежом. Степные корабли биробиджанских машиностроителей хорошо зарекомендовали себя на сельскохозяйственных работах Кубы, Болгарии и в других странах.

японскими оккупантами и белогвардейцами, освобождая родную землю от врагов.

Первый удар по белогвардейщине и интервентам на территории области был нанесен в бою под станцией Ин. Здесь было приостановлено наступление противника. Главнокомандующий Народно-революционной армией В. К. Блюхер в своем приказе № 543 от 31 декабря 1921 года писал: «Заря нового года знаменательной победой под Ином освещает весь наш победный путь к морю, где найдут свою могилу канны в золотых погонах, терзающие родной трудовой народ».

Навсегда останется в истории героической борьбы за советский Дальний Восток Волочаевский бой. Под Волочаевкой были сосредоточены лучшие части белых, наполовину укомплектованные офицерским составом. Три дня и три ночи длилось героическое Волочаевское сражение. Ни убийственный артиллерийский и пулеметный огонь, ни проволочные заграждения не могли остановить наступления войск Народно-революционной армии. Твердыня белогвардейщины — Волочаевка была взята. Падение Волочаевки открыло путь к Хабаровску и всему Приморью.

Героические подвиги народоармейцев и красных партизан вошли в легенды и песни народа. Героям, отдавшим жизнь за свободу и независимость нашей Родины, на месте Волочаевских боев, на легендарной сопке Июнь-Корань, где находится братская могила 118 народоармейцев и партизан, воздвигнут мемориальный памятник-музей с величественной фигурой народоармейца.

Новая модель самоходного гусеничного комбайна СКД-5Р, сошедшая с конвейера завода, в мае 1970 года награждена Дипломом второй степени и серебряной медалью на международной выставке сельскохозяйственных машин в Будапеште.

«Дальсельмаш» продолжает расти. Возводятся новые корпуса, осваиваются новые производственные мощности. К концу пятилетки он будет выпускать около четырех тысяч машин в год.

РАТНЫЙ И ТРУДОВОЙ ПОДВИГ

На фронтах Великой Отечественной войны отличились многие наши земляки. Десять человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Четверо из них и по сей день проживают в Еврейской автономной области. Это бывший работник цементного завода, ныне пенсионер А. И. Каширин, заведующая детским садом поселка Бира

Памятники героям гражданской войны установлены на станциях Ин, Ольгохта, Бира, Облучье.

Освободив родную землю от захватчиков и белогвардейцев, трудящиеся Приамурья дружно взялись за восстановление и развитие народного хозяйства.

Еврейская автономная область — ровесница славных пятилеток.

28 марта 1928 года Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР принял постановление «О закреплении за Комзетом* для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободных земель в Приамурской полосе Дальневосточного края», где также отмечено, что «...при благоприятных результатах сплошного заселения указанного района трудящимися евреями иметь в виду возможность организации на территории названного района еврейской национальной административно-территориальной единицы». Государство обеспечило переселенцев всем необходимым для освоения этого района. С помощью трудящихся всей страны они строили новые предприятия, колхозы и совхозы, новые населенные пункты.

Задачи развития этого богатейшего района и хозяйственно-бытового устройства переселенцев требовали создания организационно-оформленного административного центра. В августе 1930 года Президиум ВЦИК принял постановление об образовании в составе Дальневосточного края Биробиджанского национального района. А спустя четыре года, учитывая

* Комзет — комитет по землеустройству трудящихся евреев.

В. С. Кашеева, железнодорожник станции Ин А. С. Панов и главный инженер Октябрьского совхоза Г. Д. Лопатин.

Не забыты ратные подвиги солдат. Но теперь слава области умножается на трудовом фронте. Одним из первых в области высокого звания Героя Социалистического Труда был удостоен машинист паровоза Облученского паровозного депо В. М. Дубровин. Затем в семье героев появились фамилии знатного животновода кол-

хоза «Заветы Ильича» М. И. Пока тыло, председателя этого же колхоза и председателя колхоза «Трудовая нива» В. И. Пеллера и Ф. Е. Ватутина и машиниста вращающихся печей цементного завода В. И. Врублевского.

После исторического XXIV съезда КПСС в области узнали новую радостную весть: за достигнутые успехи в восьмой пятилетке звания Героя Социалистического Труда удостоены механизатор В. Е. Паздников и ра-

быстрое хозяйственное развитие Биробиджанского района, Президиум ВЦИК 7 мая 1934 года принял решение об образовании Еврейской автономной области, предоставив ей все права, установленные советским законодательством для автономных областей, входящих в состав Российской Федерации.

Широкие массы еврейских трудящихся встретили постановление Советского правительства о создании автономной области с большим удовлетворением. Об этом свидетельствуют сотни писем и приветственных телеграмм, полученных тогда Комзетом и Озетом* из различных городов и местечек страны, об этом свидетельствует и поток заявлений трудящихся евреев о желании переселиться в Биробиджан.

Освоение области — это подвиг первостроителей, оставивших о себе добрую память. Это самоотверженный труд трудящихся области и края.

О пристальном внимании и заботе партии и Советского правительства об укреплении и дальнейшем развитии хозяйства и культуры Еврейской автономной области свидетельствует целый ряд документов, постановлений партии и правительства.

В этих документах была намечена широкая программа хозяйственного и культурного строительства, укрепления области кадрами.

В область были направлены специалисты сельского

* Озет — отдел по землеустройству трудящихся евреев.

ботница текстильно-швейной фабрики
Х. А. Карасик.

РАСТЕТ КОЛХОЗ

Старожилы села Валдгейм помнят, как происходило становление одного из старейших колхозов области. В 1936 году колхоз располагал 216 гектарами пашни, выращивал на ферме 42 свиньи. Коров колхоз «Валдгейм» в те годы еще не имел, как не имел и сложных механизмов.

В настоящее время посевная площадь колхоза «Заветы Ильича» составляет три тысячи гектаров, которые обрабатывают 80 тракторов, 24 комбайна и множество другой сельскохозяйственной техники.

На фермах хозяйства насчитывается около трех тысяч голов крупного рогатого скота, из них тысяча — дойные коровы. Годовой доход колхоза в настоящее время составляет свыше двух миллионов рублей (в 1936 году он равнялся 4962 рублям).

хозяйства, здравоохранения и народного образования из центральных областей Российской Федерации и других союзных и автономных областей нашей страны. Они становились во главе партийных и советских органов, создавали промышленные предприятия, колхозы и совхозы, организовывали народное образование, здравоохранение и культурное обслуживание, вели большую воспитательную работу среди населения.

Успехи в развитии экономики и культуры области стали возможны именно потому, что в этом деле принимал и принимает активное участие весь советский народ. Эта братская помощь и сотрудничество советских народов оказывались с первых же дней образования области. Еще в декабре 1934 года на первом областном съезде Советов присутствовали и принимали участие в его работе представители Москвы и Ленинграда, Киева и Харькова, Минска и Смоленска, Одессы и Владивостока. Съезд явился подлинной перекличкой национальностей, образцом пролетарского интернационализма. При ЦИК СССР в первые годы образования области был создан специальный комитет в помощь строительству Еврейской автономной области, на многих предприятиях и учреждениях страны для этой же цели создавались ячейки. Эта помощь и сотрудничество в строительстве, развитии экономики и культуры области не ослабевает, а с каждым годом укрепляется.

В последние годы широкое развитие получило шефство трудящихся промышленных центров Хабаровского края и других городов нашей страны. Трудящиеся города Хабаров-

В области в 1971 году посевная площадь составляла 132 тысячи гектаров. В 1934 г. сельскохозяйственные угодья были равны 33 473 гектарам.

ОТРЯДЫ СПЕЦИАЛИСТОВ

Прекрасное четырехэтажное здание на улице имени Ленина в областном центре. Здесь расположено одно из самых старейших средних учебных

заведений области — педагогическое училище. Оно открылось 2 октября 1932 года, а через четыре года выпускники училища — дипломированные учителя начальных классов разъехались по селам области.

За 39 лет училище выпустило из своих стен около шести тысяч учителей начальных классов, воспитателей дошкольных учреждений, преподавателей рисования и черчения, старших пионервожатых.

Во всех населенных пунктах обла-

ска, Комсомольска-на-Амуре, Советской Гавани оказывают большую помощь в строительстве промышленных предприятий, производственных и культурно-бытовых объектов на селе, в проведении уборки урожая и заготовки кормов. Только в 1971 году шефствующими предприятиями городов Комсомольска-на-Амуре и Советской Гавани было выполнено строительных работ на сумму более 900 тысяч рублей, заготовлено кормов для общественного животноводства: сена — 25 300 тонн, соломы — 9654, силоса — 25 322, сенажа — 22, витаминной муки — 2200 тонн.

В 1971—1972 годах в работах по монтажу оборудования новой обувной фабрики в Биробиджане участвовали рабочие и инженерно-технические работники из Казахской ССР. Многие работы по монтажу и оборудованию чулочной-трикотажной фабрики, заводов «Дальсельмаш» и силовых трансформаторов проводились также специалистами, прибывшими из других областей и союзных республик страны. Освоение, развитие хозяйства и культуры области — это героический труд людей разных национальностей, это бескорыстная помощь и сотрудничество народов Советского Союза.

На месте суровой тайги, где раньше редко ступала нога человека, выросли города, поселки и села, корпуса фабрик и заводов, школы, клубы, больницы. Благодаря постоянному вниманию и заботе Центрального Комитета КПСС и Советского правительства, при активной помощи всей нашей многонациональной страны трудящиеся области за годы Советской власти добились больших успехов в хозяйственном и культурном строительстве, за что Президиум Верховного Совета

сти и далеко за ее пределами трудятся выпускники Биробиджанского сельскохозяйственного техникума, культурно-просветительного и медицинского училищ. Механический техникум открылся недавно, но уже подготовил 600 специалистов. Сейчас на дневном и вечернем отделениях по трем специальностям обучаются около шестисот человек.

Самое молодое среди средних учебных заведений области — механико-технологический техникум лег-

кой промышленности. Его аудитории в новом учебном году приняли триста учащихся дневного отделения и более двухсот — вечернего. Юноши и девушки обучаются здесь по специальностям: трикотажное производство, машины и оборудование трикотажного производства, планирование на предприятиях текстильной промышленности и технология изделий из кожи. Техникум готовит специалистов для текстильно-швейной промышленности.

СССР в 1967 году наградил область высшей наградой страны — орденом Ленина.

Выросли новые предприятия, оснащенные современными станками и оборудованием.

Сейчас в области около 50 крупных промышленных предприятий, дающих народному хозяйству самоходные гусеничные комбайны, силовые трансформаторы, лесоматериалы, олово, цемент, известь, бумагу, мебель, трикотаж, швейные изделия и другие товары народного потребления.

Созданы и стали ведущими в экономике области такие отрасли, как машиностроение, электротехническая, горнорудная, строительных материалов. Завод «Дальсельмаш», расположенный в городе Биробиджане, единственный в Советском Союзе завод, выпускающий самоходные рисозерновые и силосоуборочные комбайны на гусеничном ходу. Комбайн СКГ-4 на Международной выставке сельскохозяйственных машин в Москве в 1966 году получил Почетный диплом «За высокий научно-технический уровень». Этот комбайн охотно приобретают колхозы и совхозы различных областей Советского Союза, а также зарубежные страны Болгария, Венгрия, Куба, Ирак.

Коллектив завода освоил производство нового, более совершенного комбайна СКД-5Р.

Промышленность области развивается нарастающими темпами, успешно справляется с планами и социалистическими обязательствами. За пятилетие выпуск зерновых комбайнов увеличился в области на 22 процента, трансформаторов — на 40 процентов, продукции легкой промышленности — в 2,5 ра-

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ — В КАЖДОЙ СЕМЬЕ

За предыдущее пятилетие органы союзпечати области увеличили реализацию по подписке и розничной продаже периодических изданий более чем в полтора раза.

Почти вдвое увеличились тиражи, получаемые жителями области по подписке. Если в 1965 году было доставлено подписчикам 119,5 тысячи экземпляров газет и журналов, то в

1970 году — уже 204 тысячи. Каждый житель области выписывает газет и журналов в среднем более чем на 6 рублей.

На каждую тысячу городских жителей в 1971 году приходился 1291 экземпляр, на тысячу жителей сельской местности — 1263.

СТАЛЬНЫЕ КОРАБЛИ ПОЛЕЙ

В областном краеведческом музее есть фотоснимок. Группа крестьян се-

за. Почти две трети прироста промышленной продукции получено за счет роста производительности труда.

За годы восьмой пятилетки область дала стране 12,5 тысячи комбайнов, более 32 миллионов штук трикотажных изделий, 1,8 миллиона пар обуви, а также тысячи тонн олова, цемента, извести, кирпича, бумагу, пиломатериалы, ткани, швейные изделия и много других товаров народного потребления.

О размахе производственного и жилищно-бытового строительства красноречиво свидетельствует тот факт, что за годы пятилетки объем капитальных вложений по области увеличился в 1,61 раза.

В целях дальнейшего развития капитального строительства на селе в области создан трест «Биробиджанцелинстрой», имеющий свои строительные-монтажные управления во всех районах.

С каждым годом хорошеет центр Еврейской автономной области город Биробиджан, возникший на месте маленькой железнодорожной станции с символичным названием — Тихонькая.

Только за годы предыдущей пятилетки здесь произошли разительные перемены в экономической и культурной жизни.

Объем промышленного производства за истекшую пятилетку увеличился на 77 процентов, а капитальных вложений в народное хозяйство города — в полтора раза. Введена в строй чулочно-трикотажная фабрика. Открыт техникум легкой промышленности, сооружен стадион «Строитель» на 14 тысяч мест, 6 спортивных залов, жилые дома, целые ули-

ла Самаро-Орловки во время празднования 1 Мая 1928 года сфотографировалась около колесного трактора. Это и был первый трактор на территории нашей области. В 1934 году (год образования Еврейской автономной области) насчитывалось уже четыре МТС. Они располагали ста восемью тракторами, тремя комбайнами и тринадцатью автомобилями-полугрузовиками.

Год 1971. Степные просторы области бороздят 416 зерноуборочных,

481 силосоуборочный и 150 картофелеуборочных комбайнов. Тракторный парк насчитывает более 1800 гусеничных и колесных тракторов. Более двадцати комбайнеров края и области водят именные комбайны, врученные им за большие успехи, достигнутые в развитии сельского хозяйства.

МОЛОДЫЕ САЖЕНЦЫ

Биробиджанский механизированный лесхоз — одно из крупнейших хо-

цы и кварталы общей площадью свыше 130 тысяч квадратных метров.

В проектировании застройки самого города Биробиджана занято более 15 проектных институтов Ленинграда, Харькова, Омска и других городов страны. С каждым годом город становится все красивее, вызывая законное чувство гордости его жителей.

Это чувство биробиджанцев хорошо выразил наш поэт Исаак Бронфман:

...Легли проспектов
Солнечные линии
В местах,
Где зверь таежный воду пил.
...Здесь поднялись дома
До неба синего,
Здесь встали корпуса
Заводов новых.
Живут здесь люди
Честные и сильные —
Строители
Невиданнейшей нови.

Успешно развивается сельское хозяйство области. Сейчас в области имеется 30 совхозов, птицефабрика, два крупных колхоза, опытные сельскохозяйственная и мелиоративная станции, четыре объединения и отделения «Сельхозтехника» и семь строительно-монтажных управлений треста «Биробиджанводстрой». За сельскохозяйственными предприятиями закреплено 504 тысячи гектаров земли, в том числе 246 тысяч сельскохозяйственных угодий и 140 тысяч гектаров пашни.

зайств области подобного типа. В 1971 году его лесничества высадили более двух миллионов саженцев сосны на площади в 700 гектаров, из них 150 гектаров — в зеленой зоне областного центра. Сейчас в хозяйстве заложен десятигектарный питомник, который через два года даст около 200 миллионов саженцев.

Бирский мехлесхоз также специализируется на посадке хвойных пород деревьев. В этом году саженцы кедра были высажены почти на пяти-

стах гектарах. Кроме этих коллективов восстановлением ценных пород деревьев в области занимаются еще три мехлесхоза.

ПОСТИГАЮТ МУЗЫКУ

В новом учебном году аудитории Биробиджанской музыкальной школы заполнили более четырехсот учащихся. Двадцать семь опытных преподавателей ведут здесь обучение по классу баяна, аккордеона, фортепья-

На общественных фермах насчитывается свыше 58 тысяч голов крупного рогатого скота, 41,2 тысячи свиней. На полях совхозов и колхозов работает более 1800 тракторов, 747 комбайнов разных марок, свыше 600 автомашин и много другой сельскохозяйственной техники.

Значительно укреплена материально-техническая база треста «Биробиджанводстрой». Мелиораторы оснащены новой мощной техникой. Эта техника поступает к нам из Москвы и Ленинграда, Челябинска, Минска, Ташкента, Горького, Волгограда.

В результате больших мелиоративных работ, широкого применения удобрений, повышения культуры земледелия и самоотверженного труда рабочих совхозов, колхозников, специалистов сельского хозяйства достигнут значительный рост урожайности всех культур. Среднегодовая урожайность в 1966—1970 годах по сравнению с 1961—1965 годами увеличилась: по зерновым на 3,9 центнера с гектара, сои — на 1,6, картофеля — на 52,6, овощей — на 33,2 центнера с каждого гектара. Возросла продуктивность скота.

Среднегодовой объем производства мяса за последние пять лет увеличился на 63 процента, а молока — на 69 процентов.

Труженики сельского хозяйства успешно справились с выполнением плановых показателей и социалистических обязательств по всем важнейшим видам сельскохозяйственной продукции.

Валовая продукция сельского хозяйства в минувшей пятилетке возросла на 74 процента.

но, скрипки, домры, духовых инструментов.

За годы существования школа сделала 27 выпусков, дав музыкальное образование более чем восьмистам учащимся. Большинство выпускников продолжают свое образование в музыкальных училищах, институтах культуры, искусств и консерваториях.

Многие учащиеся областного центра получают музыкальное образование в музыкальной студии, организованной при городском Дворце куль-

туры. Кроме того, молодежь обучается музыке в самостоятельных коллективах, в клубах и Домах культуры.

ПОДАРОК К СТОЛУ

На территории области расположено четыре пчелосовхоза. К концу 1971 года план закупок меда по области был выполнен на 161 процент.

Всего же по области было закуплено 7862 центнера ценного продукта,

В совхозы и колхозы области охотно переселяются трудящиеся из западных краев, областей и республик нашей страны. Только за 1969—1971 годы из Горьковской, Ивановской, Орловской, Белгородской и Липецкой областей прибыло 1313 семей переселенцев, которые трудятся в совхозах и колхозах трактористами, шоферами, животноводами и строителями. Прибывшие переселенцы сразу же активно включились в работу по дальнейшему подъему сельского хозяйства области.

Ежегодно в область прибывают специалисты сельского хозяйства из различных высших и средних учебных заведений городов Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Омска, Краснодара, Улан-Удэ, Новочеркасска и других учебных центров страны.

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют постоянную заботу о повышении народного благосостояния, удовлетворения материальных и духовных потребностей членов общества. Это хорошо видно и на примере нашей области.

Сейчас у нас 143 общеобразовательных школы, 7 средних специальных учебных заведений, 4 профессионально-технических училища.

В области учится каждый третий человек. А ведь когда область создавалась, здесь было всего две школы, одна библиотека и два клуба.

В прошедшей пятилетке расходы на нужды здравоохранения составили почти 6 миллионов рублей. На территории области находится всесоюзная здравница — курорт «Куль-

в том числе совхозы сдали 4636 центнеров.

Особенно много меда заготовили пчеловоды Бирского и Первомайского совхозов. У населения Облученского района закуплено 1926 центнеров, что в шесть раз больше плана.

БИРОБИДЖАН — ЧИТАЮЩИЙ ГОРОД

Для жителей в областном центре открыто пять государственных библиотек,

более тридцати профсоюзных, технических и библиотек средних учебных заведений.

Самая крупная из них — областная библиотека имени Шолом-Алейхема. Здесь к услугам читателей около 150 тысяч томов книг, журналов, брошюр на русском и еврейском языках. Ежегодно фонд пополняется значительным количеством книг.

Кроме читального зала и абонемента в областной библиотеке открыт музыкально-потный отдел, насчитыва-

дур». Здесь ежегодно поправляют здоровье 17 тысяч человек: рабочих, колхозников, служащих.

За годы существования многонационального Советского государства в стране созданы все условия для невиданного расцвета культуры и искусства. Это можно видеть на примере нашей области, где за последние годы в этом направлении сделано очень многое.

Если в 1937 году имелось всего 14 библиотек и 23 киноустановки, то сейчас в области насчитывается 117 клубов и Домов культуры, 154 библиотеки, 222 киноустановки, в том числе 52 широкоэкранных. Ежегодно кинотеатры посещают свыше 6 миллионов человек. Нет ни одного населенного пункта, где бы не было школы, клуба, киноустановки. Издаются газеты, в их числе две областные: «Биробиджанская звезда» — на русском и «Биробиджанер штерн» — на еврейском языках. При редакциях областных газет уже не один год плодотворно работает литературное объединение.

Местное радио ежедневно ведет передачи на русском и еврейском языках. Жители области смотрят телевизионные программы из Хабаровска, Москвы, других городов страны, а также передачи «Интервидения».

Областная библиотека имени Шолом-Алейхема располагает богатым книжным фондом на русском, еврейском и других языках народов СССР, здесь можно ознакомиться с литературой и периодическими изданиями зарубежных стран, а также с произведениями наших писателей: Бориса Миллера, Исаака Бронфмана, Любы Вассерман, Леонида Школьника, Николая Капусто, Василия Морозова. За пределами области

вающий 1700 экземпляров нотных изданий и свыше 900 грампластинок.

Библиотека имени Шолом-Алейхе-ма в настоящее время выписывает 34 газеты, 191 журнал.

Здесь постоянно ведутся подшивки многих изданий газетной и журнальной периодики. Работники библиотеки оказывают большую шефскую помощь сотрудникам сельских библиотек в работе с читателями и в обеспечении их необходимой литературой.

2 На берегах Биры и Биджана

ХОРОШЕЮТ ПРИАМУРСКИЕ СЕЛА

Новые Дома культуры, клубы, детские сады и школы из стекла и бетона украшают улицы приамурских сел. Труженики сельского хозяйства празднуют новоселье в новых каменных многоэтажных домах и двухквартирных коттеджах. Большая заслуга в этом принадлежит тресту «Биробиджанцелинстрой», созданному в 1968 году на базе трех строи-

известны Биробиджанские русский и еврейский народные театры. В их репертуаре пьесы советских и зарубежных драматургов. В репертуаре еврейского народного театра пьесы М. Даниэля «Зямка Копач», Шолом-Алейхема «Менчн» («Люди»), «Дос гройсе гевинс» («Большой выигрыш»), М. Гершензона «Гершеле из Острополя», А. Гольдфадена «Цвей Кунилемлех» («Два чудака»).

Частые гости в городе Биробиджане и районах области представители культуры и искусства из других областей, союзных и автономных республик. Только в 1971 и начале 1972 годов у нас побывало около 50 театральных коллективов и концертных ансамблей. Среди них русский Государственный Воронежский хор, Государственный ансамбль песни и танца Удмуртской АССР, Украинский ансамбль песни и танца, Московский еврейский ансамбль песни, вокальный ансамбль Большого Академического театра СССР, молодежный ансамбль «Мелодии Азербайджана» и многие другие.

В наших музеях широко представлена богатейшая природа Приамурья, история нашего края, самые яркие страницы сегодняшней жизни.

Советский народ, успешно завершив восьмую пятилетку, наметил еще более величественные перспективы. Годы пятилетки были насыщены большими событиями всемирно-исторического значения. С огромным подъемом отметили советские люди 50-летие Советской власти, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, 25-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Большим политическим и трудовым подъемом, широким

тельно-монтажных управлений и двух колонн, ведущих цикл нулевых работ.

За прошедшую пятилетку по тресту введено в строй 61 695 квадратных метров жилья, школ на 3236 и детских учреждений на 780 мест, несколько клубов. Но не только культурно-бытовые объекты возводит трест. За пятилетие было построено помещений для крупного рогатого скота на 5276 голов и свиноводов на 5703 голов, птичников на 77 ты-

сяч кур, овощных и зерновых хранилищ на 7565 тонн и многие другие объекты.

Трест набирает темпы. Если в год создания его было выполнено работ на сумму восемь миллионов рублей, то в 1971 году эта цифра увеличилась в полтора раза. В первом году девятой пятилетки «Биробиджанцелинстрой» сдаст около 25 тысяч квадратных метров жилой площади, школ на тысячу мест. В этом же году трест начинает строить свою производствен-

социалистическим соревнованием отвечают трудящиеся области на исторические решения XXIV съезда КПСС.

Восьмая пятилетка выдвинула своих героев — правофланговых труда. Их много — передовых творцов и созидателей коммунистического завтра. Родина по достоинству оценила самоотверженный труд многих лучших рабочих, инженерно-технических работников, а также коллективов, наградив их орденами и медалями.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за досрочное выполнение заданий пятилетнего плана по выпуску высококачественных трикотажных изделий и достижение высоких темпов роста производительности труда орденом Трудового Красного Знамени награждена Биробиджанская трикотажная фабрика.

Высокая награда — заслуга всего коллектива фабрики, носящей почетное звание коллектива коммунистического труда. Это звание как нельзя лучше говорит о коллективе, положившем в основу своего труда и жизни законы разведчиков будущего. Всех и каждого характеризует здесь пытливая, творческая мысль, стремление уже сегодня найти то, что завтра должно стать достоянием большинства. Коллективный творческий труд здесь стал нормой.

Не случайно на фабрике более 550 работницам присвоено звание ударников коммунистического труда. Десять бригад стали победителями ленинской трудовой вахты, более ста тружеников награждены юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Ударный труд приносит отличные результаты.

ную базу. К концу пятилетки будет построен деревообрабатывающий комбинат на восемьдесят тысяч квадратных метров столярных изделий в год, завод керамзитового гравия, ГПТУ на 400 учащихся.

ЮНЫЕ ХУДОЖНИКИ ВГЛЯДЫВАЮТСЯ В МИР

В 1971 году Центральный комитет общества охраны памятников истории

и культуры проводил Всероссийскую выставку детского рисунка. В ней приняли участие и несколько юных художников Биробиджана — воспитанников детской художественной студии. Творчество ребят получило высокую оценку. Пять юных художников были награждены дипломами, а студия получила диплом первой степени Президиума ЦК общества.

Работы биробиджанских школьников не впервые экспонируются на

Сейчас с первого предъявления сдается 98,8 процента продукции, 90 процентов изделий выпускается улучшенного качества.

Орден Трудового Красного Знамени украшает отныне и знамя старейшего в области и крае колхоза «Заветы Ильича». Претворение в жизнь заветов вождя нашей партии и государства В. И. Ленина, его гениального предвидения о будущем советской деревни на путях кооперации и индустриализации ярко видно на примере колхоза «Заветы Ильича». Ныне это крупное хозяйство имеет в своем распоряжении 5400 гектаров земельных угодий, в том числе 3000 гектаров пашни. В колхозе насчитывается 80 тракторов, 24 самоходных комбайна, 36 автомобилей. Полностью механизирован труд доярок, они работают в две смены.

В колхозном музее сохранились фотографии, как первые переселенцы-колхозники вручную заготавливали сено. Давно уже коса уступила свое место сенокосилке и пресс-подборщику.

Золотой фонд колхоза — это его люди, приумножающие богатство родной земли, повышающие ее плодородие. Среди тех, кто расчищал первые делянки, будил вековую тайгу звонкими ударами топора, прокладывал первую борозду — Николай Родионович Кириллов, Лейб Элевич Резник и другие. Первостроители колхоза передали славную эстафету хлеборобов передовому картофелеводу, делегату XVI съезда ВЛКСМ Николаю Ивановичу Крамару, кукурузоводу Владимиру Сергеевичу Дмитриеву, знатной доярке Марии Петровне Любовецкой, овощеводу Фейге Лейбовне Файман и мно-

больших выставках. В 1970 году Богдан Демчик, Сережа Бобылев и Лева Вехтер были награждены дипломами за содержательные работы, представленные на международную выставку детского рисунка «Я вижу мир», проходившую в Москве, а работа Дмитрия Симптомова высоко оценена жюри международной выставки «Мое отечество», проходившей в Монреале.

На чехословацком международном конкурсе на лучший детский плакат в

защиту природы диплом первой степени получила прошедшим летом Валя Алексеичева за плакат «Берегите глухаря». Валя участвовала в этом конкурсе вместе с Наташей Морозовой, тоже ученицей из школы № 1 Биробиджана.

Уже девятнадцать лет студией биробиджанских пионеров и школьников бесменно руководит художник Д. Г. Алексеичев. Под его наблюдением ребята учатся владеть кистью, резцом, печатными станками, овладе-

гим другим, кто упорным, самоотверженным трудом продолжает славные трудовые традиции старших поколений.

Высокой награды Родины ордена «Знак Почета» удостоен за успехи, достигнутые в развитии сельскохозяйственного производства, коллектив Бирского пчелосовхоза. За пятилетку пчеловоды этого специализированного хозяйства почти на одну треть перевыполнили плановые задания. Уровень рентабельности самый высокий среди всех совхозов области.

Заслуженным авторитетом пользуются среди пчеловодов области первоклассные мастера Иван Артемович Земляк, Георгий Иванович Астафьев, Денис Филиппович Фролов, Владимир Иванович Диких, Михаил Ульянович Ивлюхин и многие другие.

Своеобразна работа пчеловода. Многие годы проводят они в тайге, постоянно общаясь с природой. Эти люди как бы впитали всю мудрость земли и отлично знают, что земля ответит сторицей каждому, кто по-настоящему ее любит и бережет.

Для тех, кто был пионером освоения этих таежных мест, кто осушал болота, строил дороги, возводил первые дома, закладывал фундамент нового, наша дальневосточная земля с ее сопками, лесами, реками, с ее новостройками стала по-настоящему родной и близкой.

Вот уже сорок лет верой и правдой служит этой земле Иосиф Гедалевич Ройтман. Его жизненный путь — это путь многих. Был трактористом, механиком, бригадиром тракторной бригады. Сейчас Иосиф Гедалевич — управляющий вто-

вают секретами гравюры, рисунка, эстампа, офорта, монотипии. А потом ребята идут в художественные училища, поступают на художественно-графические факультеты, становятся художниками и учителями.

ПОКАЗЫВАЕТ РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР

Биробиджанцы А. А. Бровщина,
О. П. Костинова, Н. В. Капитонова

и другие под руководством М. М. Шименко создали в областном центре драматический кружок. Первые же выступления самодеятельного коллектива принесли большой успех артистам. Так было положено начало русскому народному театру.

С тех пор зрители с неизменным интересом и симпатией встречают каждую новую работу коллектива, которым руководит и по сей день Мирра Моисеевна Шименко. Творческий путь театра отмечен такими

рым отделением Самарского совхоза. Многое познал он за эти годы. Знает землю, технику, знает людей. Иосиф Гедалевич пользуется заслуженным авторитетом, он член Октябрьского райкома КПСС. В 1971 году награжден орденом Трудового Красного Знамени.

С декабря 1936 года работает на заводе «Дальсельмаш» Филипп Маркович Генкин. Его биография — это история самого завода. Нынешний завод «Дальсельмаш» вырос от изготовления тележного колеса до производства степных кораблей — первоклассных самоходных комбайнов.

Здесь работает Александр Ефремович Фаллер. Это как бы второе поколение биробиджанских комбайностроителей. Свою пятилетку Александр Ефремович выполнил за четыре года. На его трудовом календаре уже март 1972 года.

Хорошо известно в области имя почетного горняка, первостроителя комбината «Хинганолово» Михаила Павловича Неизвестных; полного кавалера трех орденов Славы, строгальщика-станочника механического цеха Смидовичского завода «Автоспесоборудование» Александра Михайловича Гагарина, отличника социалистического соревнования РСФСР Давида Яковлевича Глейзера, награжденного орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, значком ЦК ВЛКСМ «Передовику новостроек пятилетки». Давид Яковлевич — сельский строитель. Руководимая им бригада коммунистического труда за пятилетку выполнила более семи годовых норм и работает сейчас уже в счет 1973 года.

В нашей Еврейской автономной области тесно переплелись рабочие судьбы многих поколений, людей самых раз-

этапными вехами, как пьеса «Барabanщица» Салынского, «В поисках радости» Розова, «Иркутская история» Арбузова. Со спектаклем по пьесе А. Н. Островского «Женитьба Бальзаминова» как победители зональных смотров Сибири и Дальнего Востока биробиджанские артисты выступали на сцене Кремлевского театра и получили звание Лауреата Всероссийского фестиваля народного искусства.

К пятидесятилетию Советской вла-

сти коллектив театра подготовил спектакль по пьесе Розова «В день свадьбы», а к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина — спектакль по повести Сейфуллиной «Виринея».

К 50-летию образования СССР и 50-летию освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев самодеятельные артисты поставили спектакль «Бронепоезд 14-69» по пьесе Вс. Иванова.

Многие воспитанники русского народного театра уходят на профессио-

ных национальностей. Среди делегатов, избранных на XXIV съезд партии, телятница Амурского совхоза Ольга Михайловна Чеботарева — русская, председатель колхоза «Заветы Ильича», Герой Социалистического Труда Владимир Израйлевич Пеллер — еврей.

Машинист тепловоза Облученского локомотивного депо, русский, Дмитрий Николаевич Заровный — вот уже почти 25 лет водит поезда по Дальневосточным железным дорогам; директор современного предприятия завода силовых трансформаторов, Марк Матвеевич Кауфман — еврей, Герой Социалистического Труда, заведующая передовой в области молочнотоварной фермой, Мария Иосифовна Покатыло — украинка, кукурузовод Добринского совхоза, Владимир Ерофеевич Паздников — русский, овощевод колхоза «Заветы Ильича» Файман Фейга Лейбовна является членом Комитета советских женщин, еврейка; швея-мотористка Биробиджанской текстильно-швейной фабрики, Герой Социалистического Труда Хая Абрамовна Карасик — еврейка, и многие, многие другие. Всех их, несмотря на различие в возрасте, национальности, месте в рабочем строю, объединяет то общее, что характеризует всех советских людей — горячая любовь к Родине, стремление своим трудом сделать нашу Отчизну еще сильнее, богаче, а жизнь — еще лучше и краше.

Трудящиеся Еврейской автономной области живут и трудятся единой, дружной многонациональной семьей. Жители области, как и все советские люди, глубоко возмущены и гневно осуждают беспрецедентную клеветническую кампанию, развернутую международными сионистскими кругами,

нальную сцену. В Ленинградском областном театре драмы работает Виктор Штейнбах, Майя Фрок — актриса Барнаульского театра, Вера Березнякова — в Новокузнецком драмтеатре.

Радует зрителей Биробиджана своими постановками также и еврейский народный театр. А театр районного центра Амурзет недавно справил свое десятилетие. Самодельные артисты всех театров — это труженники полей и предприятий про-

мышленного производства. Своим трудом они не только создают материальные блага, но и участвуют в сознательном формировании и утверждении современной духовной культуры.

ПО ГОРНОЙ РЕКЕ — НА БАЙДАРКЕ

Туристам, спускающимся на байдарках по рекам, зевать не приходится — неожиданностей хоть от-

о якобы «бедственном положении» евреев в СССР, их оголтелое сборище в Брюсселе, непрекращающиеся бесчинства сионистских хулиганов в США.

Гнусными измышлениями о «притеснениях и гонениях» евреев в Советском Союзе сегодня уже никого не обманешь. Нет! Это в самих Соединенных Штатах Америки свирепствует расизм и антисемитские настроения, это правители Израиля проводят в отношении арабов политику дискриминации и геноцида.

Ничего подобного не было, нет и не может быть в нашей Стране Советов. В каком бы уголке бескрайней советской земли ни жили и ни трудились евреи, они, как и трудящиеся других национальностей, чувствуют себя равными, полноправными членами социалистического общества.

О какой «защите евреев» в СССР может идти речь?

Вот что сказал по этому поводу мастер Биробиджанской текстильно-швейной фабрики Семен Ефимович Сокирянский: «Ни в одной из капиталистических стран не решен и не может быть так решен национальный вопрос, как у нас в Советском Союзе. Равные права трудящихся всех национальностей закреплены Конституцией СССР. Так от чего же и от кого, спрашивается, собираются защищать нас господа сионисты и вся их компания из так называемой «Лиги защиты евреев»? Трудящиеся Еврейской автономной области единодушно заявляют, что у нас одна Родина — Советский Союз, где все делается во имя человека и для человека любой национальности».

В нашей стране, в Еврейской автономной области никому,

бавляя. Особенно, если спускаешься по такой горной речке, как Кульдур, да еще во время невиданного паводка. Два дня байдарка опытного туриста-биробиджанца Алексея Горбунова счастливо «пролетала» между огромными валунами, скрытыми бушующим потоком, миновала перекаты и завалы.

Лишь к концу второго дня, когда от усталости закрывались глаза и опускались руки, туристы не смогли избежать несчастия. Пройдя крутой

поворот, байдарка с ходу налетела на огромный завал. Зажатая с двух сторон, она не выдержала напора потока — металлический остов переломился, как обыкновенная палка...

На следующее утро суденышко, отдаленно напоминающее прежнюю байдарку — так обезобразили его деревянные брусья, скрепляющие места перелома, — вновь несло по бурной реке...

Туриста-перворазрядника Алексея Ивановича Горбунова знают в

ни в чем не делается различия по «национальному признаку». Есть только один признак, по которому судят о человеке, воздают ему должное — это честный добросовестный труд, верность и преданность интересам Родины и народа. Наша могучая страна семимильными шагами идет вперед, уверенно прокладывая дорогу человечеству к счастливому коммунистическому будущему.

Мы уверенно смотрим в это прекрасное будущее, которое открыли перед нами Программа партии, решения XXIV съезда КПСС.

С особым удовлетворением коммунисты и все трудящиеся области отмечают то большое внимание, которое уделено в Директивах партии дальнейшему ускоренному развитию производительных сил дальневосточного экономического района. Это еще одно яркое свидетельство постоянной заботы Центрального Комитета партии и Советского правительства о всемерном развитии экономики и культуры Дальнего Востока, в том числе и нашей орденоносной области.

В новом пятилетии перед тружениками области стоят большие задачи.

Дальнейшее развитие получит промышленность. Более быстрыми темпами будет развиваться сельскохозяйственное машиностроение, легкая промышленность. Выпуск рисоуборочных комбайнов увеличится не менее чем на 38 процентов. Производство трансформаторов возрастет на 28 процентов, будет освоено серийное производство комплексных трансформаторных подстанций. В два раза увеличится выпуск товаров народного потребления.

Биробиджане и взрослые и дети. Он работает на областной станции юных техников, а в свободное от работы время — в городском клубе туристов, откуда начинаются маршруты близких и дальних путешествий многих наших земляков: учащихся и молодых рабочих предприятий города и области.

Туризм — очень популярный в области вид спорта. Пешие, лыжные походы, отдельные путешествия на мотоциклах, велосипедах и автомо-

билях совершают жители области, чтобы услышать пение птиц и перезвоны родников, увидеть первозданную красоту родной дальневосточной земли.

УНИКАЛЬНЫЕ НАХОДКИ АРХЕОЛОГОВ

Вот уже многие годы на территории области ведут раскопки археологи Дальневосточной экспедиции Новосибирского Государственного ин-

доковском известковом заводе начато строительство цеха по выпуску известняковой муки мощностью в 300 тысяч тонн в год.

В поселке Бира намечено построить завод металлических изделий. На Тунгусском ДОКе планируется строительство четырехрамного завода, в поселке Смидович будет построена швейная фабрика, предусмотрена реконструкция Смидовичского завода автоспецеоборудования и завода силикатного кирпича в поселке Приамурский. Новые хлебозаводы планируется построить в селах Ленинское, Амурзет. В Биробиджане намечается строительство более мощной газораздаточной станции.

Одной из важнейших задач, которую предстоит решить в ближайшие годы, является развитие сельскохозяйственного производства для полного удовлетворения потребностей населения в картофеле, овощах, цельном молоке, яйце и в значительной мере в мясе за счет собственного производства.

В свете требований ноябрьского (1971 г.) Пленума ЦК КПСС перед сельским хозяйством области в нынешней пятилетке стоят большие и сложные задачи.

Труженики сельского хозяйства должны увеличить производство зерна к 1975 г. на 78 процентов, сои — на 63, овощей — на 52, мяса — на 73, молока — на 38, яиц — на 74, меда — на 54, картофеля — на 81 процент больше по сравнению с 1970 годом.

Мелнораторы треста «Биробиджанводстрой» в девятой пятилетке должны ввести в эксплуатацию осушенных земель

бронебойные наконечники стрел, копья, ножи, кинжалы, боевые топоры, панцирные кольчуги, пластины, бронзовые украшения — бляхи, браслеты, кольца, серьги.

В пятнадцати километрах от села Кукелево, в местечке Польш, найден и раскопан уникальный памятник раннежелезного века (XI—VI век до н. э.) — одиннадцать жилищ-землянок, очень крупных по размеру и неожиданно покинутых древними жителями. Сосуды целые, хорошо со-

хранившиеся. В них хранилось просо. Но в результате пожара оно обуглилось, а жилища — сгорели. На международной выставке ЭКСПО-70 в Японии демонстрировались археологические памятники из местечка Польш.

В настоящее время археологические раскопки и исследования продолжаются. Цель этих исследований — собрать материал, позволяющий решить одну из интересных проблем Дальнего Востока — про-

В 1971—1975 годах будет проведена большая работа по строительству новых промышленных предприятий, цехов, участков, а существующие планируются значительно реконструировать и расширить.

Большие строительно-монтажные работы будут проведены на заводе «Дальсельмаш». За годы пятилетки здесь войдет в строй главный корпус завода, кузнечный и литейный цехи.

На заводе силовых трансформаторов предусматривается ввод нового современного корпуса и базового инструментального цеха, ведется полная реконструкция ТЭЦ, недавно вошла в строй обувная фабрика на 4,2 миллиона пар обуви в год, цех крупнопанельного домостроения.

Большие работы по реконструкции и расширению будут проведены на заводе «Изопласт», пимокатной, текстильно-швейной, трикотажной, кондитерской фабриках, хлебозаводе, пивзаводе, мясокомбинате.

Значительная работа предусматривается по укреплению материально-технической базы строительных организаций, что даст возможность увеличить и ускорить строительные работы в области.

В новой пятилетке более быстрыми темпами будет развиваться промышленность в Облученском районе. На комбинате «Хинганолово» планируется ввод в эксплуатацию новой шахты «Березовая», что еще более увеличит добычу цветного металла.

Работы по реконструкции и расширению производства будут проведены на Теплоозерском цементном заводе. На Лон-

ститута истории, филологии и фило-софии Сибирского отделения Академии наук СССР. Руководит экспедицией академик Окладников А. П. У села Найфельд археологами обнаружен и раскопан мохэский могильник. Он характеризует собою одно из самых полных захоронений и обрядов мохэского погребения с сохранившимися предметами материальной культуры.

Богаты археологическими памятниками эпохи возникновения и произ-

водства железа районы сел Кукелево, Амурзет, Екатерино-Никольское. У села Кукелево тоже обнаружено одно из мохэских захоронений, относящихся к VI веку н. э. У села Надеждинского найден единственный пока могильник чжурчженей. Раскопки могильника велись в 1970 году. В могильнике обнаружены скелеты древних людей, великолепно сохранившиеся красивые глиняные сосуды, изготовленные на гончарном круге, много вещей и оружия из железа:

и улучшенных сенокосов на площади 47 тысяч гектаров и оросить 720 гектаров пашни.

Одной из основных задач является повышение урожайности зерновых, сои, картофеля и овощей. Кроме того, предстоит обеспечить дальнейшее развитие животноводства на основе осуществления в каждом хозяйстве системы эффективных мер по укреплению кормовой базы, улучшению породности скота и птицы и повышению их продуктивности при одновременном росте поголовья.

Планируется увеличить поголовье крупного рогатого скота на 27 процентов по сравнению с 1970 годом, осуществить строительство ряда животноводческих комплексов.

В новой пятилетке в значительных размерах увеличится поставка сельскому хозяйству области тракторов, комбайнов, автомашин и расширится ремонтная служба.

Получат дальнейшее развитие все виды транспорта. Грузооборот железнодорожного транспорта увеличится почти на 27 процентов, автомобильного (общего пользования) — на 53 процента. На основе новейших достижений науки и техники будут развиваться и далее средства связи, радиовещания и телевидения.

Многое предусматривается сделать по дальнейшему повышению материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Улучшится торговое обслуживание населения. Продажа товаров населению возрастет на 40 процентов, расширится сеть предприятий общественного питания. Объем бытовых услуг, оказываемых населению области, на-

блему столь раннего появления железа на этой территории и проследить пути дальнейшего развития истории и древней культуры. Археологи пытаются восстановить пути проникновения человека на данную территорию, заселения ее и развития человека в южной части Дальнего Востока. Польцовская культура в этом отношении обогатила прежние знания археологов, открыла им одну из интересных страниц прошлого. Поиски археологов продолжаются. И нет со-

мнения, что они увенчаются еще не одним интересным открытием.

РЫБОВОДНЫЙ ЗАВОД

Воспроизводство рыбных запасов Амура — одна из острых сегодняшних проблем. Особый интерес потребителей к лососевым привел к тому, что количество кеты в Амуре за последние годы заметно снижается. Выход из создавшегося положения единственный — искусственное воспроизводство кеты. В настоящее вре-

чено увеличить более чем в два раза, в том числе в сельской местности — в три раза.

Дальнейшее развитие получают народное образование, здравоохранение, социальное обеспечение.

В новой пятилетке в области будут построены школы более чем на семь тысяч мест. Сеть детских дошкольных учреждений увеличится на 1680 мест. Будут построены новые Дома культуры, клубы, библиотеки.

Трудящиеся области, как и все советские люди, единодушно одобрили решения исторического XXIV съезда КПСС и с большим подъемом включились во всенародную борьбу за успешное претворение в жизнь великих предначертаний партии.

С выполнением грандиозных задач, поставленных XXIV съездом партии, значительно возрастет материальный и культурный уровень жизни трудящихся, еще больше преобразится, краше станет облик наших городов и сел. Вместе со всем советским народом трудящиеся области выполняют задачи, поставленные партией и правительством. Новыми трудовыми успехами встречают они 50-летие образования СССР и освобождения Дальнего Востока от военной иностранной интервенции и белогвардейцев, не жалеют сил и энергии, вносят свой достойный вклад в общенародное дело — строительство коммунизма в нашей стране.

ВАЛЕРИЙ ПАНМАН

ВОПЛОЩЕННАЯ МЕЧТА ПЕРВОСТРОИТЕЛЕЙ

Хороши майские ночи в Биробиджане. Город окутывает мягкая темнота. Только светятся редкие окна в домах да бросают на мокрый асфальт приглушенный свет фонари. В ту далекую ночь, отдаленную от нас сорока тремя годами, переселенческий эшелон остановился на маленьком глухом полустанке среди полной тьмы. Нудно постукивал по крышам вагонов дождь, над тайгой ползли тяжелые свинцовые тучи. Позади остались три с лишним недели пути, впереди была неизвестность.

Станция «Тихонькая» встретила новоселов молчанием. Нескончаемо лил дождь, где-то совсем рядом пугающе шумела тайга. Ни голоса, ни паровозного гудка... Тишина... Конец долгого пути.

В эшелоне никто не спал — ни молодые, ни те, у кого за плечами уже были зрелые годы. Строили планы, пытались угадать будущее, мечтали, шутили.

— Вот это станция! Даже вокзала нет, — невесело сказал кто-то, не подозревая, что рядом с ним находится сам будущий начальник вокзала — этот рыжеватый парнишка, Гришка Вендеров.

— Это и есть то самое место, куда Макар телят не гонял, — сострил толстый портной из Витебска. — Теперь я знаю точный адрес.

— Тогда садись, пиши письмо жене. Да не забудь передать привет от нас.

По вагону волнами прокатился смех. Дальше — больше. Парни пугали девушек уссурийскими тиграми, обещали в самое ближайшее время настрелять тигров и всем-всем по-

шить полосатые дохи. А кто-то, вздыхая, вспоминал свой аккуратный домик на тихой улочке Гомеля, оставшуюся там семью, сирень в палисаднике. Так прошла ночь.

А утром, когда люди распахнули двери вагонов, им в лицо ударило яркое весеннее солнце. Где-то неподалеку голо-систо запел петух, омытый вчерашним дождем воздух был свежим, дышалось легко и свободно. И этот неожиданный петушиный крик, и свежесть солнечного утра словно бы отодвинули куда-то далеко недавние сомнения и тревоги. В эшелоне началась веселая суматоха. Переселенцы из Минска, Гомеля, Витебска, будто и не было этого многодневного пути, легко схватывали с нар свои чемоданы, баулы, узлы, корзины, выгружались на раскисшую от дождя землю, которая уже не казалась такой неведомой и враждебно-пугающей.

Никто из первостроителей не мешкал. Преодолевая неровную тропу, которую первый председатель Тихоньковского поссовета Роман Трофимович Коваленко не без юмора именовал дорогой, люди добрались наконец до высокого берега Биры. Они поставили вещи на землю и огляделись. Быстро катила свои синие воды река. Здесь же к берегу приткнулась маленькая, казавшаяся игрушечной, мельница — единственное пока предприятие поселка. Молодая женщина в цветастом платье махала косынкой с паром, приветствуя новоселов. Здесь, как и на многих других полустанках, разбросанных по великому Транссибирскому пути, еще не было ни радио, ни электричества. Но была уже одна начальная школа и кооперативная лавка. Было чуть по-

мя по Амуру расположено четыре рыбободных завода: Нижнеудинский, Хунгаринский, Биджанский, Тепловский.

Самый крупный из них — Тепловский рыбободный завод в Теплоозерске. Он заложен в 1928 году. Даже в то тяжелое время страна думала о рациональном использовании природных богатств, регулировала их баланс и запасы. Нынче завод значительно расширился, количество выращиваемых здесь мальков увеличи-

лось во много раз по сравнению с первыми годами его работы.

— В год мы на заводе выращиваем и выпускаем в Амур около сорока—пятидесяти миллионов мальков, — рассказывает главный инженер завода Валентина Федосеевна Бешенцева. — Сперва идет период инкубации икринок, а потом три-четыре месяца подращиваем молодь. В 1970 году завод перекрыл первый миллиард мальков, выпущенных в Амур за все годы существования.

больше шестисот жителей. В иных местах начинали и с меньшего.

Двести пятьдесят четыре улицы и переулка теперь в Биробиджане. Пятиэтажные дома здесь давно не редкость. Стоит подняться на зеленую сопку, что высится курганом над Бирой, встать рядом с телевизионной башней — и взору откроется широкая панорама молодого социалистического города. С запада на восток, от завода «Дальсельмаш» до завода железобетонных изделий, параллельно реке тянутся главные магистрали областного центра. Улицы имени Ленина, Калинина, Шолом-Алейхема, Набережная... Если на город смотреть с сопки поздним вечером, он представляется морем огней. Словно какой-то щедрый волшебник бросил в бархатную черноту целую пригоршню драгоценных камней. Это горят огни в домах, светятся пролеты фабричных и заводских цехов. В почти шестидесятитысячном Биробиджане и ночью не прекращается жизнь. Ритмично стучит стальное сердце теплоэлектроцентрали, работает телеграф, на станционных путях перекликаются маневровые паровозы. Весело мигают зеленые огоньки семафоров, и уходят составы, увозят в разные концы страны зерновые и силосоуборочные комбайны, мощные силовые трансформаторы, металлообрабатывающие станки, мебель, обувь, швейные и трикотажные изделия...

Один мой приятель говорил, что он взялся бы написать роман по телефонному справочнику. Я бы не взялся. Но в том, что справочник дает богатую пищу для размышлений, — в этом мой приятель, пожалуй, прав. В справочниках иных городов вы встретите названия улиц и переулков, которые са-

На заводе выросли замечательные кадры рыбоводов. Отличными специалистами своего дела стали ведущая лабораторией инженер-рыбовод Елена Павловна Четверкина, рабочий-рыбовод Анна Григорьевна Головлева.

Выпущенные в Амур мальки на четвертый год осенью возвращаются к истокам, став уже взрослыми рыбами.

В настоящее время запасы кеты в Амуре, в основном, регулируются ры-

вободными заводами. И увеличение мощностей рыбоводных заводов — это один из главных путей воспроизводства этой ценнейшей рыбы на Дальнем Востоке.

НА ОХРАНЕ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ

Неповторима красота природы области. Но, как показывает жизнь, она требует бережливого отношения, хозяйского глаза, заботы и охраны от

ми по себе — живая история: «Зарядье», «Купеческая», «Стрелецкая», «Калашный ряд» и что-то еще в этом роде. Биробиджан, ровесник Комсомольска-на-Амуре, строился в советское время, и здесь мы не найдем таких названий. Советская, Пушкина, Театральная, Кавалерийская, Чапаева, Волочаевская, Маяковского... Наименования улиц отражают героическую историю страны, особенно период гражданской войны, которая, как известно, на Дальнем Востоке закончилась только в 1922 году. Недавно в журнале «Дальний Восток» я встретил заметку, из которой узнал, что Хабаровский край самый «читающий». Может, это отсюда такое пристрастие горсовета к именам писателей в названиях улиц?

Рассекающая город примерно на две равные части, улица Шолом-Алейхема заканчивается, вливаясь в новый микрорайон. Это поселок имени Героя Советского Союза Иосифа Бумagina, бывшего рабочего обозного завода, повторившего в годы Великой Отечественной войны подвиг Александра Матросова. Сегодня поселок — это десятки больших современных домов, где живут комбайнстроители, школы, магазины, клубы, зеленые скверы, стадион... В сквере у заводоуправления рабочие завода воздвигли величественный памятник герою. А может быть, пришла пора и для того, чтобы улицы и парки города сохранили для потомков имена его первостроителей?

Их осталось уже немного — тех, кто в годы первых пятилеток закладывал здесь, в тайге, пестовал, как любимое дитя, наш красивый белокаменный город. Украшал его аллеями тополей, строил заводы, школы, Дворцы культуры. Про-

всяческих бед: пожаров, наводнений, браконьерства, нерационального ее использования. Для этой цели в области действуют около двухсот пятидесяти первичных организаций общества охраны природы. Охотники и рыболовы, работники лесхозов, учащиеся и молодежь — те, кто любит природу, ее друзья, являются членами этих организаций.

С участием членов общества (их в области более сорока тысяч человек) в населенных пунктах высажено вес-

ной 1971 года 255 тысяч штук саженцев деревьев и кустарников, а в лесхозах — 2260 гектаров новых лесов.

Много дел в области у членов общества охраны природы: охрана диких животных и птиц, а также рыбы — в период нереста; соблюдение правил охоты; предупреждение лесных пожаров; защита земель от ветровой и водной эрозии; сбережение чистоты рек, озер и других водоемов, а также атмосферного воздуха от загрязнения. Сохранение и сбере-

шли десятилетия, но в городе многое носит следы деятельности первостроителей, хранит тепло их рук. Сам город — воплощенная в бетоне и камне их высокая человеческая мечта.

Сегодня площадь Советов — одно из красивейших мест Биробиджана. Летом она утопает в цветах, под прохладной тенью белой сирени, у памятника Владимиру Ильичу Ленину весело резвятся дети. Кто расскажет им, скольких трудов стоило создание этого великолепия? Когда-то был здесь заброшенный карьер, откуда брали песок и щебень на строительство железной дороги. В пору летних дождей и осенних паводков тут разливалось целое озеро, хоть катайся на лодке. В краеведческом музее сохранилась фотография, запечатлевшая работы по благоустройству площади. На снимке виден плакат с призывом: «Сделаем для социалистического города Еврейской автономной области образцовую площадь!» Как же не вспомнить добрым словом людей, которые первыми строили город! Николая Степановича Каблукова и Рувима Абрамовича Штейна.

Первые годы Биробиджана связаны с именами десятков людей, которых по праву можно назвать романтиками и первопроходцами. Еще совсем недавно вы могли встретить на улице или каком-то торжественном вечере высокого статного мужчину с широкими буденовскими усами — А. М. Соболенко, ветерана гражданской войны, ударника первых пятилеток. И другого — Израиля Абрамовича Гольдмахера, человека, которого первым в 1937 году трудящиеся области направили своим представителем в Верховный Совет страны.

жение природы в своем первозданном виде и красоте — вот главная и повседневная забота истинных ее друзей.

МЕЛИОРАТОРЫ ВЫХОДЯТ НА НОВЫЕ РУБЕЖИ

Каждый гектар пахоты в области приходится отвоевывать у болот и тайги. Этим занимается трест «Биробиджанводстрой». В 1970 году кол-

лектив треста осушил около четырех с половиной тысяч гектаров земель. Освоено культуртехникой более восьмисот гектаров. Большие планы у мелиораторов на новую пятилетку. Надо осушить 47 тысяч, оросить — 720 гектаров и освоить культуртехникой 13 тысяч гектаров.

— Трест хорошо снабжается техникой, — рассказывает начальник производственно-технического отдела треста Юрий Иванович Пантелеев, — энерговооруженность его высокая.

С именем Гольдмахера в то время связано становление первого промышленного предприятия Биробиджана — мебельной фабрики. Если бы мы сумели вдруг перенестись в август 1929 года в украинский городок Малин, мы попали бы на собрание кустарей мебельной артели «Выгода». В тесном клубе кулспромсоюза было сизо от табачного дыма, шумно от взволнованных речей. Обсуждалось решение ЦИК СССР «О закреплении для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободных земель в Приамурской полосе Дальневосточного края». Голоса разделялись. Было немало таких, кто готов был сразу же, после собрания, собираться в дорогу. Но осторожные охлаждали их пыл.

— От добра добра не ищут, — прятались они за старой мудростью.

— Как это вдруг, очертя голову бросить все нажитое за долгие годы и уехать на какой-то полустанок, которого и на карте-то нет?

Решено было послать на станцию Тихонькая двух ходоков. Выбрали самых авторитетных и рассудительных — Д. Х. Звенигородского и А. З. Дудкина. Давид Хаймович впоследствии вспоминал: «Ехали мы через Киев, Воронеж, Пензу, Самару, десятки других больших и малых городов — целые двадцать дней. На узловых станциях нас встречали уполномоченные по переселению, помогали компостировать билеты, снабжали талонами на обеды. По льготным ценам за пять копеек мы получали хлеб, сахар и другие продукты питания».

Пятого сентября ходоки добрались до конечного пункта своего пути. Дальневосточный сентябрь поразил их своим ве-

Главная проблема на сегодняшний день — постоянное закрепление кадров. Этому мы уделяем много внимания, хотя без трудностей не обходится.

Трест готовит земли для сельского хозяйства по всей территории области. Под сою, пшеницу, овощи и другие культуры. И чем больше будет подготовлено земель, тем больше будет перспектив для дальнейшего подъема и развития сельского хозяйства.

НА ЦЕЛЕБНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Дальний Восток хорошо известен целебными минеральными источниками. Многие из них расположены на территории Еврейской автономной области. Охотники знают источник Туловской, находящийся в живописной долине реки Туловской, именем которой он назван. А жители села Венцелево давно уже освоили минеральный источник, расположенный неподалеку от села.

ликолепием. Природа, казалось, надела свой самый лучший убор, старожилы угощали «разведчиков» вкусным картофелем, сочными помидорами, сладкой тыквой и вареной кукурузой. Так ходоки сразу же получили ответы на два вопроса, которые им было поручено исследовать: каков климат в предполагаемых местах переселения, плодородна ли земля? Быстро было выяснено и остальное — вода оказалась прекрасной и имелась в избытке, достаточно было и сырья для производства гнутой мебели. Что касалось сбыта, то торгующие организации Хабаровска готовы были немедленно заключить договор на любое количество стульев.

Последовал обмен телеграммами между Хабаровском и Малиным. Ходоки сообщали на Украину, что их миссия завершилась вполне успешно, просили дальнейших распоряжений. Из Малина телеграфировали: приступайте строить фабрику.

После долгих поисков выбор ходоков остановился на усадьбе некоего гражданина Иконникова. Это был двухкомнатный домик с большим бревенчатым амбаром и разработанным огородом. В стоимость покупки — две тысячи рублей, полученных в кредит в переселенотделе, — входили также незавидная домашняя обстановка, петух и шесть кур, а кроме того, злая сторожевая собака. Вот так начиналась промышленность Биробиджана.

Мы опустим многие важные события, упомянув лишь о том, что 1 мая 1930 года торжественно праздновалось открытие фабрики, выпустившей к тому времени первые сто стульев. Но, несмотря на громкое название, это было пока ку-

Большой известностью пользуются не только в крае, но и за пределами Дальнего Востока минеральные источники курорта «Кульдур». Имея в своем составе кремниевую кислоту и многие ее компоненты, минеральная вода оказывает благотворное влияние на организм человека, помогая излечивать целый ряд заболеваний. Курорт расположен в отрогах Буреинского хребта, в долине реки Кульдур. Температура воды минеральных источников равняется 72 градусам.

Тысячи дальневосточников ежегодно поправляют здесь свое здоровье. Целебные источники хорошо служат человеку — созидателю и хозяину земли, которую он обживает и украшает своим трудом.

ЦВЕТУЩИЙ ЛОТОС — КОРОЛЬ КРАСОТЫ

Часто случается, что природа поражает нас своими неожиданностями. В самом деле, откуда в краю снеж-

старное предприятие, где станок для точки царг и ножек к стульям приводила в движение старая слепая лошадь. Впрочем, вскоре все изменилось. На помощь переселенцам пришло государство, местные партийные и советские органы. Из Житомира, Киева и Малина поступали станки, машины, инструмент. И уже в том же 1930 году артель стала ежедневно выпускать по сто двадцать гнутых стульев, которые отправлялись в Хабаровск и там были нарасхват. Дружный, трудолюбивый коллектив артели был гордостью поселка, местные власти ставили его в пример приезжающим переселенцам. Их приводили на фабрику и в квартиры мебельщиков, показывали, как те устроились и работают. Впоследствии фабрика освоила выпуск и другой продукции — она выпускала гардеробы, книжные шкафы, конторские столы, мягкие диваны, театральные скамьи и разные другие изделия. Они шли в города Сибири и Дальнего Востока.

Может быть, не стоило бы так подробно рассказывать об этой фабрике — ее давно нет, сейчас в Биробиджане действует деревообрабатывающий комбинат, оснащенный современным оборудованием, его продукция измеряется сотнями тысяч рублей. Но эта маленькая история очень типична для становления и других биробиджанских предприятий — заводов «Дальсельмаш» и силовых трансформаторов, трикотажной фабрики... Она показывает, как с помощью Советского государства, при братской помощи всех народов страны росла и развивалась наша область и ее административный центр — Биробиджан. История мебельной фабрики это в то же время — история многих человеческих судеб, людей, обрет-

ных метелей — лотос, этот необыкновенный посланец южных широт? Что это: причуда природы или извечное стремление всего живого в мире к барьеру недоступности? В нашей области граница цветущего лотоса проходит у села Петровки Биробиджанского района и села Благословенного Октябрьского района, у озера Утиног. Во время цветения лотоса, с конца июля и весь август, жители этих сел приходят полюбоваться неповторимым цветением ко-

роля. красоты. Огромный нежный цветок розового цвета будто вобрал в себя все трепетные краски зари. До полуметра он возвышается над водой на прочной цветоножке в окружении широких зонтовидных или чашеобразных листьев. У лотоса нет запаха, черешки листьев покрыты шишечками, семена съедобные и прорастают иногда, пролежав в земле даже тысячелетие. Лепестки цветущего лотоса полностью не раскрываются. Будто он боится, что зави-

ших здесь, на берегах Биры, свою вторую Родину, ставших ее достойными гражданами.

Здесь уже упоминалось, что один из первых рабочих артели И. А. Гольдмахер был избран первым депутатом Верховного Совета СССР. Моторист двигателя Юфа стал впоследствии артистом одного из Московских театров. Так с ростом предприятий, с ростом города росли и люди.

Стадион «Строитель» — одна из достопримечательностей Биробиджана. В дни больших торжеств здесь собирается свыше пятнадцати тысяч горожан. В обычные субботы и воскресенья на зеленом поле стадиона разгораются жаркие футбольные баталии. Среди самых заядлых болельщиков вам наверняка назовут и Филиппа Марковича Генкина, начальника цеха завода «Дальсельмаш». Из Одессы Генкин привез в Биробиджан горячий темперамент южанина, пару сильных рук и огромное желание работать. На его глазах, при его участии маленький обозный завод превратился в крупнейшее машиностроительное предприятие Дальнего Востока, чья продукция известна и в Болгарии, и на Кубе, и в Ираке, и во многих других странах.

В числе первых переселенцев приехали в Биробиджан Солмон Абрамович Глушкин и Циля Исаковна Дворкина. Ныне оба они заслуженные учителя школы РСФСР. Они приехали сюда в расцвете молодости, как те, другие, из Белоруссии, Украины, чтобы построить здесь город. И они построили его — чудесный зеленый город-сад.

Если вы хотите встретить кого-нибудь из них, вам лучше всего направиться на площадь Советов. Вот видите, нам как

стливые глаза случайно украдут его красоту или от этого прекрасного цветения померкнет само солнце. А как же тогда жить цветущему лотосу под этим небом? Ведь тогда никто не увидит даже частицы его божественной красоты.

ДАРЫ ТАЙГИ — НА СЛУЖБУ ЧЕЛОВЕКУ

Богата своими дарами дальневосточная тайга. Ягоды и грибы, лекар-

ственные растения, орехи, птица, пушнина и мясо диких животных, меховое сырье и рыба — все это есть в тайге. В Еврейской автономной области добычей всех даров тайги в организованном порядке занимается госпромхоз. Он организован в 1962 году и его коллектив бесценно занимает первые места в социалистическом соревновании среди коллективов госпромхозов края по заготовке и сдаче государству даров тайги.

Большой доход приносит госпром-

раз повезло. Посмотрите на того невысокого роста мужчину, который старательно катит впереди себя коляску, где безмятежно лежат две его внучки. Это же наш старый знакомый Гриша Вендеров. Ну да, тот самый, который приехал сюда в мае 1928 года с первым эшелоном. Сейчас, конечно, только старые друзья решатся назвать его Гришей. Григорий Абрамович тридцать пять лет бессменно проработал начальником вокзала. Тридцать пять лет день за днем он выходил в своей форменной красной фуражке на перрон встречать и провожать поезда — скорые, почтовые, товарные. И ни разу не соблазнила его мысль: сесть в один из этих поездов и уехать на запад. Нет, оставить Биробиджан он бы не смог: слишком много связано с ним разного — и радостного и горького. Здесь родились его дети. И дети его детей. Здесь плоды его труда, здесь его счастье и гордость. Гордость — что вот же осилили все бывшие невзгоды, осуществили свою мечту. Пусть теперь ее продолжают молодые. Такие, как его сын Вилен, ставший начальником крупного автотранспортного предприятия.

Еще каких-нибудь десять лет назад любимым местом отдыха биробиджанцев постарше был маленький скверик, уютно пристроившийся между павильоном мороженого и ларьком в самом центре города. Здесь, в прохладной тени, в старомодных широких брюках и соломенных шляпах чинно сидели старички, степенно обмениваясь новостями. Сейчас этого скверика уже нет, на его месте разбит новый. В центре его, круто взмывая в прозрачную синеву неба, строгая и величественная, стоит белоснежная стела. Это памятник тем, кто не вернулся с фронтов Великой Отечественной войны. Здесь вечерами звучат гитары, гуляют парни с девушками, звучит смех. Биробиджан молодеет. Это дети и внуки первостроителей и солдат Великой Отечественной. Те, кто сегодня продолжает здесь дело отцов и дедов.

МАЙК ДЕЙВИДОВ,
корреспондент «Дейли Уорлд»,
НЬЮ-ЙОРК

БИРОБИДЖАНСКИЙ РЕПОРТАЖ*

Евреи в колхозах и на заводах

Трудиться на полях, на земле... Веками мечтали об этом в царской России жители черты оседлости, вынужденные «питаться воздухом» и не имевшие подчас никакой определенной профессии. Наряду с другими вековыми чаяниями Октябрьская революция помогла осуществиться и этой мечте.

В Валдгеймском колхозе, расположенном в девяти километрах от города Биробиджана, евреи вот уже свыше сорока лет занимаются высокопродуктивным земледелием. Колхоз и селение Валдгейм буквально вырваны у тайги. Отсюда и название Валдгейм — «Лесной дом», «Родной дом в лесу».

Нынче Валдгейм — образцовое хозяйство, одно из самых цветущих на советском Дальнем Востоке. Председатель колхоза Владимир Пеллер — Герой Великой Отечественной войны, депутат Верховного Совета СССР. Во время моего пребывания в Биробиджане Пеллер находился в Москве на VII сессии Верховного Совета. С хозяйством меня познакомил главный зоотехник колхоза Семен Ходос, очень интересный человек.

Впечатляющая статистика

Ходос приводит цифру за цифрой. 70 тракторов, 18 комбайнов, 45 грузовых автомашин, 9 силосоуборочных комбайнов; электрооборудование, рассчитанное на обработку трех тысяч

* «Биробиджанский репортаж» опубликован в журнале «Советиш Геймланд», 1970, № 12.

гектаров пашни; 2500 голов скота; работает в хозяйстве 560 человек, а всего населения 800 душ.

За последние пять лет производство молока в Валдгейме возросло в 2,5 раза, мяса — в 4, пшеницы — в 3, картофеля — в 2,5, овощей — в 1,5 раза.

Есть в Валдгейме своя больница, четыре детсада, средняя школа, библиотека с солидным фондом книг на русском и еврейском языках, Дом культуры.

С историей Валдгейма нас познакомил в школе ее директор Пришкольник. Он приехал в Валдгейм с Украины 34 года назад, окончил еврейский техникум, позже — Хабаровский педагогический институт.

Валдгеймская школа располагает самым современным оборудованием, как, например, подобные московские школы. Учителей — 25, учеников — 350. Педагоги обеспечены удобными квартирами, которыми пользуются бесплатно.

Учитывая потребности колхоза, дирекция школы уделяет особое внимание природоведению, сельскохозяйственным дисциплинам. Со своей стороны колхоз является как бы естественной лабораторией для практических занятий учащихся.

Задержавшись возле одной из вывешенных на стене диаграмм, Пришкольник с нескрываемой гордостью говорит:

— Вот смотрите, кем стали некоторые из наших выпускников за последние тридцать лет: 62 — инженерами, 85 — техниками, 81 — специалистами сельского хозяйства; 58 — учителями, 14 — врачами, 9 — работниками культуры, 16 — трактористами, 12 — бухгалтерами, 255 — квалифицирован-

хозу заготовка пушнины и мяса диких животных. А дикорастущие ягоды здесь дают на сок и отправляют на винные заводы для изготовления плодово-ягодных вин. Особое внимание в госпромхозе уделяется заготовке лекарственно-технического сырья для фармацевтических заводов: пантов изюбра и кабарговой струи, корней элеутерококка и аралии, семян лимонника. Ценная кабарговая струя используется также в парфюмерной промышленности — она придает стой-

кость духам. Панты изюбра и молодые побеги папоротника «Орляка» госпромхоз поставляет на экспорт.

Отдельную отрасль в госпромхозе занимает пчеловодство. Здесь имеется около шестисот собственных пчелосемей и организовано общество пчеловодов-любителей, которые продают государству излишки меда со своих пасек.

Все эти дары тайги идут к столу дальневосточников.

ными рабочими, 156 — служащими государственных и общественных учреждений...

Замечательный итог

Кроме диаграмм история Валдгейма и школы отражена в серии фотоснимков, уже слегка тронутых временем. Пришкольник называет имена. Это Фейга Файман, бывшая ученица школы. Сейчас она знатный овощевод, член Комитета советских женщин. Это Рахиль Фрейдкина. Заслуженный агроном республики. Была депутатом Верховного Совета СССР. А это Пеллер — председатель колхоза. Снимок сделан на фронте, где Пеллер здорово дрался с нацистами. Он удостоен ордена Славы всех трех степеней.

Не все переселенцы осели в колхозе. Что стало с теми, которые ушли? Некоторые из них в городе Биробиджане помогали строить разные предприятия, например, завод «Дальсельмаш», известный всему Советскому Союзу и во многих зарубежных странах своими отличными комбайнами. Эти машины, специально приспособленные для уборки урожая на переувлажненных землях, сейчас работают на рисовых плантациях Кубы, Демократической Республики Вьетнам.

Советский еврей отвечает

Среди двух с половиной тысяч рабочих «Дальсельмаша» — люди многих национальностей. Из них 28 процентов — евреи. «Что у вас в стране слышно?» — спросили меня рабочие.

ЗАКАЗНИКИ

На территории области расположены три заказника: «Ульдуры» (Биробиджанский район), «Чурки» (Ленинский район) и «Шухи-Поктой» (часть территории Биробиджанского и Облученского районов). Самый крупный из них — «Чурки» — имеет площадь более восьмидесяти тысяч гектаров. Основное назначение заказников — воспроизводство животного мира и сохранение природы, как эта-

лона, ибо без этого достичь поставленной цели тяжело.

Богат животный мир области. Изюбр, кабан, лось, косуля, волк, белка, бурундук, рысь, медведь, соболь, норка, выдра, колонок, барсук, харза, енотовидная собака, лисица, кабарга, заяц и другие дикие животные, пушные звери и хищники водятся здесь. Из множества видов птиц обитают здесь и такие, как фазан, тетерев, рябчик, вальдшнеп, утки, появляются и пролетные гуси.

Я рассказал о разнузданной антисоветской кампании, которую раздули в США сионистские пропагандисты, утверждая, будто советские евреи нуждаются в «спасении» и что они хотят выехать в Израиль.

Кто-то засмеялся, кто-то недоуменно покачал головой, а один из самых уважаемых на заводе людей — Яков Куль — сказал:

— Во время фашистской оккупации я четыре года прожил на Украине. Трудно представить себе нечто более ужасное. Я был тогда ребенком, но в беде и дети быстро взрослеют. Я иногда думаю: может, все это надо было пережить, чтобы понять, на краю какой пропасти тогда очутилось человечество. Кое-что должно быть ясно и тем, кто распускает чудовищную ложь о Советском Союзе. Каждый человек, тем более каждый еврей, знает, что помешал гитлеровцам осуществить свой план полного истребления евреев. Знают ведь в Соединенных Штатах Америки и о том, как жилось евреям при царизме в черте оседлости и что только Советская власть вызволила их из нищеты и бесправия. Или у вас обо всем этом уже забыли?

Сейчас вы сами, собственными глазами видите: после всех перенесенных тяжких испытаний мы живем мирно, спокойно и с каждым годом все лучше и лучше. Вы видите нас здесь, в Биробиджане, в единой, дружной семье с представителями других народов. Мы вовсе не собираемся рисовать перед вами идиллическую картину. В каждой семье, у каждого человека, тем более в каждом коллективе есть свои проблемы, радости и огорчения. Разве у вас, у американских евреев, все свои

Дикие животные, охраняемые человеком среди живописной природы заказников, находят здесь себе достаточно пропитания, интенсивно размножаются и уходят отсюда по всей территории области, равномерно подерживая этим самым естественный баланс животного мира.

БОЛЬШИЕ ЭТАПЫ СЕЛА

Межрайонное производственное управление сельского хозяйства объ-

единяет совхозы области и имеет в своем ведении 132 тысячи гектаров пахотных земель. Из зерновых культур здесь культивируются: соя, пшеница, овес, ячмень, кукуруза. Из овощных: помидоры, капуста, огурцы, морковь, свекла. Самая большая площадь в крае занята здесь под картофель — около трех с половиной тысяч гектаров.

Большое внимание уделяется возделыванию ценнейшей сельскохозяйственной культуры — сои. Ей от-

проблемы решены и вам ничего больше не остается, как заниматься нашими? Или сионисты взаправду думают, что им удастся вместо Советского Союза подsunуть нам другую родину? Скажите мне, что хотят от нас эти господа? Почему наша спокойная, мирная жизнь стала им поперек горла?

Прогулка по улице Шолом-Алейхема

В городе Биробиджане я часто гулял по улице Шолом-Алейхема. По обе стороны прекрасной широкой магистрали тянутся ровные ряды деревьев. А перед моим мысленным взором вставала картина гетто, изображенная бессмертным еврейским народным писателем. Болью и горечью был пропитан юмор Шолом-Алейхема, и вместе с тем он был полон оптимизма, верой в будущее народа. Да, этот дух оптимизма живет в Биробиджане.

Те, кто тоскует по узким улочкам гетто, по еврейской изолированности, обособленности, те пусть проливают слезы по поводу судьбы евреев в Советском Союзе. Совершенно иначе думают об этом биробиджанские евреи.

Они гордятся тем, что их город интернациональный. Многонациональность — характерная черта всех советских городов. Единение народов и наций здесь гармонично, естественно и нисколько не похоже на то, что мы видим в наших американских городах. Нет в Биробиджане, да и нигде в Советском Союзе, отгороженных национальных кварталов, сплошь заселенных евреями, русскими, украинцами. В Биробиджане

ведено более сорока восьми тысяч гектаров.

— Техническая оснащенность и энергооборуженность наших совхозов довольно высокая, — рассказывает директор управления Владимир Сергеевич Гиригосов. — У нас полностью механизировано возделывание картофеля и зерновых. За прошедшую пятилетку замечен большой прирост использования электроэнергии в сельскохозяйственном производстве. Однако новая пятилетка поста-

вила перед нами новые, грандиозные задачи. Особое внимание уделяется повышению производительности труда в животноводстве и растениеводстве от более широкого внедрения комплексной механизации. Значительно увеличится количество пахотных земель за счет мелиорации и освоения новых площадей.

На новых площадях мы планируем строить новые поселки и благоустраивать старые. Облик села приобретет еще лучший вид. На центральных

сыновья и дочери Шолом-Алейхема живут в согласии и гармонии с сыновьями и дочерьми четырнадцати народов. Около тридцати процентов многотысячного населения города — евреи. Столько же русских. Евреи в области проживают в основном в Биробиджане, в 22 совхозах и двух колхозах.

Башенный кран — символ

Здесь, как везде в Сибири и на Дальнем Востоке, символом непрестанной стройки видятся повсюду башенные краны. На каждой улице строятся новые жилые дома, школы, возводятся новые и реконструируются действующие предприятия.

Биробиджан — необычайно хороший город с озелененными чистыми улицами. Как и в других современных городах, новое здесь уживается со старым. Построенные первыми поселенцами, прочные русские деревянные дома соседствуют с каменными зданиями типа тех, что сейчас строят в Москве (правда, не столь высокие).

Биробиджан полон жизни. В качестве областного административного и культурного центра город играет очень большую роль.

Директор вернулся домой

Не так давно в Биробиджане построили прекрасную гостиницу на 176 номеров, с рестораном, где подают еврейские национальные блюда.

усадебках появились и появляются многоэтажные дома с полными коммунальными услугами. Газификация, асфальтирование, озеленение поселков — этому мы уделяем большое внимание, чтобы труженик села жил в полном современном комфорте. В некоторых селах в ближайшие годы появятся новые учебные заведения. Все это говорит о том, что сельское хозяйство выходит на путь всестороннего, крупномасштабного развития.

ПЕЩЕРЫ — ХРАНИТЕЛИ ТАИН

Внимание спелеологов и туристов Дальнего Востока давно уже привлекли пещеры, расположенные на территории области. И хотя планомерное изучение большинства пещер еще не проведено, можно с уверенностью сказать, что сегодня известны далеко не все пещеры, но и те, которые уже открыты, подарили спелеологам много радостных минут, когда

Директор ресторана Арон Бобровский разговаривал со мной по-еврейски. Приехал он в Биробиджан 32 года назад с группой переселенцев из Аргентины. Родился же он в царской России. Его родители, как и многие другие русские евреи, во время погромов эмигрировали. Побывал в разных странах, в том числе во Франции, Италии, Аргентине. Затем вернулся домой, в Советский Союз, и поселился в Биробиджане.

Как он себя сейчас чувствует? Умные глаза Арона зашевелились: «Как я могу себя чувствовать? Хорошо. Мои дети — уважаемые люди в городе, инженеры. А ведь их дедушка, мой отец, был простым извозчиком, балагулой. Вы же видите — живем мы здесь, как полагается. С нашим городом вы ознакомились и с гостиницей тоже. Я еще на этом месте застал тайгу...»

Биробиджан, я бы сказал, — это советский город с приятным современным еврейским колоритом.

Что слышно насчет культуры

По дороге из Хабаровска поезд, которым я ехал, сделал первую на территории Еврейской автономной области остановку на станции Ин. Это слово русскими и еврейскими буквами начертано на здании вокзала. Еврейский и русский — в области официальные языки. Наряду с русским слышишь еврейский и на улице. Но по-еврейски чаще всего разговаривают люди старших и средних поколений. Областная радиостанция ежедневно передает на еврейском языке новости дня,

под древние их своды, может быть, впервые за тысячелетие, ступила нога человека.

В двенадцати километрах от села Столбовое Октябрьского района спелеологами открыта пещера «Коридорная» карстового происхождения. Находится она в долине реки Казанчихи — правого притока реки Столбовки. В долине Столбовки известна пещера «Берлога», находящаяся на средней вершине горы Пещерной. Пещеры «Светлая» на реке Старчихе,

«Медвежье ухо» — у села Екатерино-Никольское, «Кабанья ловушка» — все эти пещеры довольно хорошо исследованы географами и спелеологами естественно-географического факультета Комсомольского-на-Амуре пединститута под руководством заведующего кафедрой географии этого института, большого энтузиаста по изучению природы и рельефа Дальнего Востока Сергея Николаевича Главацкого.

Членами экспедиции этого институ-

а по субботам также концерты еврейской песни и эстрады, по воскресеньям — литературные передачи.

Областная библиотека имени Шолом-Алейхема, как меня проинформировал ее директор Борис Бергер, насчитывает в своем богатом книжном фонде 140 000 томов. Я зашел в читальный зал, и мне бросилось в глаза: кроме нескольких читателей-евреев, просматривавших журнал «Советиш Геймланд» и газету «Биробиджанер штерн», молодой парень, по облику татарин, склонился над книгой Шолом-Алейхема в русском переводе.

Газету «Биробиджанер штерн» видишь в киосках, домах и на предприятиях наряду с издающейся на русском языке газетой «Биробиджанская звезда». Обе газеты выходят пять раз в неделю на четырех больших страницах. Редактор «Биробиджанер штерн» рассказал мне, что в редакцию поступают сотни писем от евреев со всех концов Советского Союза с просьбой прислать им газету.

Дискуссия и концерт

О деятельности Биробиджанского народного театра и некоторых других вопросах культурной жизни города недавно состоялась непродолжительная, но оживленная дискуссия. В помещении Дворца культуры, которым пользуются как еврейские, так и русские самодеятельные коллективы, присутствовали на этот раз художественный руководитель еврейского народного театра Михаил Бенгельсдорф, писатель Борис

та проведено не только обследование пещер, но и сделано их описание. Большинство их — карстового проявления. Самая крупная из известных пещер — «Ледяная пещера». Находится она в юго-восточных отрогах хребта Малый Хинган, в верховьях реки Листвянки — правого притока Большой Самары. Общая длина пещеры — более двухсот метров. Она состоит из льда и представляет собою своеобразный гигантский подземный холодильник. Пещера разде-

ляется на несколько удивительных по красоте гротов: «Центральный», «Обвальный», «Ледниковый», «Боковой», «Камин», «Озерный». В конце пещеры — подземное озеро.

Характерной особенностью природы Дальнего Востока является то, что она хранит еще много неизведанного, недоступного глазу человека. Объясняется это тем, что здесь много лесных массивов и гор, долин, ущелий, распадков, которые надежно скрывают не только пещеры, но и многие

Миллер — заместитель редактора газеты «Биробиджанер штерн» и член редколлегии журнала «Советиш Геймланд», поэт Исаак Бронфман, заведующая городским отделом культуры Белла Мазо, композитор Макс Эпштейн.

Бенгельсдорф рассказал о популярности еврейского народного театра, который ставит пьесы Шолом-Алейхема и других еврейских классиков, а также современных советских авторов.

Сейчас рассматриваются планы расширения деятельности еврейского народного театра и его преобразования в профессиональный. Есть предложение создать совместный русско-еврейский профессиональный театр, который расширил бы свой репертуар и ставил спектакли как на русском, так и на еврейском языках.

Поскольку коллектив находился на летнем отдыхе и многие артисты были в отпуске, после беседы был организован импровизированный концерт. Местная певица Хая Борисовна Эпштейн поднялась на сцену. Ее муж, композитор Макс Эпштейн, занял место у пианино. В исполненной песне ощущалось дыхание первостроителей, создавших этот чудесный город в тайге. Это была песня о народе, которому на протяжении веков был известен только «смех сквозь слезы», а ныне душа его наполнена радостью и силой созидания.

Шолом-Алейхем радовался бы вместе с биробиджанской певицей.

НАША РОДИНА — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

* * *

Далек от нашей Еврейской автономной области Израиль. Но и отсюда, из Биробиджана, хорошо видны нам зарева пожарищ над арабскими городами, слышны взрывы бомб, стоны умирающих женщин, стариков и детей.

Каждый день газеты, радио, телевидение приносят тревожные вести. На Ближнем Востоке израильские агрессоры раздувают пламя войны, вызывающей гнев и возмущение всех народов мира. Вместе со всеми честными людьми земли мы осуждаем безрассудный авантюризм правителей Израиля, выражаем свой гневный и решительный протест против агрессивных замыслов Тель-Авива, против жестоких и бессмысленных бомбардировок мирных городов. Десятки рабочих убиты, ранены, сожжены напалмом и бомбами, которые воздушные пираты Моше Даяна сбросили на металлургический комбинат в Абу-Заабале, близ Каира.

Подобными кровавыми преступлениями израильские агрессоры стремятся запугать миролюбивые народы арабских стран, сорвать выполнение решения Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года, сделать невозможным мирное урегулирование ближневосточного конфликта. Но кому же не ясно, что эти бредовые расчеты обречены на провал, потому что все прогрессивные силы планеты на стороне арабских народов в их справедливой борьбе. Мы требуем положить конец преступным действиям израильских агрессоров!

Вместе с тем мы не можем пройти мимо провокационной пропагандистской кампании, развернутой израильскими правителями и международными сионистскими организациями, и решительно выступаем против их попыток экспортировать еврейский буржуазный национализм в другие страны.

Помнится, некоторое время назад в израильском кнессете премьер Голда Меир обратилась к советским евреям с призывом «возвращаться на свою родину». Прочитали мы об этом — и только посмеялись. Что у нас с вами общего, господи из Тель-Авива, на что вы рассчитываете? Поколебать наши убеждения труднее, чем расцезь море посохом. Даже те из нас, кому сейчас уже полвека, родились при Советской власти. Это она дала нам образование, крышу над головой, любимую работу. Она, Советская власть, дала нам большее — мы стали людьми среди людей. Советский Союз — это страна, где мы родились и растим наших детей. Это наша настоящая и единственная Родина, и другой нам не надо.

Мы счастливо живем и трудимся в братской семье пятнадцати социалистических республик. Наша область молода по годам, хотя значительно старше государства Израиль. Трудящиеся ее городов, рабочих поселков и сел вносят свой достойный вклад в развитие многонационального Советского государства. Благодаря их труду, стараниям и заслугам область удостоена высокой награды Родины — ордена Ленина.

На весь Советский Союз известны наши заводы «Дальсельмаш», силовых трансформаторов, комбинат «Хинганолово» и другие. Их продукция, а также трикотаж, обувь, швейные изделия идут далеко за пределы области, в братские республики. Самоходные комбайны-красавцы экспортируются во многие зарубежные страны. Добрая слава идет о колхозе «Заветы Ильича», награжденном Памятным знаменем ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС. Здесь, как и в других колхозах и совхозах области, евреи-земледельцы обрели свое настоящее счастье.

следы обитания в этих краях древнего человека, диких животных или давно минувших катастроф природы: землетрясений, пожаров, ураганов. По мнению Сергея Николаевича Главацкого, в отношении пещер Дальний Восток очень перспективен, особенно его северные районы, например, примыкающие к Охотску с северо-запада. Открыты и исследованы многие пещеры нашими соседями — спелеологами Приморья, причем в некоторых из них обнаружены бесценные

находки следов древнего человека — фрески и росписи, орудия охоты и быта. Вполне возможны подобные открытия и в нашем крае.

Следует отметить, что каждое открытие новой пещеры скрывает много неизвестного и интересного. К примеру, в пещере «Кабанья ловушка» обнаружены кости диких животных. Что заставило их искать здесь прибежища? Спасались ли они от зубов хищника или жили здесь? А возможно, здесь обитал кто-то из

Возьмем хотя бы одного из авторов этого письма. Он — председатель колхоза «Заветы Ильича», полный кавалер орденов Славы, Герой Социалистического Труда. Колхоз, руководимый им, получает миллионные доходы. Куда идут эти миллионы? На покупку новых машин, строительство Домов культуры, школ, детских яслей, на высокую оплату труда членов сельхозартели.

Читая ваши призывы, мадам Меир, о переселении в Израиль, нам видится, как хитро вы распределяете обязанности между евреями. Американские миллионеры дают деньги на агрессивную войну, а нам, советским людям, вы готовите роль пушечного мяса.

Что ж, мы, советские люди, умеем держать в руках оружие и пользоваться им. Но мы знаем, где наша позиция, наш передний край. Более семи тысяч жителей нашей области награждены медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Область дала стране десять Героев Советского Союза, три полных кавалера ордена Славы. У многих солдат есть медали «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги» и других городов. Эти люди видели печи Освенцима и других фашистских лагерей смерти, когда шли на Запад, освобождая обреченных на гибель людей разных наций. Вам ли не знать, что в таких печах фашисты сожгли сотни тысяч евреев. Как же в таком случае совместить то, что представители еврейского государства Израиль заигрывают сегодня с гитлеровскими последышами, якшаются с западногерманскими реваншистами, с рук которых никакое время не сможет никогда смыть кровь евреев, русских, поляков, чехов и других народов.

хищных зверей и добытых животных приносил в эту пещеру, чтобы, как отшельник, закончить здесь свою кровавую трапезу? Сегодня на подобные, с первого взгляда — очень простые вопросы, ответ найти нелегко. И даже небольшая, но точно установленная истина проткнот нам

картину далекого прошлого, закрытого завесой неизвестности или в какой-то мере поможет восстановить звенья и тем самым связать воедино историческую цепь времен. Слово за вами, туристы, спелеологи, геологи. Вас ждут неизвестные пещеры и новые открытия.

На центральной улице Биробиджана — улице Ленина — расположена библиотека, названная в честь Шолом-Алейхе-ма. Рядом с ней проходит и улица его имени. Она упирается в большой рабочий поселок имени Иосифа Бумагина, где возвышается памятник герою. Еврей, лейтенант Иосиф Бумажин, в прошлом рабочий Биробиджанского завода (ныне всемирно известного «Дальсельмаша»), в годы войны в боях за польский город Вроцлав повторил подвиг Александра Матросова и был посмертно удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Не о таких ли сыновьях своего народа мечтал великий писатель Шолом-Алейхем, не их ли гениально предвосхищал, рисуя образы революционеров? Памятник и рабочий поселок — это символ мира и верности Родине, за которую отдал жизнь Бумажин и о которой тосковал перед смертью Шолом-Алейхем. Правнуки его литературных героев трудятся рука об руку и плечом к плечу со всеми народами нашей страны, как равные среди равных.

Мы вовсе не собираемся жить в ваших «местах обетованных», скомпрометированных такими, как вы, Голда Меир, как Моше Даян, и всей вашей компанией, пользующейся покровительством со стороны империализма США — этого центра международной реакции и милитаризма. Напрасны ваши фарисейские потуги, ваша лживая тревога «за судьбу евреев в Советском Союзе».

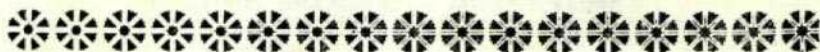
Один из подписавших это письмо — рабочий завода силовых трансформаторов — в свое время хлебнул капиталистического «рая» в Аргентине. Кто спас от нищеты и голода его семью? Не сионизм, а Советская власть. Она же, наша родная Советская власть, дала евреям возможность учиться, жить, работать, пользоваться всеми правами советского человека. Подчеркиваем это еще раз. Мы гордимся своей великой единственной для нас Родиной — Союзом Советских Социалистических Республик. Именно в нашей стране осуществились идеалы великого Ленина — идеалы интернационализма и дружбы между народами. В 1905 году в первомайской листовке он писал: «Еврей и христианин, армянин и татарин, поляк и русский, финляндец и швед, латыш и немец — все, все идут вместе под одним общим знаменем социализма. Все рабочие — братья, и в их крепком союзе единственная порука

за благо и счастье всего трудящегося и угнетенного человечества».

Пусть же с берегов Биры и Биджана, двух рек, давших имя центру Еврейской автономной области, до берегов Иордана дойдет гневный голос тружеников нашей области, возмущенных кровавыми делами полчищ Даяна на оккупированных арабских территориях. Пусть же с берегов Амура до берегов Иордана в ответ на провокационные домогания лицедеев Израиля донесется наше мощное «нет!».

Клавдия Бумагина, учительница, дочь Героя Советского Союза И. Р. Бумагина; Илья Блехерман, слесарь-жестянщик завода силовых трансформаторов, мастер «золотые руки»; Вера Глейзер, директор школы-интерната, заслуженный учитель школы РСФСР, кавалер ордена Ленина; Давид Глейзер, бригадир треста «Биробиджанцелинстрой»; Исая Голод, член КПСС с 1921 года, участник гражданской войны; Савелий Гринберг, бригадир слесарей треста «Биробиджанстрой», кавалер ордена Ленина; Ция Дворкина, директор педагогического училища, заслуженный учитель школы РСФСР; Марк Кауфман, главный инженер завода силовых трансформаторов; Наум Корчминский, редактор газеты «Биробиджанер штерн»; Борис Миллер, писатель, член редколлегии журнала «Советиш Геймланд»; Абрам Мордухович, кавалер четырех орденов Советского Союза, почетный гражданин города Кладно; Владимир Пеллер, председатель колхоза «Заветы Ильича», Герой Социалистического Труда, полный кавалер ордена Славы; Валерий Панман, заместитель редактора газеты «Биробиджанская звезда», председатель областного литературного объединения; Эсфирь Соколовская, врач областной больницы; Фаня Файман, овощевод колхоза «Заветы Ильича», член Комитета советских женщин; Рафаил Херсонский, токарь завода «Дальсельмаш», депутат Верховного Совета СССР; Мира Шеменко, режиссер Биробиджанского народного театра

**«Советская Россия»
26 февраля 1970 г.**

НАУМ АЙЗМАН

ВЕРНОСТЬ

О Бире-Биджане, так в начале тридцатых годов называлась местность, где теперь расположена Еврейская автономная область, узнавали по-разному. Из газет, из рассказа заезжего лектора или от вернувшегося оттуда за семьей соседа. Грохочущие на стыках рельсов поезда увозили на восток страны переселенцев.

И появился город на Бире. Выросли села Амурзет, Кирово, Найфельд, Калининo, Валдгейм, Бирофельд... И началось в ту пору широкое освоение веками не знавших плуга приамурских земель.

...О Бире-Биджане узнавали по-разному. И дорога у каждого была сюда своя...

* * *

Когда Исаак был еще молод и служил он в пехотной части, приглянулся ему ловкий, разбитной парень. И поскольку состояли они в одной роте и даже в одном взводе, то познакомиться, а потом крепко подружиться им ничто не мешало.

Парня звали Володей. Фамилия его была Пеллер. Они оказались земляками, из одних украинских мест.

Пехотная часть их стояла в небольшом приморском городке, и уже перед самой демобилизацией попалась парням газетка, в которой было напечатано о переселенческом колхозе «Ройтер Октябрь», о том, что там, на Амуре, собрался преимущественно народ молодой, неунывающий и что новоселы водят по степи тракторы, пашут целину. А те, кто выучился на плотника, взяли в руки топоры, пилы да и застраивают степную глушь бревенчатыми избами.

— Может быть, и нам туда податься, а? — произнес Исаак.

— А что? Едем! — подхватил Володя Пеллер. И месяц спустя два рослых парня в солдатских шинельках предстали перед председателем из «Ройтер Октябрь».

— Чем вы хотели бы заняться, молодые люди? — спросил он их.

— Я, например, хотел бы выучиться на тракториста, — в тон ему ответил Володя.

— А вы?

— Тоже трактористом буду. А как же!

Исаак сказал это так, словно, кроме как водить трактор, никакого другого путного занятия не было еще на земном шаре.

— Ну хорошо. Разве я возражаю? — подвел итог разговору председатель.

Они были молоды, эти ребята. В Амурзете вскоре сыграли две шумные веселые свадьбы. Они были счастливы, как могут быть счастливы только молодые и очень здоровые люди, у которых вся жизнь впереди. Им казалось, так будет всегда: ослепительное солнце поутру, великолепный в своем молчаливом течении Амур, набухающие спелым колосом нивы, послушные тебе, нагретые твоими ладонями рычаги трактора и бездонная синева неба в летние вечера, с девичьими песнями, переливами гармоник.

Но наступил июнь сорок первого. Исаак Гуршман и Владимир Пеллер воевали на разных фронтах. Они надолго потеряли друг друга. Солдатское счастье уберегло их от пуль с тем, чтобы четыре года спустя они снова могли встретиться на амурзетской улице, крепко обнять друг друга.

Они вернулись к земле, уже порядком истосковавшейся по этим сильным, все на свете умеющим парням. Земля ждала их весной сорок второго, когда спелая пашня оказалась не под силу оставшимся здесь, в Амурзете, старикам, девушкам да безусым мальчишкам, едва не завалившим посевную. Земля ждала фронтовиков и в сорок третьем, когда весна выдалась особенно солнечной, и позже. И вот дождалась. Распахнула на радостях свои синие дали. Одурманила пьянящим запахом, настоящим на одних ей ведомых душистых травах.

Пеллер оказался способным организатором, и его вскоре избрали председателем колхоза. Гуршман стал бригадиром

тракторной бригады. В них находили много общего. Та же твердость характеров, та же завидная работоспособность. И та же вспыльчивость. Когда речь шла о деле, о колхозном добре, между ними не могло быть никаких компромиссов, для них не было в ту минуту ни свата ни брата.

— Стой! — кричал Пеллер трактористу, сеявшему пшеницу на ближнем к селу массиве. — Тебе кто же это разрешил «крестить» поле до того, как его засеют в одном направлении?

— Я велел, — сказал подошедший бригадир Гуршман. — Потому что никакой разницы в способах посева нет.

— Ты что же, хочешь мне угробить пшеницу? Да? Запрещаю! Слышишь меня или нет?!

— Чего ты раскричался на меня? — вскипал Гуршман. — Говорят тебе, нет разницы. Давай справимся у агронома.

Послали в МТС за агрономом Лево́й Мазлиным. Тот подтвердил, что перекрестный сев пшеницы действительно можно вести одновременно двумя агрегатами, вдоль и поперек.

Их знания были еще не столь велики. Университетом им служила практика, поле, сама земля. Они ошибались, спорили до хрипоты и в повседневном труде своем постигали сложнейшее хлеборобское мастерство. В одном они были уверены. Что земля эта, распаханная и возделанная их руками, дана им навсегда. Что она бесконечно дорога им, ведь они ее защищали в боях. И пусть они ошибаются, спорят, пусть рассорятся вконец. Завтра они снова сойдутся, и будут забыты обиды, несправедливые, произнесенные в горячах слова. Потому что у них одно дело, одна забота. И земля, уже проснувшаяся к весенней своей работе, не простит им мелкого упрямства, кичливости. Земля воспитала в них великодушные и породнила словно братьев.

Прошли годы. Послевоенное неустройство уступило твердо налаженному быту. И уже не только восстановлены и пущены были прежние фабрики и шахты, а и построено множество других, куда более оснащенных. Поднялись новые города. К фантастическим высотам устремилась наука.

С той же самоотверженностью, что проявлена была недавно на поле брани, народ свершал сейчас свой мирный подвиг.

В бесконечных хлопотах, в каждодневном общении с людьми

ми, в сомнениях, поисках, неудачах и находках оттачивал свои знания, свой талант организатора Владимир Израйлевич Пеллер. Из Амурзета он уехал в Биробиджанский район к новым, более широким масштабам, и его избрали председателем крупного колхоза. Нынче Пеллер — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР.

А Гуршман окончательно понял, что его призвание — машины. Дышащий соляркой дизель, вгрызающиеся во влажную почву пахотные агрегаты, величавые в своем неторопливом шествии комбайны — это его стихия, его радость. И, кажется, не было такого хитроумного механизма, который бы он не «раскусил», не подчинил своей воле.

Бригада коммуниста Гуршмана успевала первой вспахать, засеять поле, скосить хлеб в августе. Так было всегда, из года в год. В районе к этому привыкли, считали это само собою разумеющимся. И мало кто знал, каких усилий стоило это бригадиру. Дни напролет проводил он в поле. Спал урывками. На ногах переносил болезни. Работал, работал. И никто не слышал от него слова жалобы на усталость, головные боли, бессоницу. О нет, что вы? Исаак Гуршман любит, когда у него работы под завязку, когда дыхнуть некогда.

В середине 50-х годов страна жила целиной. На Алтай и в Казахстан тянулись эшелоны с новехонькими тракторами. Целину заселяло неугомонное комсомольское племя.

Гуршмана захватила эта волна. Здесь, в Амурзете, все казалось обжитым, привычным. Его вдруг, совсем как в далекой юности, увлекла романтика неизведанных дорог.

— Если ты, Исаак, так решил, то будем собираться. — Цилия Лейбовна привыкла в важных делах полагаться на мужа. С нее хватало и семейных забот — четыре сына, две дочери.

Сибирская целина — не Крым, не Сочи. Там неустроенность на каждом шагу. Кто же станет противиться, если человек «заболел» целиной? Но секретарю райкома партии не хотелось отпускать Гуршмана.

— Эх, Исаак Борисович, в такую даль собрался. А целина-то вот она, под носом, можно сказать.

— Где? — изумился Гуршман. Уж он-то знал, что все земли вокруг паханы-перепаханы.

Секретарь райкома разложил на столе испещренную тушью карту землепользования, и две головы — угольно-чер-

ная Гуршмана и русая секретаря — низко склонились над нею.

— Вот здесь, за селом Пузино, тянутся нетронутые земли, — карандаш скользнул по хрустящей кальке и застыл у обозначенного на карте леска. — Тут без малого тысяча гектаров великолепных, ждущих своего черед земель. Подбери себе надежных ребят — и в путь добрый, целинная бригада!

И снова была столь дорогая сердцу Гуршмана, всего тебя поглощающая работа, бесконечные хлопоты о запасных частях, нарядах, пересменках, горючем. И снова он радовался ласковому солнцу, клял не ко времени затянувшееся и подрывающее под корень все его планы ненастье. Палаточный городок целинной бригады перемещался все дальше в степь. Позади оставались поблескивающие свежей пахотой нивы.

Тысячу гектаров поднял в одно лето Гуршман со своими хлопцами за пузиновскими старопахотными массивами. Потом еще восемьсот. На новых землях возникло село Озерное. Тут создали колхоз, а затем отделение Амурского совхоза. Гуршмана уже нельзя было оторвать от этой земли. Он бригадировал в Озерном, а потом несколько лет был управляющим отделением местного совхоза. В ту пору впервые сел за рычаги трактора его старший сын — Гриша. И испытал он то же чувство окрыленного счастья, что выпало в давнюю пору его отцу, вчерашнему красноармейцу Исааку Гуршману. Незаметно подрос второй сын, Марик. Он тоже выбрал отцовскую профессию.

Удивительные встречи происходят нередко в жизни. Напиши об этом в книге — не поверят, скажут — домысел писателя. А вот ведь и в самом деле было так. Марик проходил армейскую службу в Хабаровске и познакомился там с большеглазой, славной девушкой-студенткой.

— Марик Гуршман, — представился он.

— Аня Пеллер.

Они когда-то вместе поступали в амурзетскую школу. И теперь, много лет спустя, судьбе угодно было из многих сотен тысяч людей большого города свести друг с другом именно их, сблизить, сделать мужем и женой. Теперь давнишние друзья — товарищи Гуршман и Пеллер породнились, и люди находят, что малютки Иринка и Алла унаследовали от дедушек веселый нрав, доброе сердце, умение смотреть

и не переставать удивляться великолепию окружающего тебя мира.

Распаханы пузиновские пустыри, столько лет копившие земные силы. Завидным урожаем радуют озерновские массивы. Целинная бригада распушена.

И стареющий, но по-прежнему неугомонный Исаак Гуршман ищет и находит новую целину. Семь лет назад он пришел в механизированный отряд Биробиджанского отделения «Сельхозтехника». Шестьдесят восемь мощных тракторов под началом у Гуршмана. Его парни корчуют леса, пашут целину в Пашково, Радде, в Известковом, в Бобрихинском, Петровском совхозах. Его парни добывают торф, рассеивают удобрения, известкуют почву, разводят в зимнюю пору перегной под будущие посевы картофеля и овощей. Круглый год заботятся здесь люди об урожае, крепят свою связь с землей-матушкой.

Немало целины теперь уже и на счету Гуршмана-младшего, Марика, ударника коммунистического труда. В отделении «Сельхозтехника» бок о бок с отцом работают механизаторами Миша, Зиновий. Механиком стал Гриша. По душе ему эта профессия.

Сыновья женаты, и когда по воскресным дням они приходят с женами, с детьми, в родительском доме становится тесно, и Циля Лейбовна прямо не знает, как разместить за столом все разрастающееся семейство. А отца пока нет дома.

— Вы разве не знаете, куда он ушел? — всплескивает руками Циля Лейбовна. — В мастерскую. Трактор там ремонтируют, так без него, видите ли, не обойдутся. Человек не может минуты посидеть спокойно. Тридцать лет я его знаю такого. Как вам нравится, пришли дети, а он себе в мастерской?

Циля Лейбовна добродушно ворчит, хлопочет с угощением. Невестки ей помогают. А сыновья улыбаются. Уж они-то понимают отца. И разве Марик не провел как-то майские праздники в поле у сеялок? Потому что шли дожди, посевная затягивалась, а тут как раз впервые заблестало солнце. И разве Гриша уйдет из цеха, если хоть на секунду споткнется стальное сердце машины? А Миша, а Зиновий? Та же отцовская рабочая косточка. Та же одержимость в любимой работе...

* * *

Поразительное это явление — любовь к земле. Привыкает к своему станку расточник. Верен своей профессии врач или учитель, инженер. Но привязанность пахаря куда сложнее. Расточной станок будет все так же послушен умелым рукам в любом городе, на любом заводе. Степень мастерства хирурга меньше всего зависит от места, где он живет. Хлебоборок же неотделим от своей, именно этой пашни. Он холит ее, знает тут каждую травинку, она источник его духовных сил, радости бытия. Даже краткое расставание с нею невыносимо, словно разлука с любимой.

Владимир Израйлевич Пеллер, человек по натуре далеко не сентиментальный, в лиричных тонах рассказывает о том, как друг его, Исаак Гуршман, собирался прошлым летом в отпуск. А отпусками он, заметьте, не балован, разве что иной раз в январскую стужу возьмет себе деньков пять-шесть сарай подлатать, либо изгородь у дома поправить. А тут уговорили его домашние на отпуск в летнюю пору с тем, чтобы провести живущих далеко отсюда родственников. И уже произвели в бухгалтерии все необходимые в подобных случаях расчеты. А Гуршман решил напоследок провести пахарей на самом дальнем участке. Приехал и видит — неподалеку от пашни маячит сиротливо трактор с опущенными плугами. Гуршману объяснили, что тракторист нездоров, теперь он в городе на лечении и вряд ли вернется скоро. И тогда Исаак Борисович облачился в поданный кем-то промасленный комбинезон, заглубил конуса плугов и пустил в борозду трактор на малой скорости.

Цице Лейбовне пришлось распаковать чемоданы, потому что весь месяц провел муж на заброшенном за тридевять земель стане пахарей. Вставал с восходом, трудился до вечера и был счастлив оттого, что снова с землей, на долгое расставание с которой едва было легкомысленно не согласился.

Пеллер рассказывал эту историю с удовольствием, с тайной гордостью за друга. И надо было его понять, потому что сам он, Пеллер, в подобных случаях не однажды поступал точно так же.

Годы не властны над этими людьми. Над их увлеченностью, преданностью земле. И глубоко символично, что в

1971 году Исаак Борисович Гуршман и Владимир Израйлевич Пеллер, два коммуниста, два землепашца, награжденные орденами Октябрьской Революции.

Земля на редкость щедра к тем, кто сохраняет верность ей. И не высочайший ли смысл жизни — посвятить себя хлебной этой ниве. В том, чтобы сыновья и дети сыновей унаследовали возвышенную любовь к земле отцов. В том, чтобы бесконечное множество раз повторить себя в грядущих поколениях.

ВАСИЛЬЕВ САД

В нескольких километрах от Дежнево, исколесив на «газике» вдоль и поперек пшеничные поля, мы остановились передохнуть в попавшейся на пути зеленой релке.

Я отошел немного в сторону по протоптанной в траве дорожке и замер в изумлении. Середину релки прорезала широкая просека, и там, выдерживая строгий интервал, выстроились увенчанные игольчатыми шапками сосны.

Сосны — редкость в наших местах. И эта безукоризненная аллея! Откуда бы ей взяться в далекой степи, среди хаотических зарослей дубняка?

— Васильев сад, — пояснил мой спутник, директор Дежневского совхоза Николай Степанович Ванькин.

Приамурская степь, раскинувшаяся на сотни километров, бедна лесами. Лишь по берегам рек теснятся заросли тальника, да разбросаны по пригоркам стайки дубков и березок.

Леса там — на окаймляющих горизонт сопках. Они щетинятся могучими кедрами, липой. Там царство удивительно по своей красоте бархатного дерева.

Дежневский лесообъездчик Федор Алексеевич Васильев задумал дело совсем не простое. Он вознамерился перенести частичку таежной растительности в степную полосу. В шести километрах от Дежнево Васильев облюбывал под питомник заросшую мелкоколесьем релку.

Были у Васильева верные и бескорыстные помощники. В питомник с лопатами, тяпками, ведрами приходили школьники, сельские комсомольцы. Чуть не каждый день сюда навещалась жена Васильева, его сыновья, невестки.

В Васильевом саду любили устраивать веселые игры школьники. В воскресные дни сюда выезжали целыми семьями. В тенистой аллее отдыхали, набирались сил слабые здоровьем люди. Федор Алексеевич защищал свое детище от массы грозивших ему бедствий — весенних палов, июньских засух, бездумных порубок.

Со временем молва о Васильевом саде разнеслась по всей округе. Приезжали лесоводы, опытники, практиканты вузов; побывала здесь однажды и делегация из Ленинграда. Особый интерес вызвала аллея сосен. До той поры считалось, что местные переувлажненные почвы противопоказаны сосне. А тут хвойные красавицы весело шумели устремленными ввысь кронами, лоснились на солнце их меднобокие стволы.

Однажды, беспроглядной апрельской ночью, нагрянула беда. Неосторожные курильщики подпалили ближний луг. Резкий порыв ветра швырнул пламя на оголенную релку. И тогда гигантским факелом вспыхнула перезимовавшая листва дубов. Запылали сухие травы, занялись березки. Адским зноем дышало все вокруг.

В Дежнево увидели багровое зарево. И люди бросились в степь. Где-то в толпе бежал и Васильев. Острая боль ударила в грудь. Упал. И не было сил подняться.

Несколько дней, словно после жестокой битвы, дымилась релка. Палом уничтожило все посадки липы, бархата, кедра. И только непонятым образом, словно у стихии не поднялась рука на чудо это, уцелела аллея сосен.

Десять лет прошло после той роковой ночи. И поднялись уже новые дубовые рощицы, подросли березки, а сосны все не могут залечить свои раны. Оттого и встречаются на просеке засохшие бесплодные ветви, а иные стволы и по сей день носят на теле своем следы жестоких ожогов.

Федору Алексеевичу восьмой десяток. В сухоньком старичке не сразу признаешь braveго всадника-лесника на фотографии, что висит в горнице. Живет он со своими домочадцами все на той же окраинной улице села Дежнево. По-прежнему влюблен в леса. Смотрят в окна бревенчатого дома ветви тополя, пахучая черемуха. Среди этих деревьев, преобладающих на дежневских улицах, немного странно выглядят несколько сосен, примостившихся рядом с крылечком. Так и кажется, это навестили старого человека друзья из Васильева сада.

* * *

У истории этой оказалось свое неожиданное продолжение. В Биробиджанском мехлесхозе меня познакомили с темноволосым, сосредоточенным человеком.

— Васильев, — представился он.

— Васильев? Не родственник ли Федора Алексеевича, бывшего дежневского лесообъездчика?

— Так точно. Мой отец.

Когда Николаю Федоровичу предложили принять питомник лесхоза, он, ни на минуту не колеблясь, согласился. Слово из рук в руки передалось ему отцовское наследство, неосуществленная его мечта.

Васильеву-старшему не удалось увидеть своих питомцев за границами степной релки. А его сын отправляет в лесничества несметное количество саженцев.словно река, оставляющая в пору разлива множество озерков, щедро раздает свои дары питомник.

КОЛЬКИН ПАПА

У Кольки было простенькое лицо, усыпанное расплывчатыми, точно желтые полевые цветы, веснушками. Рыжие жесткие волосы ежиком топорщились на макушке.

Домик Вологиных примостился у самого Амура, рядом с пристанью. На песчаной отмели с утра до ночи копошилась ватага голосистых, драчливых мальчишек. От сверстников Кольку отличала какая-то непостижимая любовь к книгам. Он не просто читал, а буквально глотал их одну за другой, забывая при этом об играх, еде, а нередко, чего там греха таить, и об уроках.

Колька шел по улице, и линиялая рубаха его оттопыривалась на животе. Колька шел из библиотеки. Причем в школьной и поселковой библиотеках скоро не осталось, по мнению Кольки, ни одной сколько-нибудь стоящей книги, не удостоенной его внимания. И тогда он стал наведываться к местным книголюбам. Застенчивый парнишка становился вдруг решительным. Он стучался к малознакомым людям и, неловко извинившись, просил дать ему «Всадника без головы». Всего на один вечер! При свете чадившей керосиновой лампы он просиживал ночь напролет над Майн Ридом и утром, едва пере-

двигая ноги от усталости, действительно возвращал книгу владельцу.

Кольке пророчили будущность писателя, юриста, учителя. Но он не стал ни тем, ни другим, ни третьим. Он выбрал профессию сельского механизатора.

У совхозной конторы гоняет мяч рыжеволосый веснушчатый парнишка лет четырнадцати-пятнадцати.

— Ты Вологин? Николая сын?

Парнишка вскидывает огненную свою шевелюру, удивленно смотрит на незнакомого человека. Он явно обескуражен.

— Да...

— А зовут тебя как?

— Как и папку.

— Колька?

— Ну.

— Где отец-то?

— В поле.

Колькин папа косил пшеницу недалеко за селом Самара.

Поле было невелико. Скоро, выкосив последнюю полосу, комбайновые моторы умолкли, и наступила неожиданная странная тишина.

Николай Яковлевич Вологин, начальник совхозного механизированного отряда, помахал рукой, созывая своих товарищей.

Передо мной был человек атлетического сложения. Крепкая, увенчанная приплюснутой кепчонкой голова покоилась на могучей загорелой шее. Покатые сильные плечи, как нельза лучше, гармонировали с богатырской грудью. Руки в золотистых волосках были покрыты легким налетом машинного масла.

В нем мало что осталось от узкоплечего тщедушного мальчишки. Разве что глаза были упрятаны в те же узкие щелочки и смотрели оттуда по-детски смешливо.

Подошли комбайнеры.

— С этого поля, — Вологин обвел взглядом скошенный массив, — у нас вышло по двадцати шести центнеров на круг. Так что, хлопцы, дело идет пока неплохо. Теперь, значит, так... Мы с Иваном Плехановым поедем смотреть овес на девяно-

ста шести гектарах. Остальным ждать здесь. Вернусь — будем перегонять комбайны.

По тому, как механизаторы внимательно слушали, трудно было заключить, что Вологина они уважают.

— Николай Яковлевич, дай, будь добр, ключ на семнадцать. Свой подевал куда-то, — попросил один из механизаторов.

Вологин открыл деревянный ящик, укрепленный на мостике комбайна. Он стал перебирать инструмент, и из ящика вдруг вывалился обернутый в газету сверток. С одного конца газета порвалась, и виднелся тоненький переплет. Это был сборник новелл Паустовского.

— Что, Николай, к утру вернуть надо? — улыбнулся я Вологину, протягивая книгу.

Он принял шутку, вспомнил, должно быть, детство, шумный наш совхозный поселок на берегу Амура и рассмеялся.

— Я-то перечитал в свое время Паустовского. Сыну вот взял, Кольке. Страсть какой книголюб. Пускай привыкает к русской литературе. — И, перегнувшись ко мне, добавил доверительно: — Слышь-ка, достань мне в городе мемуары маршала Жукова. А? Очень прошу. Ну, сделаешь?..

КУЗНЕЦЫ

Яков Иванович Федоров потомственный кузнец. А у Наума Лейбовича Фельдмана отец был извозчиком в Умани. Извозчиков в этом городке хватало, а вот подковать лошадь было некому. И четырнадцатилетнего Наума отдали в обучение к местному ковалю.

В 1928 году парень пустился в далекое путешествие. Пересек поездом почти всю страну с запада на восток и сошел на крохотной станции с вполне подходящим названием «Тихонькая». Наум Лейбович был в ту пору молод, полон сил и мог виртуозно сработать тележную ось, обод и много всяких других вещей.

Потом он узнал, что неподалеку от строящегося города создается колхоз. Потянуло туда. Так Наум Лейбович перебазировался в Бирофельд. Было это без малого сорок лет тому назад.

Федоров появился здесь значительно позже. Внешне да

и по характеру они совсем не похожи. И тем не менее уже много лет неразлучны. Наум Лейбович — плотный седоватый крепыш. На нем старенькая телогрейка, прикрытая спереди твердым, словно жезь, фартуком. Когда он не стоит у накопальни, его можно с одинаковым успехом принять за пекаря или портного.

В Якове Ивановиче, наоборот, сразу угадывается кузнец. Лицо смуглое, сухое, щеки изрезаны двумя глубокими морщинами с вкрапленными навечно точечками угольной пыли.

Федоров молчалив. Этот пробел с лихвой восполняет его напарник. Особенно рад Наум Лейбович «свежему человеку».

— Вы из Биробиджана? Я помню время, когда там вообще одна тайга и болота были. А сейчас еще какой город стал! Красота! А возьмите Бирофельд... Разве бы я поверил, что тут будут строить такие большие дома с удобствами? Из первых переселенцев мало кто остался. Старики теперь. А с Яшей мы дружим. Что нам, собственно, делить? Дружим. Правда, Яша?

Федоров кивает головой и смущенно улыбается. Улыбка у него по-детски доверчивая и чуточку растерянная.

— По одному наряду... с Лейбовичем. Сколько заработаем — на двоих, — Федоров говорит с расстановкой, слегка заикаясь, и после двух-трех фраз опять надолго умолкает.

А Наум Лейбович продолжает. На этот раз он рассказывает о Федорове. Яша-де прошел всю войну. Вернулся с боевыми медалями и молодой женой, кареглазой полтавчанкой Марией. У них трое ребят. Какая семья у него, Наума Лейбовича? О, семья не маленькая. С ним три дочери. На ферме работают. Броня в Биробиджане. Замужем. И еще три сына. Семь внуков. Сам он уже несколько лет на пенсии. Но пока есть силы, надо работать. А чего, собственно, ему сидеть дома?

Коротенькие металлические стержни между тем раскалились докрасна в жарком горне, и кузнецы принимаются за дело. Запускают клещи в самое пекло, подхватывают заготовки и, взмахнув молотом-ручником, наотмашь ударяют по стержню. Металл недовольно шипит, швыряет пригоршни золотых искр, но уже через несколько секунд уступает, приобретая нужные формы. Временами ручник срывается, и накопальня встречает неожиданный удар резким пронзительным стоном.

Федоров действует сосредоточенно, не спеша. Движения его точно рассчитаны. Несколько ударов, и заготовка с одной стороны загнута колечком. Потом таким же образом загибают противоположный конец. Получается «восьмерка» для сеча борон.

Фельдман держится молодцевато. Ручником и клещами орудует на редкость ловко и между делом успевает замечать все, что происходит вокруг, перекинуться словом с оказавшимся рядом механизатором.

Так проходит около часа. В горку остывающих изделий брошена последняя «восьмерка». Горн постепенно угасает.

— Недостает железа, — сокрушается Наум Лейбович. — Сейчас как раз нужно готовить к посевной плуги, бороны, сеялки. Но когда нет железа, так о чем говорить?

Наум Лейбович верховодит в кузнице. Это не трудно заметить. И Федорова, судя по всему, устраивает такое положение. Но оба в равной степени нужны друг другу. Случилось, заболел Федоров, и Фельдман несколько дней ходил, словно потерянный. Пламя в горне казалось блеклым, молот стал не в меру тяжел и непослушен. Сорвал зло на нормировщике.

— Что, значит ты на меня одного записал всю работу? Если человек заболел, так уже все? На двоих пиши наряд.

У них все на двоих. Грамоты к Первому мая — обоим. Рабочком решил лучших механизаторов занести на Доску почета, и рядом под стеклом появились две фотографии — Федорова и Фельдмана.

В пять кончается смена. Яков Иванович натягивает на коричневую вельветку, в которой он обычно стоит у жаркого горна, стеганный ватник, степенно вытирает руки ветошью. Наум Лейбович складывает в сторону инструмент, рядом устраивает свой негнувшийся фартук и нахлобучивает меховую шапку, наушники которой, лишённые завязок, свисают по обе стороны и покачиваются в такт шагам, словно крылья какой-то странной птицы.

Нередко, прежде чем отправиться домой, кузнецы заходят в расположенную поблизости совхозную контору.

— Можно, товарищ парторг?

— Пожалуйста, заходите, — секретарь парткома совхоза усаживает гостей. — С чем пожаловали?

Собственно, никакого дела у кузнецов нет, и лицо Якова Ивановича выражает крайнюю растерянность. Выручает Фельдман.

— Зашли просто так, узнать, что делается на белом свете. Мы же сегодня газет не видели...

Посидят минут десять — пятнадцать и, попрощавшись, выйдут на улицу. Усадьба Якова Ивановича рядом, и он сворачивает на протоптанную в снегу тропинку. А Науму Лейбовичу надо еще добрых полчаса шагать по разросшемуся в последние годы Бирофельду. К тому времени, когда он доберется домой, Яков Иванович уже успеет умыться, поужинать и с обычной своей тихой добродушной улыбкой выслушать торопливый женин рассказ о всякой всячине. Потом он принесет воды из колодца, наколет дров.

Наутро Яков Иванович долго будет стоять у калитки, высматривая, когда из-за поворота у магазина покажется коренастая фигура Фельдмана. Они поприветствуют друг друга и пойдут к кузнице вместе. Плечом к плечу.

ТОПОЛЬ

Могучий стройный тополь, единственный в своем роде лесной красавец, обязан своим рождением местному пасечнику.

Тогда, тридцать лет назад, пасечник был молод, он приехал из Поволжья. Колышками с натянутой бечевой обозначались улицы, которые следовало построить — будущий клуб, баня, фермы.

Председатель только что созданного колхоза Соломон Губерман сидел за грудой бумаг в дырявой палатке. Его рыжеватое лицо пылало от комариных укусов. Губерман принимал переселенцев и тут же назначал их в полеводческую бригаду или на валку леса. А Виктору Пономареву он вдруг предложил:

— Не заделаться ли тебе, братец, пасечником, а? Есть тут у нас десятка три ульев.

Пономарев казался не по годам рассудительным, избегал шумных, бесшабашных компаний. Возможно, учитывая эти черты характера, и определил его председатель в пасечни-

ки. Впрочем, Соломону Губерману не пришлось жалеть о своем решении. Пономарев был исполнителен и не докучал по мелочам. Вот тогда-то, летом 1937 года, Виктор Пономарев и высадил на пасеке хрупкие деревца.

Собственно, эта идея принадлежала деду Маслакову, питавшему самые дружеские чувства к волжанину. Дед приходил на пасеку и, шамкая беззубым ртом, давал советы:

— У тебя, паря, улики на солнце пекутся, словно на углях картошка. Тень сюда надо. Желательно черемуху. Духовитое растение!

Пономарев развел на пасеке черемуху. И уж не помнит, как очутилась в саженцах гибкая тополиная ветка. Он заострил комель, обрубил верхушку и соорудил колышек для улья.

К следующему лету тополек выбросил клейкие трубчатые листочки и жадно потянулся вверх, к солнцу, обставив в росте ухоженные кустики черемухи. Пасечник только головой качал в изумлении. Он сколотил скамейку и любил, управившись с делами, посидеть у тополя.

Год от году пышнее становилась зеленая шапка тополя, наливался силой обожженный солнцем ствол.

Пасечник привык к тополю. Слово близкому человеку, он мысленно рассказывал ему о своем житье-бытье.

У Пономаревых старшую дочурку звали Лидой. Она родилась в дороге на Дальний Восток, у Байкала. Но в метрике поставили село Заречное, и девочка считалась первой в селе волжаночкой, родившейся на дальневосточной земле. Еще подрастали у Пономаревых сын и дочь.

Пасечник безмерно любил свою семью. По душе ему пришли и места, где они теперь жили, с простиравшимися во круг сопками, тайгой, горными речушками. Приезжали новые переселенцы, и колхоз набирал силу.

Тополь согласно кивал зелеными кудрями. С высоты своего уже немалого роста ему и самому видно было, как все меняется вокруг. Сюда, на пасеку, докатывалось эхо торопливого перестука плотницких топоров, порывы ветра приносили смолистый запах строительного леса. А по ночам выводила затейливые мелодии гармоника, и звучали девичьи голоса.

Каждое утро, в будни и праздники, Пономарев приходил на пасеку. Но однажды пасечник изменил своему правилу. Не видно было его и на второй и на третий день.

Началась война, и пасечник уехал на фронт с группой добровольцев.

Война шла долго. Теперь село казалось вымершим. Умолкла гармоника. И не песни, а горькие стенания приносил злой ветер.

Вскоре ушел в армию Миша. Был призван и другой брат пасечника — Яков. Хватила с избытком горя жена пасечника, оставшаяся с крохотными ребятами на руках.

Люди теперь работали на пасеке по наряду, словно на картофельном поле. Были среди них добрые, сердечные, а встречались и ожесточившиеся, злые.

А война продолжалась. Пасечник наступал от Волги и вышел к Кенигсбергу. Однажды ночью их батарея перебазировалась на новую позицию. Набег фашистских танков был неожиданным. Тьму вспороли прожекторы. В их свете так и не успевшие закрепиться орудия видны были как на ладони. Танки расстреливали их в упор, кромсали гусеницами. И только «сорокапятка» старшего сержанта Шухтуева была надежно укрыта от врага за стогом прелой соломы.

— Бронебойными! — перекрывая лязг, грохот, скомендовал старший сержант.

И неловкий, робкий с виду пасечник мастерски развернул пушку и влил заряд в самое брюхо громящему чудовищу. Еще два выстрела бронебойными — и новый костер запылал в степи. Оставшиеся танки крутнулись на месте и, развив бешеную скорость, умчались в ночь.

Пономарева наградили тогда орденом Славы. Дважды он был помечен пулями. Его лечили в госпиталях.

Пал Берлин. А пасечник уже мчался на восток. Здесь еще стояла японская Квантунская армия.

Потом он вернулся домой. На пасеке хозяйничал дед Масаков, совсем уже дряхлый, едва передвигавшийся на больных ногах.

— Ну, вот и добро, сынок, — ворковал дед. — Прймай пчелок. А мне на покой пора.

Пасека была запущена. Поросли дикими травами тропинки. Полчища паразитов пожирали черемушный цвет. И только тополь выглядел юным и прекрасным. Он встретил хозяина ликующим перезвоном листьев.

— Здравствуй, дружище! — шептал взволнованно пасечник. — Ты видишь, я вернулся. Только изранено тело мое. По

ночам глаз не дают сомкнуть раны. Миша убит. Ты помнишь нашего Мишу? И Яши нет в живых. Пусть будут навеки прокляты войны! Ты слышишь меня, друг?

— Слыш-шу... — тихо шелестел листвою тополь.

* * *

Я приезжаю изредка в Заречное. Долгими летними вечерами мы ведем неспешные тихие разговоры. Виктор Исаевич Пономарев напоминает мне в эти минуты мудрого сельского учителя. За стеклами роговых очков прячутся в легком прищуре внимательные серые глаза. В уголках губ улыбка все понимающего человека. Я слушаю журчащий ласковый голос его и всматриваюсь в окружающее, будто в диво дивное. Со всех сторон вокруг пасеки — буйные медоносные травы. Тянется к свету разлапистый огуречник. Посматривает розоватым зрачком тонконожка-клевер. Рядом с ним великаном выглядит цветок леспедецы. А по левую сторону речушки Хинган, по склону соседней сопки расцвела липа, и туда устремляется работающий пчелиный рой.

Мы степенно покуриваем, сидя на грубо сколоченной скамейке в тени гиганта-тополя. Этой тени хватает для доброй половины пасеки, и там, в прохладной тиши, течет своя строго размеренная, подчиняющаяся удивительным законам природы жизнь.

Кажется, целая вечность минула с той поры, когда Виктор Пономарев принял пасеку. И войны, и горе, и годы промчались своим чередом.

И уже давно выросли, живут своим домом дети. И их дети, внуки Виктора Исаевича, уже топчут ножками землю, носят в полдень деду на пасеку картошку вразварку, крутой чай.

А в вышине, кажется под самыми небесами, подрагивают на свежем ветру зеленые огоньки-листочки великана-тополя, и в кроне его в который уж раз заводит свою нежную песнь иволга.

Нескончаемой чередой пробегают годы. Сменяются поколения. Но бессмертно вечнозеленое дерево жизни.

АЛЛА ФИШЕР

МАСТЕРИЦА

Вам тоже, должно быть, встречалось такое: порой люди, имеющие за плечами большую и интересную жизнь, вдруг теряются, когда их просят рассказать о ней. Они охотно поведают о добрых знакомых, о любимом деле, расскажут массу любопытных случаев. Но вот коснулся разговор трудной темы — и словно механизм какой-то неведомый срабатывает: начинает человек говорить односложными фразами, а потом и вовсе умолкает. И не объяснить это ни необщительностью, ни недостатком слов, ни одной скромностью даже. Просто не привык человек считать свою жизнь какой-то особенно значительной: героического вроде ничего не совершал, жил, как живут все, — много трудился, стремился поступать по чести и справедливости, не шел на сделку с собственной совестью. Самая обычная человеческая жизнь в его понимании...

Совсем немного смогла рассказать о себе и Хая Абрамовна Карасик. Пусть же расскажут о ней свидетели ее жизни — люди.

Из тысячи — одна

Рассказывает Сарра Борисовна Глик, начальник смены текстильно-швейной фабрики.

— О Хая Карасик я знаю многое. Могла бы говорить о ней часами. Ведь ее судьба — это и моя судьба, и еще многих, многих наших подруг и сверстниц.

Это теперь я — начальник смены, а Хая — прославленная на весь край швея, Герой Социалистического Труда, и называют нас по имени-отчеству. А когда увидела я ее в первый раз, были мы еще восторженными девчонками и начинали в этом самом цехе ученицами швей. А потом и вся жизнь вместе прошла...

Мы с Хаей на Биробиджанскую госшвейную фабрику (так тогда текстильно-швейная называлась) пришли еще перед войной. А потом — война.

Жизнь фабрики сразу изменилась. Вместо обычной нашей продукции стали мы шить обмундирование для бойцов и командиров Красной Армии. А рядом наши подруги шили и парашюты.

А порой приходила в цех солдатская одежда в комьях засохшей земли и пятнах крови — прямо с жаркого поля боя. Стирает, чинит работница эту одежду — да и уткнется в нее лицом, только плечи дрожат. Сына или мужа вспомнит, что в такую же, а может, и в эту вот самую гимнастерку был одет. Каждая жила тогда ожиданием весточки с фронта. А были и такие, кому уже некого было ждать.

Как жили мы тогда, теперешнему поколению понять трудно, хотя и много сейчас об этом пишут. Работали по двенадцать и больше часов в сутки, спали порой прямо на фабрике. Бывало, что на карточки выдавали только хлеб да сахар. А уж за особенно отличную работу премии полагались. Только не деньги нам выдавали, а талон на суп. Возьмешь этот, тяжким трудом заработанный талон, и ешь в фабричном буфете такой прекрасный суп. С мерзлой картошкой, без мяса, казался этот суп тогда удивительным лакомством...

От недоедания люди слабели. Бывало, наступит час обеденного перерыва, а женщины, вместо того чтобы приниматься за еду, кинут прямо на пол ватники и, словно в последнем усилии, ложатся на них, забываясь в каком-то странном оцепенении. Никаких желаний нет, даже и ощущение голода вроде ушло, а только усталость, безмерная усталость... Случалось, что после перерыва одна или две из женщин так уж и не могли подняться...

Я помню Хаю, юную девушку среди этих измученных женщин.

Хая, когда впервые пришла на фабрику, моложе многих была — всего шестнадцать лет. Только удивительно быстро

стала она обгонять подруг. Была она не только очень способной, но и воспитана так, что не гнушалась никакой работы.

Первый мастер ее, Шура Сурина, бывало, всего раз ей что-то объяснит — и быстренько к другим: возле Хаи долго стоять не нужно. А когда уж я мастером в бригаде стала, то любое новое или особой сложности задание раньше других Хае поручала.

Еще с юных лет она вышла в число резервисток цеха — так зовут у нас работниц, владеющих всеми без исключения операциями. Еще их называют «скорой помощью». Такие люди в цехе — наперечет. Вот и сейчас их у нас всего пять — незаменимых.

Впрочем, Хаю-то и среди них самой незаменимой считают. Ведь Хая Карасик, единственная на нашей фабрике, имеет высший шестой разряд швей-мотористки. А всех швей — около тысячи...

«Я повторяю в моих учениках»

Рассказывает Елена Александровна Иодко.

— Знакомство мое с Хаей началось давно — лет двадцать назад. И знаете как?

Был это первый день моей работы на фабрике. Не очень веселый день... Швейный цех находился тогда в тесном старом здании. Машин почти не было, и большинство операций женщины выполняли вручную. Да и город, в котором я только недавно оказалась, не слишком мне понравился — деревянные дома, вокруг — не осушенные до конца болота. Честно говоря, приуныла я немного. В училище, при распределении, все это мне по-другому представлялось... Почувствовала я вдруг себя одинокой и почти несчастной...

И вот в перерыве подошла ко мне худенькая, изящная женщина. Стала расспрашивать, кто я и откуда, и рассказывала мне о цехе и людях его, говорила, каким этот цех был и каким будет. И о городе своем родном говорила такими теплыми словами, что стыдно мне стало, что могла я хоть на миг обо всем этом плохо подумать. От сердца у меня отлегло, и захотелось скорее стать на фабрике такой же своей,

какой — это я поняла сразу — была эта худенькая темноглазая женщина. И хотелось так же, как она, мечтать о будущем...

Уже значительно позже, после долгого знакомства с Хаем Карасик, я не уставала удивляться ее способности находить тропинку к сердцу человека.

Наверное, ни у кого в цехе не было столько учеников, как у нее. Только за последние пять лет воспитала она около тридцати швей-мотористок. И что интересно — никто в цехе не учит новичков так быстро, как она. Кажется, совсем недавно впервые подошла к ней Валя Логинова. А через три дня, я вижу, сама, без посторонней помощи, подтачивает карманы, да так ровненько, аккуратно.

— Что, уже научили, Хая Абрамовна?

— Научила! — отвечает.

Происходит это потому, что за долгие годы работы выработался у мастерицы на каждой из операций целый комплекс приемов. Обучает она не только технологии, но и приемам, ускоряющим работу. Допустим, сама успевает за смену подшить карманы на сотне пальто, вместо пятидесяти по норме — и от молодежи того же старается добиться. А вот как она это делает — сказать не могу, не знаю. Стоило бы у нас организовать школу передовых методов труда, чтобы руководили там Хая Абрамовна и такие, как она. Организуем когда-нибудь, думаю.

Да, чуть не забыла: надо еще о Дусе Савельевой рассказать — тоже Хаина ученица. Было время — сердились на девушку работницы из цеха: много брака из-под ее рук выходило. А это и на общие показатели влияет.

Присмотрелась Хая к новенькой и почувствовала, что это у нее от неумения: раньше-то ведь никогда подобным делом заниматься не приходилось. А судьба нелегкая у человека: потеряла родителей, воспитывалась в детском доме. И работа, которая сейчас девочке поручена, — первое в ее жизни взрослое дело. Нельзя ее сейчас обидеть, никак нельзя.

— Не трогайте вы ее, — сказала Хая женщинам. — Я уж сама...

Теперь Дуся Савельева — одна из лучших швей цеха, Ленинской юбилейной медалью награждена. А Хаю до сих пор лучшим своим другом считает, нередко спрашивает совета и в семейных вопросах.

«Вы — лицо государственное...»

«ДОРОГАЯ ХАЯ! Я НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ, КАК ВНИМАТЕЛЬНО ОТНЕСЛАСЬ ТЫ КО МНЕ, КОГДА НИКОМУ, КАЖЕТСЯ, НЕ БЫЛО ДО МЕНЯ ДЕЛА. ТЫ НЕ ТОЛЬКО ПОМОГЛА МНЕ, НО И УТЕШИЛА ДОБРЫМ СЛОВОМ.

ЖЕЛАЮ ТЕБЕ СЧАСТЬЯ И РАДОСТИ ОТ ТВОИХ ДЕТЕЙ».

(Из письма Иды Возовой).

В дни больших праздников получает семья Хаи Абрамовны Карасик много ярких разноцветных открыток, писем. Одни адресованы ее мужу, Савелию Яковлевичу, другие — родителям, третьи — кому-то из сыновей. Но больше всего самой Хае Абрамовне.

Пишут родственники, друзья, и это понятно. Но нередко на конвертах стоят обратные адреса людей, с которыми Хая Абрамовна не так уж хорошо и знакома. Зато они отлично знают ее — депутата краевого Совета двух созывов. Сколько самых различных и нелегких проблем пришлось решить ей за четыре года...

Дому, где жила с сестрой работница текстильно-швейной фабрики Ида Возовая, предстоял капитальный ремонт. Двум одиноким женщинам предложили на время освободить квартиру. Со слезами пришла на прием к Хае Абрамовне Ида. После того как депутат посетила кабинет директора фабрики, Возовой была предоставлена комната. Видно, много чуткости и заботы о человеке проявила тогда Хая Карасик, если до сих пор благодарит ее Ида Возовая.

А однажды на прием к депутату пришли представители деревообрабатывающего комбината. Они сообщили, что для дальнейшего развития предприятия необходимо новое оборудование, и показали подробный список. Но для приобретения оборудования требовалась крупная сумма — более двухсот тысяч рублей, а добиться ее выделения руководители ДОКа не могли. Поняв важность вопроса, депутат сначала послала письмо в Хабаровский крайисполком, затем ставит тот же вопрос на сессии краевого Совета депутатов трудящихся. В результате комбинат был обеспечен необходимыми средствами.

Очень важные государственные вопросы приходилось решать коммунисту, посланцу народа — рядовой фабричной работнице. Решение их требовало множества хлопот, порой —

встреч с руководителями весьма высоких рангов. Не сразу научилась Хая Абрамовна легко входить в кабинеты и требовать. Несколько лет назад более часа ждала своей очереди в приемной председателя Биробиджанского горисполкома. А когда, смущаясь, сообщила ему об этом, в ответ услышала:

— Никогда больше не ждите очереди! Входите сразу. Вы — лицо государственное.

Страницы жизни

В каждой семье есть, вероятно, такой альбом. У одних — яркий и нарядный, с вклеенными и подобранными строго по размеру фотографиями, трогательными подписями под каждой. У других — потрепанная обложка, потерявшие свежесть картонные страницы и еще более — сами фотографии, знавшие прикосновение множества рук, словно хранят в себе память о нелегко прожитой жизни с ее рождениями и смертями, разлуками и днями счастья.

В печальные минуты откровенности, при встречах с людьми, близкими ей, достает Хая Абрамовна Карасик старый альбом в зеленой обложке. Он с трудом вмещает дорогие ей снимки, и давно надо бы купить новый, да за заботами руки все не доходят. Склонившись, она в волнении листает его страницы — словно вновь перелистывает страницы жизни. Лицо ее то озаряется светом далекой радости, то вновь скатывается с ресниц высохшая, казалось бы, еще в давнюю пору слеза...

Снимков Хан Абрамовны в альбоме немного — больше родственники, близкие, друзья. Она никогда не любила фотографироваться, считая себя нефотогеничной. Как и большинству людей, ей бессознательно хотелось видеть себя на фотографиях красивой, а это не всегда удавалось, и оттого она избегала фотографов.

И как же ошиблась она в этом! Я вглядываюсь в снимки разных лет и словно вижу ее прежней — в минуты то задумчивости, то суровости, а то безудержной, льющейся через край радости. И совсем иным видится мне ее лицо, никогда не бывающее бесстрастным, а постоянно озаренное мыслью и

чувством. Оно красиво, это лицо — той, не внешней, а глубокой внутренней красотой, что дается немногим...

Именно такой — одухотворенной, нежной и очень торжественной запечатлел ее фотограф на листке картона, что лежит сейчас передо мной. На обратной стороне отпечатка — следы высохшего клея.

— Это — с цеховой Доски почета, — поясняет Хая Абрамовна. — Когда ж это было? В 1955-м или 1956-м? Первая в жизни Доска почета — представляете? Какая радость была для меня! Помню, мама моя даже всплакнула: «Вот ты и в люди вышла, доченька!»

— Просите показать самые ранние снимки? — переспрашивает моя собеседница. — Да, знаете, нет этих ранних. Ни одного не сохранилось.

Они были, конечно, фотографии детства и юности Хаи. Она вспоминает даже альбомчик, заведенный еще матерью. Но когда он исчез — не помнит.

...Черную черту между юностью и зрелостью ее поколения провела война, с суровой категоричностью отделившая прошлое от настоящего. А в том настоящем существовали уже совершенно иные измерения большого и малого. Военное лихолетье внесло в жизнь каждой семьи столько невосполнимых потерь, что мелкие попросту не учитывались.

И потому нет в альбоме фотографий Хаи — ученицы еврейской школы в небольшом селе, Хаи — юной работницы Биробиджанской госсвейфабрики.

А вот семейная фотография. Муж, Хая, дети. Все члены семьи пришли в фотографию нарядными, у них спокойные лица. Сама жизнь постепенно заживала нанесенные войной раны.

Новая страница альбома. Хая со своей бригадой. Хая на снимке, вырезанном из газеты «Биробиджанская звезда». Рядом другая газетная вырезка со снимком: здесь среди одноклассников запечатлен сын Ильи — участник областной выставки детского технического творчества. А это — среди детей всех цветов кожи, на фоне моря и пальм пионерского лагеря «Артек» — младший, Алик.

А эта фотография Хае особенно дорога. Даже дату съемки она помнит точно — 30 декабря 1967 года. В этот день число членов ее семьи стало больше на одного, а вернее — на одну: в ее дом пришла первая невестка — жена Валерия,

Лида. Вот она на снимке: в сверкающей белизной фате, среди своих новых родственников, в соответствии с моментом — очень нарядных и торжественных.

И, наконец, этот снимок, сделанный год спустя: с него смешно таращит глазенки крошечная Леночка — первая внучка Хай Абрамовны...

Перелистаны страницы альбома в зеленой обложке — словно страницы жизни.

А жизнь — продолжается. Какие новые страницы распахнет еще она перед этой женщиной, ставшей мне за несколько дней встреч такой близкой и словно давно-давно знакомой? Я верю: их будет еще очень много, радостных и светлых страниц.

СЕМЕН КЕРДМАН,
ЕФИМ КОРСУНСКИЙ

ОТЕЦ И СЫН

Документальная повесть

Живут с тобой рядом люди, ничем на первый взгляд не приметные. И вдруг узнаешь, что за плечами этих людей жизнь героическая. И хотя такие открытия в нашей действительности не редкость, каждый раз по-новому радуешься им, каждый раз лучше, ярче осознаешь нравственную силу и красоту простого советского человека.

— Дядя Юда, дядя Юда! — соседский мальчишка Ванюшка от волнения еле переводил дыхание. — Дядя Юда... Война!..

Юда Срулевич невозмутимо продолжал осматривать деревья в саду. Какие вишенки! Урожай богатый будет. Потом остановился, потрепал Ванюшку за рыжий непокорный чуб:

— Ты что, с ума спятил, хлопче?

— Честное слово, дядя Юда. Идите послушайте!

Колхозный кузнец неторопливой походкой вошел в хату. Постоял, прислушался. Из черной тарелки репродуктора донеслось: «...сегодня в шесть часов утра фашистские самолеты бомбили Киев, Одессу...»

Да, это была война. Юда Срулевич так же медленно вышел на крыльцо. Село утопало в садах. Над ставком низко склонились вербы, тихо о чем-то шептались. Небо было синее, безоблачное...

Собрался было Юда Срулевич приятелей навестить, а направился в сельский Совет.

— Какие будут распоряжения?

...Через месяц, как в гражданскую войну, старый кузнец надел красноармейскую гимнастерку, а молот сменил на винтовку. Перед уходом в армию он получил короткое торо-

пливое письмо от сына: «Дорогой отец! Нас досрочно выпустили из училища, присвоили лейтенантские звания. Едем на фронт. Будь спокоен, отец, тебе не придется краснеть за сына. Твой Семен».

Пятая отдельная понтонная бригада, куда зачислили Юду Срулевича, в срочном порядке была направлена на защиту Крыма. Перекоп! словно кадры кинохроники, в памяти солдата замелькали события давно минувших дней: вот он в составе 15-й Сивашской стрелковой дивизии, по грудь в воде форсирует гнилой пролив; вот под ураганным пулеметным огнем режет проволоку врагелевских укреплений; вот с винтовкой наперевес идет в атаку: «Ура-а-а!..» Подкошенный вражеской пулей, падает на набежавшую землю...

И вот он снова, красноармеец Баселин, шагает по знакомым дорогам, наводит переправы на знакомых реках. Днем и ночью идут танки, мотопехота, артиллерия. «Юнкеры» непрерывно висят в небе, вода кипит от вражеских бомб...

Летом 1942 года гитлеровские полчища прорвались к Северному Кавказу. Пятую понтонную бригаду бросили в район станицы Смоленской. Бойцы расположились в лесу, приступили к строительству укрепления. Юда Срулевич раз копнул лопатой, второй раз. Внимание его привлекла свернутая в трубочку тетрадка. Поднял ее, развернул. От неожиданности даже растерялся. На синем листке четким почерком было написано: «Тетрадь по тактике курсанта пехотного училища Семена Баселина». Ноги подкосились. Присел старый солдат на траву, губы шевелятся: «Сынок, сынок... Где же ты воюешь? Тяжело тебе, наверно, сынок...»

— Товарищ полковник, лейтенант Баселин явился по вашему приказанию!

Командир 126-й стрелковой дивизии полковник Казаков внимательно посмотрел на молоденького чернявого офицера, сделал рукою жест:

— Садитесь, товарищ лейтенант. Посмотрите, вот здесь наши позиции. А здесь — немцы. Надо узнать, кто против нас стоит, нужен «язык».

— Слушаюсь, товарищ полковник!

...Ночь лунная, все видно как на ладони. Первым ползет лейтенант Баселин, за ним старшина Векленко и рядовой Харченко. Вот и вражеские траншеи. В ложине стык. Часовой время от времени вылезает на поверхность, осматривает местность. Разведчики словно с землей сравнивались, притаились. Но вот Баселин, по-кошачьи сжавшись, делает резкий рывок, наваливается на часового сзади. Векленко зажимает ему рот, связывает руки. И вот уже группа ползет обратно. Но гитлеровцы обнаружили пропажу часового, открыли по разведчикам ураганный пулеметный огонь. Баселина ранило в бедро. Харченко взвалил командира на себя, «языка» тащил Векленко...

Два месяца находился на излечении в госпитале лейтенант Баселин. Сначала в Новороссийске, потом в Нальчике. Вскоре фронт приблизился и сюда. Гитлеровцы отчаянно рвались к Кавказскому хребту. В город был сброшен фашистский десант. И тогда все раненые бойцы, кто мог носить оружие, снова заняли свои места в строю. Лейтенанта Баселина назначили командиром противотанковой роты. Залегли бойцы возле шоссе, у моста. Атаки гитлеровцев следовали одна за другой. Около десятка вражеских машин остались дымить на обочине. Но тут Баселин снова был ранен. И снова в ногу. Кое-как добрался до города. Не поймешь, где наши, где фашисты. В голове шумит, ноги не слушаются. Раненых очень много. А фашисты все ближе и ближе...

Откуда ни возьмись — старик в черкеске, с посохом в руке. По-русски говорит плохо.

— Товарищи, — обратился он к раненым. — Я покажу вам дорогу через горы. Там наши. Кто хочет — пойдем за мной.

Человек сто поднялись. Среди них был и Баселин...

Узкая каменистая тропинка вьется меж крутых скал. Оступись чуть-чуть — и сразу же полетишь в пропасть. Длинной цепочкой растянулась странная колонна. Кто с перевязанной рукой, кто с забинтованной головой. Баселин да еще несколько человек — на костылях. Им особенно трудно. Каждый шаг стоит невероятных усилий. Метр, еще метр. Потом ползком. Все выше и выше. Силы совсем на исходе, а дороге конца нет. К вечеру в колонне осталось человек пятьдесят. А оставшиеся все шли и шли. Без пищи, без воды...

На вторые сутки начались снега. Туман сгустился так, что впереди ничего не видать. Надо ступать след в след. Иначе собьешься с тропинки. Неосторожный шаг в сторону может жизни стоить. Снег по колено, снег по пояс. Семен выкидывает вперед костыли, наваливается на них всем телом, подтягивает ноги. Потом снова выбрасывает костыли, снова на них наваливается. Он уже не помнит, когда началось это бесконечное восхождение. Не знает, зачем и куда идет. Ног не чувствует, руки замерзли. Мозг сверлит мысль: «Жить, жить, жить. Во что бы то ни стало — выжить!». Присел на камень и встать не может. Кругом белые причудливые горы, метет поземка. Веки сомкнулись, стало совсем тепло...

Увидел Семен свою Романовку и отца в кузнице. Жарко полыхает огонь в горне, глухо стучит железный молот по красному железному пруту: тук-тук, тук-тук...

— Поднимись, сынок, скоро спуск будет. — Старик в черкеске помог Семену подняться на ноги. — Нельзя ложиться, совсем сил не будет. Пойдем, пойдем!

Спуск оказался еще более трудным и мучительным для Семена, чем подъем. Камни скользкие. Ноги совсем не держат. Больше приходилось ползти.

Еще через сутки показалось солнце...

— Скоро, скоро дом, — подбадривал старик. — Еще немножко...

Баселина и еще нескольких раненых подобрали в полубессознательном состоянии бойцы горнострелковой дивизии. Влили им в рот по нескольку ложечек горячего чая, потом посадили их на ишаков и спустили вниз, к шоссе на дороге.

Как оказался в госпитале в городе Кутаиси, Баселин не помнит...

Части Советской Армии, измотав силы гитлеровцев в предгорьях Кавказа и окружив их в районе Невинномысской, освобождали один город за другим. Баселин-отец наводил понтоны на Кубани, на Дону, прокладывал путь на запад танкам, мотопехоте, артиллерии. В редкие часы затишья Юду Срулевича одолевали тяжелые думы: где семья? Жив ли Семен?

Старший лейтенант Семен Баселин выжил. Врачи сделали все возможное, чтобы поставить его на ноги. В составе 33-й

гвардейской стрелковой дивизии он держал путь на запад, на другой фронт. Эшелон остановился на крупной узловой станции. Отсюда до его родного села километров сорок. Ну как не наведаться в Романовку, не узнать о судьбе родных? На счастье, эшелон задерживался, и командир части предоставил увольнение.

Зашел Баселин к дежурному по станции узнать — нет ли до Романовки товарняка.

— Скорей беги, — сказал дежурный. — Только что дал отправление.

Изо всех сил бросился Семен к стоявшему на третьем пути составу. Паровоз дал продолжительный гудок. Вскарабкался Баселин на тормозную площадку последнего вагона, тяжело отдышался: «Успел!.. Через час, значит, буду дома». Но что это? Почему вагон стоит? Выглянул. В глазах потемнело, крупные слезы покатались по давно не бритым щекам выдавшего вида солдата: вагон оказался неприцепленным...

Ох, каким долгим показался Семену путь до села, где родился, вырос! Ноги еще побаливали, ломило в пояснице. Но он очень торопился. Времени — в обрез.

Село было полностью сожжено. Там, где некогда стояла хата кузнеца Баселина, — груды развалин. Вместо сада торчали обуглившиеся пеньки.

— Бачь, сынку, шо фашисты натворылы. — Чья-то большая шершавая ладонь легла солдату на плечо.

Оглянулся Семен:

— Дядько Федор! Живы?

— Жив, сынку.

— А отец мой, мать, брат где?

Дядько Федор отвел глаза в сторону, тихо сказал:

— Пишлы.

Он привел Семена к силосной яме, наполовину засыпанной землей. Земля была еще совсем свежей.

— Вот шо натворыли природы бисовы, — сказал дядько Федор. — А батько твий в армии, воюе.

Обратный путь из Романовки был во сто крат еще тяжелей. Семену казалось, что он снова из последних сил карабкается по заснеженным склонам хребта. В груди кипела ярость: «Людоеды, ну подождите. За все заплатите!»

Командир части тут же, на станции, приказал выстронть

солдат. Старший лейтенант Баселин рассказал о том, что на-
творили гитлеровцы на его родине. Солдаты слушали и креп-
ко сжимали автоматы.

* * *

Из сводок Совинформбюро Юда Срулевич узнал о том,
что Николаевская область полностью очищена от захватчи-
ков. И немедленно написал письмо в Романовку — откликни-
тесь, кто живой остался!

Через неделю получил он листок, сложенный треугольни-
ком: «Здравствуйте, дядя Юда! Пишет вам Люба Кирилло-
ва. Помните меня? Я с вашим Семеном училась в школе. Так
вот, могу вам сообщить, что Семен недавно был в селе».

Сердце учащенное забилося в груди старого солдата:
«Жив, жив сын!» Потом он как-то сразу сник, глаза погасли:
«А семья где? Почему о ней ни слова в письме?».

Тридцать третья стрелковая дивизия успешно форсировала
Неман. Замелькали названия немецких городов: Шибен,
Тильзит, Рагнит... Впереди был Кенигсберг. Старший лей-
тенант Баселин командовал ротой разведки. Пять сильно
укрепленных фортов прикрывали это осиное гнездо. Они из-
рыгали ураганный огонь, не давали нашим бойцам головы
поднять. Разведрота получила приказ: вклиниться между чет-
вертым и пятым фортом, зайти в тыл гитлеровцам и разведать
их силы и систему укреплений.

Заросшая густым кустарником лощина была сильно зами-
нирована. Ползком, метр за метром продвигались бойцы за
своим командиром. Прошли таким образом километров во-
семьдесят, замаскировались, стали наблюдать. В штаб диви-
зии понесли по рации четкие донесения. Заработали «ка-
тюши», они смешали с землей все живое в стане гитлеровцев.
Затем в атаку пошла пехота. Вскоре Кенигсберг пал. В ули-
чных боях Баселин в четвертый раз был ранен...

Дни в госпитале тянулись однообразные, скучные. На
улице было тепло. Где-то под Берлином сражалась с врагом
родная дивизия. Друзья Баселина добивали фашистского зве-
ря в его собственной берлоге.

— Скоро войне конец, братцы, — сказал сосед по койке, широкоплечий, черноусый капитан. — Снова вернусь на завод. Соскучились руки по слесарному инструменту.

В немецком городке Рагнит, где расположился госпиталь, было тихо, мирно. Военная гроза пронеслась стороной.

Однажды в палату вошел лечащий врач:

— Как самочувствие, Баселин? — спросил он. Глаза улыбались.

— Хорошее, товарищ капитан.

— Тогда живо одевайтесь.

— Куда?

— А это потом узнаете.

Пахло акацией, теплый ветерок ласкал щеки. В садике на скамейке сидел немолодой солдат в выцветшей пилотке.

— Узнаете? — лукаво прищурил глаза, спросил врач.

Семен остановился как вкопанный:

— Отец!

— Сынок!

Крепко обнялись два солдата, прошедшие по дорогам войны от самого ее начала до конца, не раз глядевшие смерти в глаза.

— Как же ты меня нашел, отец?

— Язык, говорят, до Киева доведет. Всю войну искал тебя, сынок.

— А я, признаться, отчаялся уж было кого-нибудь из родных встретить. Мама и Суня погибли...

— Знаю, сынок.

Оба помолчали. Потом Семен положил руку на плечо отца:

— Крепись, батя. Жить надо!..

Домик Юды Срулевича Баселина в Амурзете небольшой, аккуратный. Сегодня здесь семейное торжество — именины жены. (После войны кузнец вторично женился.) Когда-то Феня Григорьевна была первой труженицей на селе. Об этом свидетельствуют многочисленные грамоты и дипломы. Ее звено выращивало самые высокие урожаи овощей в Октябрьском районе. Сейчас уже годы не те, но она продолжает трудиться.

Командует сегодня «парадом» невестка Раиса Леонтьевна — жена Семена.

— Прошу к столу, дорогие гости, — приглашает она широким жестом. — Садитесь, кому где удобнее.

— А ведь знаете, — с теплотой в голосе сказал Юда Срулевич, — и у нашей Раечки тоже интересная судьба. О ее жизни целую книгу написать можно.

— Ладно уж, отец. Что вспоминать?

— Почему же? Расскажи, Рая, как добрые люди спасли тебе жизнь.

Раиса Леонтьевна призадумалась, глаза потеплели:

— Да, замечательные люди Гавриленки. Никогда в жизни их не забуду. Вот о них бы написать! Послушайте. Когда фашисты пришли, мне было одиннадцать лет. Не понимала я еще тогда, какая страшная беда нагрянет в наш дом. Однажды я с подругами играла за селом. Вернулась вечером. Дом наш пуст, все перевернуто вверх дном. «Идем, Раечка, — взяла меня за руку соседка тетя Мотря. — Родителей твоих забрали. Не плачь, они скоро вернуться». Накормила меня и уложила спать. Рано утром тетя Мотря разбудила: «Беги, Раечка, сховайся в балке. Нимцы окружили ваш дом, ищут тебя».

Целую неделю пряталась я за селом. Ночью соседка принесла мне воду, еду. Потом мне надоело все это. Пришла я в село, говорю тете Мотре: «Не могу я так больше. Пусть лучше расстреляют». Девочкой была, ничего не понимала. «Замолчи, глупая», — прикрикнула на меня соседка.

— Садись, слухай. Теперь ты не Рая Шполянская, а Галя Шевченко. Пидешь в сусидне село Ново-Украинку. Там детский приют е. Скажешь, що родители твои погibli во время бомбежки, виткуда ты — не знаешь. — Потом взяла мою руку и иголкой вытатуировала слово «Галя». «Так вернее будет, — сказала она. — Запомни, тебя зовут Галей».

В детском доме пробыла я около года. Потом пришел немецкий комендант, отобрал старших девочек, и нас отправили на работу в Германию. Таскали тачки, работали прислугами. Били нещадно, кормили помоями. Одни скелеты остались. В сорок пятом году наши освободили. Вернулась я в свое родное село. Тетя Мотря приняла меня как родную дочь. Одеда, обула, устроила на работу. Потом дядя из Амурсета разыскал меня. А вообще, если подробно рассказать, — в книгу не уложить.

В комнате воцарилась тишина.

— Что говорить, Раечка, — вздохнула Феня Григорьевна. — Пережила ты немало. Зато сейчас ты счастлива. Вон какие дети у тебя растут!

Близнецы Вова и Поля забрались на диван, рассматривали фотографии в альбоме.

— Дедушка, это кто?

— А ну-ка, покажи, внучек.

Юда Срулевич взял выцветшую фотографию, лицо его расплылось в широкой улыбке: «Это мой лучший фронтовой друг Григорий Кугатов. Под Эльбингом он мне жизнь спас. Возле самого окопа разорвался тяжелый снаряд. Меня заваляло землей. Если бы не Гриша, я бы там остался. Дай-ка сюда альбом».

Дед берет одну фотографию, другую, и в памяти его встают картины пережитого. Вот он в буденовке — боец пятнадцатой Сивашской дивизии в годы гражданской войны. А это он у горна колхозной кузницы. Это — память о встрече с сыном в Восточной Пруссии в годы Великой Отечественной войны...

В конверте лежат документы: благодарности Верховного Главнокомандующего, Почетные грамоты, вырезки из фронтовых газет. Наше внимание привлекло удостоверение за № 1126. Читаем:

«Выдано тов. Баселину Семену Юдовичу в том, что Постановлением Президиума Центрального Комитета Всесоюзного ордена Красного Знамени добровольного общества содействия Армии, Aviации и Флоту от 7 апреля 1962 года он награжден Почетным знаком ДОСААФ СССР.

Председатель ЦК ДОСААФ СССР,
дважды Герой Советского Союза
генерал армии **Д. Лелюшенко.**

Председатель Центральной наградной комиссии
Маршал Советского Союза **С. Буденный».**

— Это Семену из Москвы прислали, — сказал Юда Срулевич.

Бережно хранит Семен Баселин небольшую картонную коробку с наградами. Орден Отечественной войны 1-й степени — за оборону Крыма, орден Красного Знамени — за форсирование Немана, орден Александра Невского — за умелые

командирские действия при штурме Кенигсберга. Есть еще четыре медали. Одна из них — «За отличие в охране государственной границы СССР».

Семена Баселина мы застали утром в мото клубе. Он развешивал плакаты, диаграммы, готовился к предстоящим занятиям.

— Многие наши воспитанники сейчас работают в колхозах и совхозах шоферами, трактористами, — сказал Семен. — Но если потребуется, они переседут на боевые машины, с честью будут защищать Родину.

А Юда Срулевич, как и в молодые годы, стоит у кузнечного горна. Дел у него в эти дни — хоть отбавляй. Идет подготовка техники к весне, заказов от механизаторов много.

В кузницу забежал запыхавшийся Вовка:

— Дедушка, сделай мне саблю!

Юда Срулевич приподнял очки, с напускной суровостью посмотрел на внука:

— Это еще зачем?

— В войну играем, дедушка.

— В войну?

— Ну да. Мы — красные, а Сашка и его товарищи — белые...

Юда Срулевич несколько минут молча смотрел на внука, глаза его мечтательно улыбались. Он думал о том, что было бы хорошо, если бы война осталась только в детских играх...

ВАЛЕРИЙ ФОМЕНКО

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Натруженно рокотали моторы, что-то кричали опалубщики, по раскисшей глине хлестал дождь. Тунгуска прибывала. Взбаламученные ветром волны с шипением наползали на берег, в холодных водоворотах кружили вырванные с корнем комли деревьев, серые космы травы.

За шумом нельзя было разобрать слов тех, кто воевал сейчас с полой водой, но в них ясно слышалась тревога: река грозила затопить площадку строящегося шлюз-регулятора, размыть дамбу и прорваться на поля.

— Вот ведь проклятая, — ругался мастер. Он долго прикуривал, стараясь удержать в мокрых ладонях гаснущий огонек спички. — Видел ты когда-нибудь такое?

А мне сейчас снова вспомнилась тайга, та, что стала для нас и домом родным и суровой солдатской школой. Слово «тайга» было для нас именем собственным. Мы дарили друг другу фотокарточки с надписями: «На память о службе в тайге», «Не забудь нашу тайгу!» Когда пришла пора расстаться с казармой, кто-то из двадцатидвухлетних «старичков» оставил в ротной стенгазете стихи, которые начинались так:

Мы служили в ракетной части,
Отгороженные от миров.
Мы три года были во власти
Всех морозов и всех ветров.

Может, труднее, чем другим, давалась служба призванным сюда из Самарканда, Ашхабада, с Кавказа. Но многим прямо «повезло»: они ушли в армию из алтайских целинных совхозов. Там были полевые вагончики, на все четыре сторо-

ны пустая степь, было начало. Здесь — повторение пройденного: первые просеки, палатки и тайга... Устав предписывал: «...стойко переносить все тяготы и лишения». В этом нам помогали костры — зимой они согревали, летом защищали от липкого гнуса. Даже наши письма домой, наверное, пахли дымом.

Военные строители уходили в запас, оставляя после себя шеренги белокаменных домов, черные ленты шоссе. Уносили память о крепкой солдатской дружбе и любовь к дальневосточной земле — краю своего возмужания.

Навсегда запомнился один из эпизодов первого года службы. На стволе косматого кедра наш радист укрепил рупор громкоговорителя, и над заснеженной марью полились звуки танцевальной музыки. Без команды смолкли глухие удары кирок по мерзлой глине, лязганье ломов о камень. С минуты мы стояли неподвижно — потные, грязные от копоти «пожогов», уставшие. Воины-строители. А над глухим чернолесьем гремела мелодия до боли знакомого вальса, далеко от нас, как чудная сказка, как привет из дома...

И опять, кантуя поваленный бурей вяз, парни кричали простуженными голосами:

— Раз, два — взяли! Еще раз...

И плыл вальс, который донесла сюда Москва. Раньше здесь ночами ухал филин, и мертвая луна стерегла глухомань.

И вот окончилась моя военная служба...

Прошлой весной я шагал по степной дороге в лагерь мелиораторов. Над просторной равниной рвался апрельский ветер, по-разбойничьи свистал в прошлогодних камышах. Впереди — до самого горизонта — «дикое поле» с синими блестящими весенних озерков, редкие кустарники. Где-то там, на краю степи начинали свой сезон мелиораторы-целинники.

Меня нагнал грузовичок.

— Садись, парень! — окликнул водитель. — Далёко?

— На стан, к мелиораторам.

— По пути, выходит. А ты сам, если не секрет, откуда? Вроде видел где-то.

Мне тоже почудилось в лице шофера что-то неуловимо знакомое. И вдруг — безо всякого напряжения — вспомнилось:

— Товарищ сержант! Володя?

Так я встретил своего однополчанина, бывшего сержанта второй роты Владимира Зайкова. Сейчас он шофер Волочаевского строительного-монтажного управления треста «Биробиджанводстрой».

— Видишь, опять сражаемся. Как тогда, помнишь? — сказал Владимир. — Работа тоже не мед. Целина.

Иметь дело с целиной когда-то довелось и мне. Есть к югу от Барнаула совхоз «Комсомольский», которому положили начало выселки — десяток мазанок у степного озерца. Мы работали далеко в стороне, на участке «Зеленый Клин». Там — ни кола ни двора — край ковыльного безлюдья. Вода — за пятнадцать километров. Изнуряющий зной, сухие пыльные ветры. Ребята ругали их по-латышски, по-украински, по-армянски, но оставались. Хотя и не все... Говорят, о совхозе «Комсомольский» — одном из лучших сейчас в Алтайском крае — снят кинофильм.

Но та, «западная» целина — совсем другое. Писатель Валентин Овечкин, побывав в Приамурье, записал в свой блокнот такие строки: «Целину здесь поднять не то, что где-нибудь в Казахстане или степных районах Сибири: запускай плуги и пашни. Здесь надо либо раскорчевывать остатки тайги, либо сначала осушить поля, провести ирригационные работы...»

Овечкин видел во время своей поездки, как у подножия Даурских сопок (название это привезли на восток забайкальцы-казаки) вели бой за землю первые отряды мелиораторов. В их числе был А. Е. Суковатый — ныне главный инженер Волочаевского СМУ.

— Трудно доставались нам первые клетки пашни, — рассказывает Антон Евлампиевич. — Осушительную систему прокладывали тогда обычными канавокопателями. Впрягали в них два С-80 и тянули борозду по болоту. Получалось, что дно канала точно копировало профиль местности. На низинных участках вода застаивалась в каналах. Зато во время дождей она срывала и уносила мостики и переезды, которые делались, как мы говорим, в «деревянном исполнении». Вода была нашим главным препятствием, бедой и врагом.

...В жаркий воскресный полдень, развесив на кустах выстиранные гимнастерки, мы сидели с Керимом Гафуровым у лесного ручья. Опустив ладони в зеленоватую воду, Керим заговорил:

— Где-то я читал стихи. Хорошие. Про воду. Ты не по-

нимаешь по-нашему? Я попробую перевести, — и нараспев прочитал по-узбекски ритмичные строки. Их перевод звучал приблизительно так:

«Вода — душа жизни, красота земного мира. Ласковая синь южного моря и бешеное кипение горного потока — это вода. Лебединые крылья облаков, бриллианты утренних рос, яростный меч молнии и семицветье радуги над ликующими садами. Серебро ледяных вершин, спасительный колодец в песках и радостные слезы матери, встретившей сына — все это вода — поэзия и счастье Вселенной».

Керим уже знал смысл русских слов «зыбун», «плывуны» и поэтому спросил:

— Скажи, почему здесь так много воды? Зачем она?

Стоя под дождем у шлюз-регулятора, я тоже подумал: «Зачем столько воды?» Она наступала из залива Немцева, скатывалась в ложину с полей, просачивалась ледяными родниками со дна котлована и неумолимо рушилась с сумрачного неба. Но холодным потокам противостоял труд людей, не менее упорных в своем стремлении одолеть стихию.

— Отбились мы там от реки, — спустя год сказал мастер Александр Базанов. — А топило не один раз. Но наши все старались на совесть. Объект сдали почти на месяц раньше срока.

В Волочаевском СМУ это стало уже традицией — перекрывать планы, опережать графики, досрочно вводить в эксплуатацию строительные объекты и новые массивы пашни. Волочаевцы прочно удерживают первенство среди управлений треста. В канун Первомая им вручили два переходящих красных знамени — за первенство в крае и в тресте. На торжественном собрании три четверти рабочих предприятия получили благодарности, премии, ценные подарки. Они достойно трудились и сейчас, люди, отвоевавшие за неполных четыре года около трех тысяч гектаров земли у «дикого поля». Впрочем, это и не поле, а болото, к которому так подходит эпитет «чахлое».

Почти двухметровый слой глины прочно держит на себе мутную проржавевшую жижу. Местами она то прячется под мягкой губкой торфяников, то дыбится волосатым кочкарником. Даже деревья здесь растут искривленными и немощными, годными разве что для дымокуров. Во время половодий на луга заходят неприхотливые ратаны и все лето обретаются

в стоячей воде. Душными июньскими ночами равнину оглашают лягушачьи хоры и тягучий комариный звон. Весной и осенью с виду это почти как тундра. И тем удивительнее, что на другом, северном берегу Тунгуски, биологи нашли места, где растут лотосы.

Если вы едете поездом от Биробиджана до Хабаровска, за окнами вагонов нетрудно разглядеть равнины, десятки километров зеленых ковров, перемежаемых разливами воды. Это и есть дальневосточная целина, куда приходят мелиораторы. Когда-нибудь и здесь будет шуметь на ветру колосистая пшеница, зазвонят по октябрьскому приморозу соевые бубенцы.

Первыми на будущие поля движутся экскаваторы и корчеватели. На землю ложатся ровные линии каналов. Медленно, словно нехотя, спадает уровень грунтовых вод. Вслед за ирригаторами идут строители бетонных переходов и пахари с плугами, похожими на ту «сошку», которой орудовал былинный оратай Микула Селянинович. В низинах размалывают кочкарник фрез-барабаны, а затем по массивам расползаются тракторы с дисковыми боровами. Они и проходят первый, второй, пятый раз по одному и тому же месту, пока земля не станет похожей на культурную пашню. Разделка почвы так и зовется «культуртехника». Здесь же идет сев, только в борозды ложится не зерно, а известковая крошка. Казалось бы все? Но ни одна комиссия не примет поле, если здесь не будет дорог. А они — забота все тех же мелиораторов. Прошлой весной, не щедрой на тепло, на участке А. С. Базанова для ускорения дорожного строительства применили срез дерна: так быстрее оттаивает земля. Здесь же приступили к прокладке подземных каналов — дрена.

...К концу рабочего дня к Камышовскому стану подходит автобус. Выстроены по линейке уставшие за день тракторы. Механизаторы садятся в машину. Пассажиры — типичные дальневосточники: один белорус, другой из-под Кустаная, кто-то говорит: «А вот у нас, в Забайкалье...» Я познакомился с одним из целинников — Николаем Торяником, экскаваторщиком. «Старому мелиоратору», как мне отрекомендовали его в отделе кадров — тридцать один год.

У него простое, открытое лицо, с веснушками, и застенчивая улыбка. Это если он разговаривает. Когда сидит в кабине экскаватора — выражение лица меняется: в нем сосредото-

точность, губы сжаты, в глазах — деловой холодок. Рычаг на себя, подошва опускает педаль — ковш с хлюпаньем вырывает со дна канала желтый сгусток глины. Стрела экскаватора словно маятник отсчитывает время и пройденные метры. За смену — не меньше 120—140 процентов выработки. Значит, время отстаёт.

— Я с Украины родом, — рассказывает Николай. — Мать привезла меня на Восток лет восьми. Учился в школе. Потом был в совхозе прицепщиком, трактористом. Выучился на экскаваторщика. Так на нем и работаю.

В два десятка слов как будто бы уместилось все жизнеописание этого человека. Да и чего искать в нем необычного? Он — рабочий. И даже, к слову, не рационализатор. На этот счет начальник участка В. П. Лазарев сказал так:

— Торяник — ударник коммунистического труда. А его рационализаторство в том, что машина у него всегда работает безукоризненно: зимой, летом, на болоте, в карьере, в любую погоду.

На своем тихоходе-экскаваторе Николай многих и обгоняет. Зимой на разработке торфа ему не хватало машин под погрузку. Летом, случалось иногда, бросал работу на канале, чтобы прийти на выручку увязшим в грязи по самую подножку тракторам — «болотникам». И сам, бывало, выбирался из топи с помощью «железной руки» экскаватора. Все это для него обычно. Да и никто из мелиораторов не считает свою работу какой-то там особой. Их много здесь в управлении — рядовых передовиков производства: бульдозеристы Николай Шалуев, Трофим Артеменко, трактористы Анатолий Северинов, Владимир Шнурик, Юрий Рубис. Есть отличные строители и расторопные ремонтники. Каждый вносит свой вклад в благородное дело обновления дальневосточного края.

...С берега Тунгуски хорошо видна Волочаевская сопка. На ее вершине когда-то стоял Петр Комаров, и родные картины навяли ему поэтические строки. Помните?

Когда с высот Июнь-Корани
Я погляжу на край родной,
Он сразу весь, как на экране,
Тогда встает передо мной... —

И дальше: «Как будто спят степные дали», и еще о мирных пашнях вдали. Сколько их было тогда, в 1944 году, в районе сопки Июнь-Корань? Наверное, не так уж много. Но стояли

уже «Волочаевские башни» — памятник тем, кто шел на штурм высоты, за которой лежала вот эта — тогда еще грядущая — поднятая целина.

...Я ухожу по черной равнине туда, где поднялись этажи села Камышовки. На прощание жму руку Володе Зайкову:

— Заходи. Адрес помнишь? Улица Волочаевская.

— А у меня — Лазо. Не забудь...

Нет, Володя, улицы с такими именами нам забывать нельзя. Как нашу тайгу, как первые борозды на целине. Как нашу комсомольскую юность...

НАУМ АЙЗМАН

ОРДЕНА СУПРУГОВ ГЛИК

Морису Глику и его жене, Сарре Борисовне, вручали орден. Награжденных пригласили в зал заседаний недавно построенного административного здания. Огромные, под самый потолок, окна с откинутыми шторами затопило жаркое солнце. Здесь царила та, почти неизъяснимая, атмосфера счастливого ожидания, остроты восприятия, душевной близости, которая обычно бывает в аудитории, где люди собрались по очень важному для них поводу, и каждый знает, что, возможно, уже сейчас или чуточку позже, назовут и его имя, и он пройдет по пушистой ковровой дорожке к столу президиума, и депутат Верховного Совета СССР, плотный, нестарый еще человек с открытым, добрым лицом, пожмет ему руку, приколет к груди орден, и зал взорвется восторженной овацией.

Морис Леонидович тихонько, чтобы не привлекать внимания, огляделся. Многие здесь казались ему знакомыми. По всевозможным совещаниям, на которые его, Мориса Глика, приглашали, по газетным портретам, передачам телевидения. Люди сравнительно молодые и из тех, что успели уже, должно быть, многое повидать на своем веку. Морис Леонидович скользнул взглядом по рядам. Он думал о том, что люди эти, несмотря на разницу в характерах, возрасте, роде занятий, наверняка одинаково взволнованы всем происшедшим и каждый, в той или иной мере, сейчас, вероятно, перебирает свою жизнь. Год за годом. Как это делает сейчас он, Морис Глик.

И еще ему показалось глубоко символичным, что в минуту, несомненно, самую значительную в жизни, рядом с ним сидит его жена, — добрый гений, ласковая, всегда понимаю-

щая его. И Сарра здесь не просто, чтобы порадоваться за него, но и сама она награждена орденом, и ее имя тоже вот-вот зачитают в президиуме. Морис Леонидович нашел руку жены, взял узкую горячую ладонь, пожал, и она, не обернувшись, ответила ему тихой, такой знакомой улыбкой, показывая, что и она счастлива и с тем же восторгом переживает все происходящее вокруг.

И он вдруг увидел себя не сегодняшним Морисом Гликом, уже давно разменявшим шестой десяток, с густой проседью в поредевшей шевелюре, а хрупким, жадно вбирающим в себя окружающий мир парнишкой. Хотя внешне его и тогда отличала некоторая медлительность движений, неторопливость в суждениях. Мастер, помнится, даже выразил свое недовольство, когда в качестве ученика токаря Морис впервые появился в его цехе. «Экий увалень», — проговорил мастер и, словно от зубной боли, покривил лицо. Кроме того, Морис был в ту пору настолько мал ростом, что до станка мог дотянуться лишь благодаря принесенному откуда-то с улицы дощатому ящику.

Но Морис был спокоен за себя. Уж он-то знал себя лучше, чем кто-либо другой. Он ощущал в себе неиссякаемый заряд энергии, жажды деятельности. За внешней медлительностью таилась завидная воля, редкая прилежность. Со временем это не могло не проявиться. И тогда его признали окружающие. С ним стали считаться почти как с равным бывалые металлорезчики.

Горячее это было время тех незабываемых дней. Первая пятилетка. Впереди были Магнитка, Днепрогэс, Сталинградский тракторный и Комсомольск-на-Амуре. Рабочий люд решил на неслыханное по масштабам строительство. Энтузиазм, подвижничество увлекли миллионы. Без остатка захватили они и начинающего токаря. Не без его участия перекрываются вчера еще казавшиеся недостижимыми нормы. По многу раз пересматривались первоначальные проекты.

И еще были веселые вечера в заводском клубе, и нетопленые классы, где пожилые рабочие и молодежь, сжимая в непослушных пальцах граненые карандаши, переписывали из букваря: «Мы не рабы. Рабы — не мы!»

Морис Леонидович и по сей день хранит почетную грамоту тех дней. Свою первую грамоту: «Токарю товарищу Глику за ударную большевистскую работу и учебу».

В 1935 году донбасский шахтер, забойщик Алексей Стаханов достиг рекордной выработки. В числе первых стахановцев Одессы был и Морис Глик. На городском слете ударников он встретился однажды с Саррой, черноглазой смешливой девушкой, и сразу же влюбился без памяти.

Сарра работала на швейной фабрике имени Воровского и потом, когда они уже стали мужем и женой, именно ей принадлежала идея поехать в Биробиджан, где, рассказывают, испытывают острую нужду в людях, знакомых со швейным производством. «Ты-то будешь на фабрике, а я чем займусь?» — встревожился было Морис. Но вслух он своих сомнений не высказал, а тотчас же стал помогать собираться в дорогу. Потому что в конечном итоге жить он теперь согласен был где угодно, не имеет значения, была бы только рядом Сарра, любимая жена.

Морис Глик вышел из вагона в щеголеватой кепчонке, потертой кожаной курточке и легких полуботинках. А на перроне бушевал мороз в тридцать градусов, и злой ветер перекатывал колючую снеговую пыль.

— О, это тебе не Одесса! — только и хватило у него дыхания воскликнуть.

Прижав обеими руками к животу фанерный чемодан, он стремглав ринулся в дверь вокзала. Они потом долго смеялись с Саррой, пересказывали знакомым комичную сценку первого знакомства с Дальним Востоком.

В Биробиджане была уже к тому времени построена довольно крупная швейная фабрика. Швейницы, их тут было человек около восьмисот, приехали со всех концов страны. Сарра Глик вместе с другими женщинами зашла в отдел кадров, заполнила документы и могла завтра же приступить к работе.

Рядом с педагогическим училищем тогда высилось бревенчатое здание промартели с громким названием «Колесо Революции». Морис поступил было сюда токарем, но вскоре осмотрелся и решил закрепиться на реммехзаводе.

Было это в 1938 году. И, стало быть, он бессменно на одном месте тридцать три года. И Сарра все эти годы на своей швейной фабрике.

Тридцать три года... Целая жизнь. Вмещившая и радости и горести. Вмещившая страшную войну. Весною сорок первого года жена взяла отпуск и с только что родившимся

Эдиком поехала погостить к родственникам в Одессу. А тут война. Одессу бомбили. Морис Глик посылал на день по три остававшиеся без ответа телеграммы, и его больше всего изводила эта неизвестность. А дни бежали. И он ждал, ждал, уже почти потеряв всякую надежду. Дома без жены и сына нетопленная квартира выглядела ужасающе унылой, и его подмывало бежать куда угодно, только не оставаться в этих глухих бездушных стенах. Из цеха он уходил за полночь, благо это считалось в военную пору в порядке вещей, тем более, что фронтовая бригада Глика выполняла срочный заказ для Действующей Армии. Он шагал по затемненным улицам ночного города. К себе Морис возвращался под утро, вконец уставший, голодный, выпивал кружку кипятка и падал на кровать замертво.

Однажды, возвращаясь с работы, он заметил в квартире полосу света, пробившуюся сквозь одеяло, повешенное на окно в целях маскировки. И он бросился туда, еще не смея надеяться, с бешено стучавшим в груди сердцем, рванул на себя дверь и увидел жену, Эдика. Живых, невредимых. К горлу подкатил комок, и, не в силах вымолвить слово, он обхватил голову жены, прижал к груди и застыл так, постепенно утверждаясь в мысли, что все это не сон, а явь, что они снова вместе.

Сарра долго рассказывала о своих злоключениях, о том, что им удалось буквально из-под носа фашистов проскользнуть из осажденного города. Они были вместе, были счастливы, и в другое время, наверняка, поклялись бы никогда больше не расставаться. Но война продолжалась, и привязанность к семье, вполне понятное стремление к уюту, теплу своего очага, отступали на второй план перед чувством долга, солидарности к жестоким испытаниям, выпавшим всему народу, всей стране. И они порешили, что Сарра вернется на свою фабрику. А он, Морис Глик, завтра же подаст заявление в военкомат и уйдет на фронт добровольцем. Так он и поступил. Но ему отказали, поскольку без квалифицированного токаря на реммехзаводе трудно было. Но он писал снова и снова. Наконец пришла долгожданная повестка.

Новобранцев посадили в эшелон. Локомотив набирал уже полную грудь пара перед дальней дорогой, когда сопровождающий выкликнул вдруг его фамилию и велел, не медля ни минуты, покинуть теплушку, поскольку директор завода зво-

нил в Хабаровск и настоял на том, чтобы его, токаря Мориса Глика, оставили на заводе.

На реммехзаводе было девять коммунистов. В сорок четвертом стало десять. В тесной конторке заводоуправления на своем собрании девять человек постановили, что токарь-скоростник из ударной фронтовой бригады Морис Глик достоин состоять в партии большевиков.

Пройдет время, и ему доведется участвовать в работе десятков собраний, конференций, слетов. И все же до мельчайших подробностей ему запомнится именно то собрание, в сорок четвертом, в тесной, насквозь прокуренной конторке, где на грубо сколоченных скамейках примостились девять истомленных тяжелой работой, но твердых духом заводских коммунистов.

А в послевоенные годы разве убавилось у него, у Мориса Глика, энергии, душевного тепла? Первую послевоенную пятилетку он, помнится, выполнил в полтора года. Это выглядело невероятно, и плановики все пересчитывали. Нет, все верно — полтора года. Заметьте, он, Морис Глик, умеет ценить рабочую минуту. Не терпит он пустой суеты, бестолкового шатания по цеху в поисках то инструмента, то заготовки, то еще чего-либо. Нет, уж ты, будь добр, припожалуй в пех пораньше, все хорошенько приготовь, и тогда будет порядок. Чисто интуитивно постиг он то, что мы впоследствии назовем научной организацией труда. И кроме того, Морис всегда считался большим мастаком по части выдумки, творчества. Теперь разве припомнишь все вышедшие из-под его рук приспособления, их должно быть не меньше сотни, и на многие у Глика сохранились авторские свидетельства. Ну вот хотя бы на это, недавнее. Он изготовил фигурную пластину, на опоре которой можно ставить для расточки уже не одну, как предусмотрено технологией, а сразу несколько контактных пластин трансформаторных переключателей. Вроде бы просто, а производительность труда возросла втрое.

О Морисе Глике много писала газета «Биробиджанская звезда». Если все собрать, пожалуй, целая книга получилась бы. «Бригада знатного токаря реммехзавода Глика по-прежнему выполняет свои нормы на двести—триста процентов», — сообщила газета своим читателям в апреле 1947 года. А вскоре фамилия Глик вновь появилась на газетных страницах. Он бросил клич: «Рядом с тобой, передовик, не должно быть

отстающих». Его назначат мастером, и в смене не будет ни единого станочника, не справляющегося с заданием.

Его смене первой в механическом цехе присвоят звание коллектива коммунистического труда. И вокруг будут дивиться — откуда только в немногословном, с первого взгляда замкнутом человеке, этот неистощимый родник творчества, масштабность мышления, стремление к постоянному поиску и совершенству. И эта многогранность интересов. Он руководит творческой группой рационализаторов, состоит членом заводского комитета профсоюза, четверть века безупречно справляется с нелегкими обязанностями председателя городского народного суда.

Давно уже нет и в помине полукустарного реммехзавода. На его месте высятся монументальные корпуса завода силовых трансформаторов, рассылающего современные электроаппараты во все уголки нашей страны.

— Это ж день и ночь! — так по обыкновению лаконично отвечает Морис Глик, когда его просят сказать, насколько отличается нынешнее предприятие от прежнего.

И разве только один их завод? Довелось ему как-то заглянуть к жене на фабрику. Там тоже много чего построили. Лампы дневного света в цехах. Новое оборудование. Он тогда смог лишний раз убедиться, насколько почитаема его супруга у швейников.

Несколько лет назад жене выпала неожиданная радость. Ее включили в небольшую делегацию работников легкой промышленности, которой следовало посетить в порядке обмена опытом одесскую швейную фабрику имени Воровского. Тоненькой смешливой девчонкой она когда-то поступала сюда на работу. И вот теперь пожилая женщина шла по полузабытым местам, узнавая и не узнавая все вокруг.

— Ой, Клара!

— Саррочка, родная моя!

Вместе с нею ремеслу швей-мотористки тут обучались две сестрички — Клара и Лиза Коржановские.

— Клара, Клара... Все такая же красивая.

— Что ты, Саррочка! Я ведь уже бабушка. А у тебя как дела?

— Все хорошо. С Морисом, ты ведь его помнишь, у нас четверо детей. Два сына и две дочери. Взрослые. Внуки подрастают.

Эта неожиданная встреча с юностью глубоко растрогала ее и, вернувшись в Биробиджан, она все рассказала мужу. Морис слушал, понимающе покачивал седеющей головой. И вновь они вспомнили пережитое. Вспомнили, как Морис извелся, ожидая ее в сорок первом с сыном. И как она пробралась тогда из Одессы в Котовск и протиснулась в переполненный, идущий на восток поезд. И как она захворала в сорок втором после рождения Жанночки, и Морис бегал в поисках молока по городу, и они вместе кормили малышку. И как он однажды простоял больше суток у станка и, вконец обессилив, рухнул на каменный пол, и его принесли домой бледного, едва живого. И многое другое вспоминали они в тот вечер. И погрустили. И утешились, глядя на веселую возню в горнице внучат. Лорочка ушла куда-то и оставила своих двойняшек под присмотр родителей...

Заводские цехи заставлены только что сошедшими со сборки трансформаторами большой мощности. Вокруг все грохочет, перекачивается звоном металла. У нового человека здесь глаза невольно разбегаются. А Морис Глик словно ничего не замечает. Вот его сверлильный станок, тиски и грудa контактных пластин, которые ему следует до конца смены разметить, подточить напильником и сделать по два безупречно точных отверстия на каждой. В темно-зеленой своей рубашке, в фартуке, в нарукавниках и круглых защитных очках, он выглядывает на редкость буднично. Совсем по-домашнему спокойно его лицо.

— Морис Леонидович, вам после смены в партком следует зайти, — сообщает паренек из его бригады Володя Ольховой.

— Хорошо, Володя, зайду.

Секретарь парткома Вениамин Шамович Спивак ждал его. Выдвинув ящик стола, Спивак достал сложенный вдвое листок.

— Дельная мысль, товарищ Глик. Завершить пятилетку в четыре года, — как бы продолжил он начатый ранее разговор. — Мы, конечно, вас поддержим. Все продумано?

— Да, конечно. Что тут особенно мудрствовать? Каждый день давать по 120 процентов, и будет порядок. Можете не сомневаться, Вениамин Шамович, старый Глик не подведет.

И они засмеялись, весьма довольные друг другом.

А несколько дней спустя Спивак рассказал на пленуме обкома партии о начинании: «Пять в четыре!» Назвал инициатора почина — коммуниста Глика.

«Пятилетку в четыре года! Успешно претворим в жизнь решения XXIV съезда партии. Поддержим начинание коммуниста Глика!» Протянутый над цехом транспарант покачивается на легком ветру. А на линиях сборки трансформаторов, у токарных станков слова эти многократно повторены, и чеканные строки под ними называют рабочих, целые бригады, участки тех, кто отважился бросить вызов производственному календарю: рассчитанное на пять лет — свершить в четыре года...

— ...Награждается орденом Трудового Красного Знамени Глик Морис Леонидович.

Он на какое-то мгновение замешкался, все еще находясь в плену воспоминаний, и жена тронула его за руку.

— Иди, Морис, тебя назвали.

Депутат Верховного Совета произнес незабываемые слова и приколот орден чуточку правее юбилейной Ленинской медали.

Морис Леонидович возвращался на свое место, когда услышал:

— Глик Сарру Борисовну, мастера Биробиджанской текстильно-швейной фабрики наградить орденом Знак Почета...

Вокруг раздались аплодисменты, и радостные аплодисменты Мориса потонули среди них.

После вручения наград было объявлено, что состоится художественная часть. Сарра Борисовна весело спросила:

— Ну, что, дед?

За многие годы он научился понимать жену с полуслова. И теперь он знал, что обращение «дед» означало: «А не наведаться ли нам к Лорочке, не взглянуть ли на Жанну и Игорьку, по которым они уже успели соскучиться. А там и домой надо будет спешить, потому что с вечерней смены вернется Ленька, «мезинник»* и нужно подогреть к его приходу ужин.

* «Мезинник» — младший сын в семье (еврейское).

Они спустились по лестнице вниз, вышли на улицу. Морис Леонидович бережно взял жену под руку. Они медленно шагали по влажному после недавнего дождя асфальту. А вокруг, отражаясь тысячами огоньков в свежих дождевых лужицах, светился Биробиджан, неизъяснимо великолепный в эту вечернюю пору.

АЛЛА ФИШЕР

БРИГАДА СТРОИТЕЛЯ ДОЛЖИКОВА

На гребне

Должикову уже за сорок. У него широкая фигура, кажется, на первый взгляд, — он добродушный и не строгий. И лишь когда светлые глаза его начинают блестеть холодноватым блеском, а голос становится требовательным и суровым, чувствуешь, что вот тут-то и начинается настоящий Должиков...

Люди говорят о нем по-разному:

— За такого бригадира вот как держаться надо! — уверял меня Павел Моисеев, много лет работавший с ним бок о бок, а теперь ставший мастером. — Своих не обидит. Перед кем хочешь интересы бригады отстоит. Другие бригадиры еще только руками разводят: где достать стройматериалы? — а он уже все припас, всего добился. Побольше бы таких бригадиров!

Пришлось услышать и прямо противоположный отзыв.

— Это Должиков-то? Черт, а не человек! Ну что я ему сделал, что, скажите? Ну, выпил раз на работе... может, два, не помню. Так разве ж за это надо из бригады гнать?! А он — выгнал! Не нужны, говорит, бригаде алкоголики! А кто не пьет? Курица — и та пьет!

Добродушие и суровость, тяга к простым и искренним отношениям между людьми и непреклонность — такие, казалось бы, крайности очень характерны для Должикова. Он по-отечески добр к людям, в которых верит. И не скрывает неприязни к тем, кто в большом общем деле и добром человеческом энтузиазме видит лишь способ погреть руки за чужой счет, урвать себе лишний кусок.

Есть в характере бригадира и какая-то особая прочность, обстоятельность, которая притягивает к нему людей. Еще шесть лет назад, придя в теперешний свой коллектив — передвижную механизированную колонну № 53 треста «Биробиджанцелинстрой», когда колонна только создавалась, он сразу же утвердил за своей бригадой авторитет лучшей. И эту, однажды завоеванную позицию, удерживает бригада все шесть лет. Должиков и его товарищи всегда давали план — и в дни, когда дела колонны поднимались на гребень, и когда ее лихорадило и тщетными оказывались попытки выйти из прорыва. Так было всегда, и к этому в колонне привыкли, словно поверив, что иначе и быть не может. И многие даже не задумываются, чего это стоит бригаде — всегда быть «на гребне»...

Начало

Владимир Николаевич вспоминает порой, с чего она началась, слава его бригады, как зародилась эта всеобщая уверенность, что «должиковцы все могут». Пожалуй, начало этому было положено еще семь лет назад, после первого настоящего дела коллектива.

А было это так. Колонна делала только первые свои шаги, очень трудно было с кадрами. Недоставало строителей всех специальностей, а среди набранных в бригады немало было людей случайных. В эти-то трудные дни становления и пришел в новую организацию Владимир Должиков, высококвалифицированный плотник и столяр. Да не один, а во главе целой бригады, с которой он работал раньше на лесозаводе. Коллектив со сложившимися традициями был для вновь созданной колонны ценной находкой.

Не удивительно, что первое же сложное задание — строительство телятников в селе Венцелево — было поручено бригаде Должикова. Сложность эта состояла в том, что сооружать животноводческое помещение предстояло, как говорят строители, «от нуля до конька», то есть от фундамента до кровли.

Вообще-то в обязанности строителей передвижной мехколонны № 53 как субподрядной в то время организации входили лишь работы нулевого цикла. Но на этот раз, в виде

исключения, объект предстояло строить собственными силами. А ни одного монтажника или каменщика в бригаде Должикова в это время еще не было.

— Значит так, ребята, — обратился к товарищам бригадир, — если честно, то мы имеем право от этой работы и отказаться, потребовать работу по специальности — плотническую. Но ведь каменщиков-то и во всей колонне почти нет. Значит, кому-то все равно придется новому делу учиться и телятник этот строить. Так по совести я вам скажу: именно мы и должны за это дело взяться. Ведь в других бригадах сейчас люди еще только «притираются» друг к другу, а мы с вами уже который год вместе работаем. Так как же решим, ребята?

Бригада засела за учебники. Помогали специально выделенные инструкторы, прораб Николай Иванович Духовников. Постепенно переставали казаться необычными новые термины — балка, подушка, колонна, нулевой цикл.

Вскоре уже строили телятник. За качеством Владимир Николаевич следил неукоснительно. Знал: какая слава пойдет о бригаде с первых дней, такой она и останется на многие годы.

Руководители колонны даже не ожидали такого успеха: объект был сооружен всего за три месяца и сдан с оценкой «хорошо».

Вот тогда-то и стали впервые говорить о бригаде Должикова, что все ей под силу, что можно смело доверить ей самые трудные участки работы.

И доверяли. Сколько раз за эти семь лет коллектив получал задания не только ответственные, но и очень срочные; сколько раз ценой напряжения всех сил бригада в сложнейших условиях спасала план, выводила тем самым из прорыва всю колонну.

Летом прошлого года бригаде предстояло сооружение фундамента трех шестнадцатиквартирных домов в селе Унгун. Задача вначале казалась самой обычной: типовые проекты, привычные материалы. Однако начали копать землю под фундамент первого дома и — остановились. Скальный грунт оказался — не берет его экскаватор. Как тут быть?

А задание срочное: необходимо обеспечить фронт работ студенческому строительному отряду, который вот-вот должен был приехать в Унгун.

Строители приуныли. А Должиков посмотрел на них и говорит намеренно веселым тоном:

— Что носы повесили, орлы? А компрессор и отбойные молотки на что? Придется недельки на три переквалифицироваться на шахтеров — иного выхода нет. И работать придется весь световой день — иначе не успеем. Так кому отбойные молотки вручать? Есть добровольцы?

Вызвались двое — Александр Тимошенко и Серафим Бесенов. Отличные парни, коммунисты.

И пошло. «Добровольцы», налегая всем телом на вибрирующие в руках отбойные молотки, отвоевывали у твердой породы метр за метром. А вслед за ними вели монтаж остальные члены бригады. Порой после нескольких часов изнурительной работы Тимошенко с Бесеновым буквально валились с ног. Тогда их сменяли товарищи. Монтаж здания был выполнен за восемнадцать дней. А уж остальные два дома строили и вовсе ударными темпами. В результате общее задание было завершено даже раньше намеченного срока.

«Проверочка»

Когда в ПМК-53 или в тресте в очередной раз наступает время вновь говорить о бригаде Должикова (а это неизменно происходит накануне всенародных праздников, в дни завершения больших этапов работы), и коллективу в очередной раз присуждается Красное знамя или Почетная грамота, нередко говорят и о заслугах самого бригадира. Вспоминают про его незаурядные способности организатора и строителя. Недаром же именно у Должикова едва ли не наибольшее во всей колонне количество всевозможных поощрений, недаром же он — единственный в организации — награжден значком «Отличник социалистического соревнования Минсельстроя СССР».

А Должиков таких разговоров не любит. Он считает, что дело не в нем — в людях.

Так оно и есть, разумеется. Но все же есть у этого, сугубо рабочего человека, опытного практика, своя «теория» организации и воспитания людей в бригаде. Создавалась она постепенно, за многие годы.

Владимир Николаевич — не сторонник больших бригад.

он считает, что в них почти невозможно обеспечить всем постоянную занятость. А допустить, чтобы хоть один человек скучал в ожидании работы, нельзя: и для плана это плохо, и для заработка, а главное — расхолаживает весь коллектив. И контроль за качеством каждой из выполненных операций в крупном коллективе осуществлять труднее.

Все годы, что работает Должиков в колонне, он не берет в бригаду более шести-семи человек. Кроме названных причин он руководствуется при этом и чисто практическими соображениями: для шести монтажников достаточно одного крана и одного экскаватора. А на двенадцать человек нужно уже по два механизма. Но столько механизмов на один объект руководство колонны все равно не выделит.

Некоторые из шести человек бригады, например, Яков Колдобский и Серафим Бесенов работают с Должиковым давно. Но иногда люди уходят: вот не так давно покинул бригаду один из ветеранов — Павел Моисеев. После окончания школы мастеров на выдвижение пошел. Жаль, конечно, когда уходят люди. Но ничего не поделаешь.

И в бригаде появляются новички. Очень интересно наблюдать за Владимиром Николаевичем в такие моменты: ведь прием новых людей — тоже один из краеугольных камней его «педагогической системы». К новичку он присматривается очень ревниво: что нового придет вместе с ним в бригаду, примет ли он ее добрые традиции или попытается направить ее жизнь в новое русло? В какое? Это очень волнует Должикова.

Желающих пойти в эту бригаду всегда достаточно. Еще бы — и процент выработки здесь самый стабильный, и заработки самые высокие. Да и слава — тоже вещь немаловажная. В отдел кадров колонны нередко приходят строители с просьбой направить их к Должинову.

Сам попросился и Абрам Коган. В июне это было. Должиков, понятно, узнал о нем кое-что, прежде чем брать в бригаду. Данные вроде неплохие: второй разряд, опыт есть. В бригаде, правда, все по третьему и четвертому разрядам работают. «Но это ничего, — рассуждал Должиков, — если парень дельный — дотянем. Только прежде надо посмотреть, что за человек».

— Для начала гидроизоляцию будешь делать. На всех трех лазаревских домах. Справишься?

Пытливо вглядывается в новичка бригадир. «Не очень-то похож на монтажника. Невысок ростом, узкоплеч, очки... Посмотрим, посмотрим...»

Новый член бригады молча принимается за работу. Строители шутят:

— Ну вот, брат, проверочка началась...

А надо сказать, хлопотливое это дело — устройство гидроизоляции. Нагретым до 180 градусов битумом надо обмазать все фундаментные блоки. После такой работы приобретаешь сходство с шахтером или трубочистом. И требует это дело большого внимания.

Вовсе не случайно избрал бригадир именно эту операцию для испытания характера и умения новых членов бригады. Она дает возможность сразу увидеть, любит ли человек свою работу, или привлекла его к ней лишь жажда высоких заработков.

По этому поводу вспоминают в бригаде случай, когда вот такой же новичок, получив первое задание — устройство гидроизоляции, наотрез от него отказался.

— Так не хочешь? — спокойно спросил тогда Должиков. — И не надо, не ходи. Отдохни, устал ты очень. А завтра с утра, уж будь так добр, сходи в отдел кадров. В другую бригаду пусть тебя направят.

С Абрамом Коганом было не так. Уже по тому, как охотно брался он за любую работу, стараясь выполнить ее на совесть, в бригаде поняли: человек пришел к ним не случайный. «Проверка» закончилась. Новичок стал равноправным членом рабочего коллектива.

Авторитет

Строители — народ бывалый. Много ездят, многое видят. Приучаются ничего не брать на веру. Руководить такими нелегко, подчинить их своей воле нажимом — нечего и пытаться. Чтобы люди пошли за тобой, нужен авторитет. Такой, например, как у Владимира Николаевича Должикова.

Слово его в бригаде — закон. В чем истоки этого авторитета? Не в положении и не в возрасте, хоть и старше всех он в бригаде.

Во все времена мерилом ценности человека было у рабо-

чих людей мастерство. Рабочие невольно тянутся к людям умелым, смекалистым — таким, у которых дело в руках горит. А на Должикова, когда увлечен он любимым делом, стоит посмотреть: красиво работает! Каменщик, монтажник, плотник, столяр, трубоукладчик, бетонщик — в каждой из этих строительных специальностей он достиг мастерства. В случае необходимости заменяет и мастера участка, так как отлично владеет нивелиром и теодолитом, читает чертежи. Умея делать все, он первым берется за самые трудные и ответственные задания, увлекая своим примером других.

В этом — один из секретов авторитета Должикова. Но не только в этом. Рабочие видят в Должикове не только бригадира-руководителя, а прежде всего человека, заботливого, внимательного, интересного и многогранного.

Это он, когда бывают строители в командировках, старательно и ненавязчиво организует их досуг. К слову сказать, он и это делает не случайно, а из педагогических соображений: чем интереснее будет этот досуг, тем больше гарантий от нарушений трудовой дисциплины. Заезжая по делам в Биробиджан, он возвращается к бригаде с сумкой, туго набитой книгами из своей личной библиотеки. И тогда вагончик, где живут строители, превращается в читальный зал. А потом тишина сменяется ритмичным постукиванием фигур о доску — это признанный чемпион бригады по шахматам Должиков проводит встречи с менее опытным, но «перспективным» игроком Александром Тимошенко.

И вот из десятков таких неброских, порой незаметных штрихов вырастает то огромное единство мыслей, чувств и воли, создающее из отдельных, непохожих друг на друга людей один монолитный организм, имя которому — коллектив.

ВИКТОР ГОРЕЛОВ

У ИСТОКОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ МАГНИТКИ

1

Все находили в горах Малого Хингана: вулканический туф и золото, яшму и корунд, уголь и цветной мрамор, железную руду. Считалось только, что ее здесь немного, и залежи промышленного интереса не представляют. Потом было обнаружено Кимканское месторождение. Исследовав его, геологи насчитали двести миллионов тонн руды. Но и этого было мало, чтобы всерьез задумываться над разработкой месторождения. И только в начале шестидесятых годов, когда был обследован бассейн небольшой речушки Костеньги, где сразу под верхним слоем грунта открылось мощное рудное тело, вопрос встал по-другому.

Коллективу Дальневосточного территориального геологического управления было предложено начать детальную разведку с тем, чтобы решить: быть или не быть на Дальнем Востоке своей металлургии. Геологи не только изучили Костеньгинское месторождение, но всего в двадцати километрах от него открыли новую огромную залежь, названную Сутарской.

Разведку обоих месторождений ведет коллектив Хинганской экспедиции. Геологи живут в поселках Костеньга и Сотниковский, которых пока нет даже на мелкомасштабных географических картах.

2

Горный перевал перед Костеньгой такой, что последние сто метров любая машина идет на низкой передаче. Дорогу окружают громадные лиственницы и ели. В тайге сумрачно, хотя стоит яркий полдень. И тихо, до звона в ушах. Добыч-

ливые места, говорят о здешних урочищах охотники. Наверное так, если то и дело встречаются следы косуль и изюбрей. Зверь держится у самого поселка, сжившись с гулом моторов, беспокойным поведением человека.

На вершине перевала тайга неожиданно обрывается и сразу переходит в длинную улицу, протянувшуюся по отлогому западному склону. Дома здесь добротные, рубленные из звонкой лиственницы, в замок, по-сибирски. Почти в центре поселка высится тренога буровой вышки, тянется вверх мачта — антенна радиостанции. У домов бродят рослые, добродушные собаки, тычутся носами в ладони — знакомятся. В глазах у них истома. Они скушают по своему труду — охоте. Это звери. Когда доходит дело до драки с медведем или свирепым секачом, собаки безрассудно отважны.

Навстречу мне идут двое людей. Узнаю старых знакомых: парторг экспедиции Глеб Евстафьевич Колесников, геолог Арнольд Давыдович Непомнящих.

— Пресса не забывает нас, — сверкает Арнольд белозубой улыбкой и подает широкую ладонь. — Что, хороши? — хлопает он по загривку одну из рослых собак.

Поговорили о том, о сем.

— Сворачиваем дела, — говорит Колесников. — Теперь вся работа в Сотниковском. А Костеньга, что ж, ей скоро придется выполнить роль заколоченного дома — весь народ переберется в Сотниковский, здесь оставим две вышки...

Да, просуществовав четыре года, поселок закрывается. На время, конечно. Исследуют геологи весь рудный район, составят подробные карты месторождения, передадут их добытчикам руды, а сами уедут куда-нибудь в глушь, обживать новые места. А поселок потом еще пригодится. Как знать, может, со временем Костеньга станет центром если не города, то уж рудника — наверняка.

— На этом участке экспедиция свою задачу выполнила, — рассказывает Колесников, — сдаем «кусочек». В смысле добычи месторождение легкое — руда лежит почти на поверхности, брать можно карьерным способом.

— Егорова я смогу увидеть? — спрашиваю у своих собеседников.

— Вчера уехал в Хабаровск, утрясает кое-какие дела в управлении.

Егоров — главный геолог экспедиции. Где только не по-

бывал этот человек, начав работать в партиях еще в ранней юности. Он отлично знает историю геологии Дальнего Востока. И, как говорят про него костеньгинцы, «чувствует» руду. Геолог Егоров — человек творческий. На Костеньге, например, разработал новый способ разведки рудных тел, который намного раньше срока дал возможность исследовать месторождение; сэкономлено при этом миллион рублей государственных средств.

Творческую мысль службы главного геолога, геодезистов, каротажников, гидрогеологов воплотили в конкретные дела буровые мастера, канавщики, взрывники. С первыми отрядами, тогда еще по дикому бездорожью, пришли на Костеньгу вместе с Егоровым Павел Редькин, Михаил Базиков, Александр Орлов, Константин Радчук, Павел Ершов, Анатолий Ефимов. Геологи строили дороги, рубили жилые дома, ставили буровые вышки, просверливая скважинами рудные тела, пробивали в монолите шахты. Всякое бывало. Кормили комарье, недосыпали, получали газеты недельной давности. В кино те, что помоложе, ходили напрямик через тайгу, в Теплые Ключи. Это двадцать километров. Вечерами, как в клуб, собирались семейные в здании радиостанции послушать по «Спидоле» радиста новости из большого мира. Пять лет назад, когда мне довелось побывать в Костеньге впервые, то добрались мы туда на вездеходе через сутки. А ведь и пути-то от Известковой пятьдесят километров. Но после ливней так развезло колесуху — старую дорогу, что машина вязла в грязи по самые борта. Реки Сутара и Томаки выплеснулись из берегов, залили топи, и нам стоило большого труда вызвать технику из таежного плена.

Все это давно позади. Через тайгу на Костеньгу пробита широкая трасса — катись хоть на «Волге». Ходит автобус, «вахтовка» — крытый «ЗИЛ». Газеты в поселке сегодняшние, самые свежие. В клубе стационарная киноаппаратура, школа есть, библиотека — все как полагается, чтобы не чувствовать себя далекими, отрезанными от мира.

3

Такую марь, как Сутарская, редко встретишь даже на Дальнем Востоке. Заключение в ожерелье сопок, она тянется на десятки километров. Из снега торчит густая щетина

голубичника, пробивается бурая осока, высятся неприхотливые лиственницы. На них сидят неподвижно табунки тетеревов-косачей, провожают машину взглядами круглых глаз, в розовых обводах. Технику они не боятся. Да и человека тоже. На мари косачи кормятся брусникой, поедают ссохшуюся ягоду голубику, собирают семена, занесенные из тайги ветром и раскатанные по гладкому насту. Через марь из Костеньги на Сотниковский проходит зимник. Летняя дорога пробита по горам, в обход, и сейчас ею не пользуются.

Через двадцать километров редколесье кончается, и на пути всех ветров стоит Сотниковский. Центральная улица уже застроена домами, а крайняя пока состоит из вагончиков и нескольких больших палаток. Стучат плотницкие топоры, пахнет свежей смолистой стружкой — поселок строится, он весь в срубках.

Но уже, как во всяком населенном пункте, здесь есть административный центр — управление экспедицией, торговый — магазин и столовая, культурный — библиотека и клуб, связи — почтовое отделение. Школы пока нет — ребятишки живут в интернатах Известкового и Облучья, но скоро будет построена и школа.

Сегодня в Сотниковском около двухсот жителей. Скоро, когда сюда переселятся костеньгинцы, число их удвоится. Кое-кого из переселенцев я уже встретил здесь, и первым — Михаила Базикова. Он старший мастер буровых работ, возглавляет коллективы двух вышек. Участок Базикова передовой, дела идут неплохо, и буровики считают, что выданное им рудное тело будет разведано месяца на два раньше срока.

На месторождении действуют семь буровых. Все они неподалеку от поселка, а одна прямо среди домов. На той, что числится под номером три, работает сегодня старожил Сотниковского Михаил Хлопотников. В тепляке, хотя потолок его зияет широким квадратом света — из крыши торчит буровой снаряд, — плюсовая температура. Михаил в одном пиджаке. Буровая колонка вращается в узком отверстии скважины, а где-то на огромной глубине грызет монолит алмазный наконечник. Пробы Михаил берет через каждые полметра, складывает их в специальный ящик.

Садимся закурить.

Мастер вытирает вспотевший лоб. Улыбается.

— Ну и скважина! Чем глубже, тем труднее идти. Да и то сказать: под ногами не что-нибудь, а железо.

Подкидывает на ладони «колбаску» пробы. Хотя она внешне и напоминает гранит, но увесиста, как гиря.

— Здесь металла процентов шестьдесят. К магниту прилипает. Есть смысл открывать промышленную разработку...

Потом в управлении мне рассказали, что на некоторых участках пробы наполовину состоят из металла. А в целом по месторождению процент содержания железа в руде достигает именно того уровня, что нужен для промышленной разработки. Смысл открывать здесь рудники, конечно, есть. Вместе с Кимканским и Гаринским участками аномалия «весит» больше миллиарда тонн! Но и это не все, как считают геологи. Малый Хинган открыл пока людям далеко не все свои тайны. Разве предполагал кто-нибудь еще недавно, что неподалеку от Сутары, на Карадубе, таится уникальное месторождение «лунного камня» — брусита. Или взять уголь, найденный здесь, магнезитовые плато. Не случайно геологи зовут Малохинганский хребет младшим братом Урала.

Все это богатство, открытое контурно геологами, «щупают» своими снарядами буровики. От них часто зависит будущее месторождения, его точные координаты, сроки исследования. На Сотниковском буровым мастерам об этом лишний раз напоминать не надо. Михаил Хлопотников и его товарищи — асы бурения. Николай Федотов, Константин Булгатов, Александр Орлов, Михаил Калинов, Николай Шевченко стараются всячески ускорить проходку скважин. Это они внедрили новинку: ставить буровые не под тремя опорами, а под четырьмя. Теперь, меняя место проходки, вышку можно не разбирать, а сразу в комплексе перевозить на новую скважину. За счет этого экономится в среднем на каждой передислокации по десять—двенадцать драгоценных часов. Частично и поэтому коллективы вышек досрочно обурили на Сотниковском первые двести миллионов тонн руды. Главное же, что явилось причиной успеха, так это высокое мастерство проходчиков. В геологии они по призванию, не мыслят себя без этой полюбившейся на всю жизнь интересной работы.

Контуры Сутарской залежи уже нанесены геофизиками на специальную карту. В двух местах рудное тело пересекает река Сутара.

— Придется отводить русло в сторону, — говорит по это-

му поводу геолог Геннадий Александрович Исаков. Не оставлять же на дне такой клад. Да и вообще, исследованию подземных и поверхностных вод у нас придается большое значение. На месторождении работает группа гидрогеологов. Они изучают характер грунтовых вод, их мощность. Дело кропотливое, трудное. Однако гидрогеологи справляются с ним успешно. Не думаю, что на руднике могут быть в будущем какие-то осложнения. Ребята опишут все источники, и карьеры будут построены с учетом их поведения. Часть подземных ключей намечается вывести в Сутару.

* * *

Намеченная партией программа освоения природных богатств Дальнего Востока успешно выполняется. Как и планировалось, коллектив Хинганской экспедиции сумел исследовать мощное месторождение железной руды в районе Костеньга—Сутара, где возьмет свое начало Дальневосточная Магнитка. Именно так и будет. На XXIV съезде партии развитию производительных сил на Дальнем Востоке было уделено особое внимание. Геологи Костеньги и Сотниковского осознают, какое важнейшее для страны дело доверено им, и планы партии они успешно воплощают в жизнь. Пройдет немного времени, и наша страна получит дальневосточный металл. Щедрая земля отдает людям свои клады за их благородный труд.

*Известковый —
Костеньга — Сотниковский.*

ТЕБЕ МОЯ ПЕСНЯ,
РОДИНА

Ты моя родина моя,
По широте души
А не по широте
Из долины до долины
Моя родина,
Моя родина,
Просторная, широкая, добрая,
Самая красивая земля
В мире
И море, и небо —
Вместе моя родина,
Моя родина,
Вместе моя родина,
И небо, и море,
И земля, и небо,
— Это ты,
Возрастая из года в год
Из года в год,
И земля, и море,
Моя родина моя

ЭММАНУИЛ КАЗАКЕВИЧ

ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ Я СЧАСТЛИВ

Я, коня не седлая,
Взлетел на него.
И шарахнулись в стороны
Синие тени.
Я наметом лечу
Среди сказочных гор
По обильному августу
В рыжем цветении.
От Биры до Хингана,
Коня горяча,
Мимо пасек,
Пропавших медвяным настоем,
Сквозь смолистые запахи
Кедрача
Я лечу. И я вижу —
Земля моя строит.
Мне навстречу
Выходят мои земляки.
Я приветствую их,
Поздравляя с успехом...
— О-го-го!
Возвращается из-за реки
Их ответ многократным
раскатистым эхом.
И девчата с полей
Мне помашут вослед.
Тракторист улыбнется
Приветливо, щедро.
Я люблю свою землю!

Я выхожу на площадь,
 как в поля,
Июльской ночью, пахнувшей укропом.
А подо мной вращается Земля,
Наматывая,
 будто нитки, тропы.
В такую ночь хожу я и смотрю
На край,
 что мнился мне таким далеким.
И предо мной встают, как на смотру,
Его хребты,
 поля,
 разливы, релки...
Меня облепит колдовская тьма.
А купол неба в дырах,
 будто сито.
И сознаю я сам:
 О, как я мал
Пред тем, что не забыто,
 не избыто.
Пахнет в лицо мне запахом
 жилья
И свежим хлебом,
 на поду печеным.
И заблужусь в ночном
 сияньи я,
Приду к речной воде,
 густой и черной.
По утреннему городу спешу
К столу редакционному
 простому.
За ним совсем немного лет
 пишу
О тех, кто этот город
 нынче строит.
Вот обогнал я одного
 из них
И на ходу взглянул
 в лицо пытливо.
Так — человек. Приподнят воротник.

Улыбка — белозубейшее диво.

Я тороплив.

Мне многое увидеть,

Мне многое запомнить

суждено.

Вот новый дом

встает,

как в сказке витязь.

Вон вальс плывет

в открытое окно.

От радостных улыбок

в мире тесно,

Легли дороги,

в дальний путь маня...

Проходят люди,

и не слышат

песни,

Что родились под сердцем у меня.

2

Он был одним

из лучших

зданий города,

Сарай, что выводил

под крышу я.

Он на тайгу глядел

светло и гордо,

По ветру спелым

кумачом звеня.

Шел Первомай.

Я шпалы просмоленные

Пустил на мостик,

что к сараю вел.

По ним

шагали первые влюбленные

За речку,

где багул

лиловый цвел.

Они ломали

на букеты ветки

3

Перрон Биробиджанского вокзала!
Взошла твоя счастливая звезда.
Ни водокачки,
ни большого зала
Тут не было.
Но были поезда.
Сердито отдуваясь,
привозили
Они народ со всех
концов России.
Вот едут Туняядовка и Шпола,
Вот Витебск, Минск,
Одесса и Лугин.
И на вокзале
тяжко
стонут шпалы,

Висят гудки,
 протяжны и туги.
Тут матери качают
 ребятишек,
Там двое в споре
 яростном сошлись.
В теплушках, на подножках
 и на крышах
В наш край таежный приезжала жизнь,
С веселыми и грустными глазами,
С плечами просто
 и в сажень плечо.
И был перрон толпой густою
 залит,
Тут пели
 и рыдали горячо.
И лошадей
 по сходням выводили,
И выносили сундуки с добром...
И стар и млад —
 как молоды мы были!
Нам в шевелюры город серебром
Еще не лег тогда.
 Нам всяко будет:
В палатках надрожимся
 под дождем...
Но никогда, наверно,
 не забудем
Вокзал.
Наш первый в этом крае дом...
Уже звенят над городом антенны,
Дрожит над клубом алая звезда.
Я каждый вечер,
 каждый, непременно,
Хожу встречать ночные поезда!

4

Привыкли к взлету
 третьих этажей,
На тротуар не смотрим,
 как на диво.

И скептики порастеряли
 желчь,
А город стал приветливо
 красивым.
Привыкли к телефонам
 и к тому,
Что на работу не идём,
 а едем.
И в скверах «Штерн»,
 а вовсе не талмуд
Читают старики.
 Привыкли к детям,
Что целый день
 с настырностью грачат
На улицах кричат.
 Привыкли к свету,
Что вспыхивает в окнах по ночам
И озаряет заревом планету.
К людской толпе
 у театральных касс,
К домам,
 встающим из болотной ряски...
Могло ли быть без вас,
 без них,
 без нас
Такое воплощенье старой сказки?
А город все растёт.
 Ещё вчера
Всех жителей я кликал поименно.
И скверы обходил по вечерам,
Чтоб не спугнуть нечаянно влюбленных
Вчера я знал
 кому чем досадить,
И чем могу
 обрадовать другого...
А нынче столько незнакомых
 лиц,
Что я уже теряюсь,
 право слово.

О чём мечтали
 мы в крутой мороз,

Вбивая в хлябь болота
сваи гати,
Сегодня в нашем городе сбылось,
И счастливы с тобою мы, приятель!

5

Улыбку моего отца я вижу
В лучах рассветных
над седой Бирой.
И город мой становится
мне ближе.
Он как отец мой — добрый и родной.
О, где мне взять
ту силу

и ту ласку,

Ту правду,
что улыбкой он дарил.
Кончаются немыслимые сказки
У дорогих и горестных могил.
По улицам,
как гулким коридором,
Плывет фрегатом
алый этот гроб.
По улицам,
по улицам,
которым

Он отдал все.

Остыл высокий лоб.

И я один.

И лишь улыбка светит,
Его улыбка светит сквозь года.
Город, просыпаясь на рассвете,
Встречает голубые поезда.
И песня из моей

груди наружу,

Как кровь из раны,

начинает бить.

И сад отцовский

расцветает в стужу,

И клоч зари,

как знамя новых битв.

Встает рассвет
над синью
дальних сопок,
Колышет горизонт трава лучей.
Как в сине небо
серпокрылый сокол
Вдруг грянет песня —
лучше и звончей
Той,
что писал я,
что носил —
под сердцем,
С которой сто
путей-дорог прошел.
Рассвет кричит: «Эммануил, вос эрт зих?»*
И я в ответ бросаю: «Хорошо!»
А он встает
в неровном свете буден,
Наш новый день,
прорвавшийся из тьмы.
Над всем, что было,
и над всем, что будет,
Над городом, который строим мы!
Над нашей верой
в светлые дороги,
Которым нету края и конца.
Идет рассвет, помедлив
на пороге
При входе в город
моего отца!

г. Биробиджан, 1936 г.

ТАЙГА

Слово имеет гражданка Тайга:
— Ах, как прекрасна я и строга.
Тропинки-морщинки разглажу,

* Вос эрт зих? — как жизнь? (еврейское).

Подрумянюсь зарей чуток,
В зеленые кудри свои прилажу
Багульника яркий цветок.
Моют мне горные реки ноги,
Ветры причесывают меня.
Слышишь — медведь поднялся
из берлоги.

И если чего я боюсь,
то огня.

В травы мои лунно-спелого цвета
Еще не брошено ни одно кольцо...
В озера, полные синего света,
Еще не гляделось ничье лицо.
Только белки сидят на плешивых
сучьях,

Осыпая вниз скорлупу орех,
Да сороки сорок сороков пересудов
Разносят на хвостах стоголосым
эхом.

Олени к ключам спускаются пить,
Да ухает в чаше вещей шур...
А тех, кто хочет меня покорить,

Я не пушу,
Я не прощу,
Не пу-шу!

Люди хребет мне сломать хотели,
Но я чутка, я сплю, как разбойник.
Я ошетилюсь иглами елей.
Я завалю буреломом дороги...
Так-то лучше, так-то спокойней,
Уходи, Человек, и меня не трогай.
Золота много и серебра хватает
На многие-многие сотни лет.
В черном, расшитом ночами халате
Я утоплю, затеряю твой след.

Прочь, Человек!
Уходи поздорову.
Слышишь, башку уноси подобру...
Тебя разгоню я тигриным ревом,
К злату тебя не пушу, к серебру

Не подпущу.

Не прощу.

Хоть с пращами,

хоть с топором

Подступайся ко мне.

Спой напоследок песню прощанья,

Последний свой час живешь на земле.

Ох, топоры, топоры тароваты

Затараторили до поры...

Чем же, ну чем же я виновата?

Зачем вам тут землю надо рыть?

Пропасти в скалах, разверзнетесь,

Кручи —

вздымайтесь.

Я их не пушу!

В самый последний момент

я лучше

Ветры свои на людей спущу.

Вейте же, ветры,

гибкие ветви,

Бейте людей.

Верьте мне, верьте,

Плакучие вербы,

Будет еще у нас радостный день...

В голос кричу:

Я не хочу!

Я не прощу!

Я не пушу!

.

Тише, гражданка. Умолкните. Ша!

Что-то у вас задрожала душа.

Не из пугливых мы, чтобы вы знали.

Видите это красное знамя?

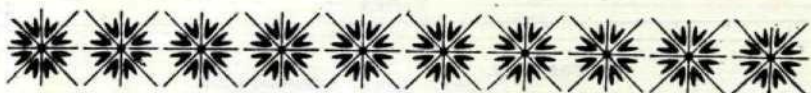
Что это значит?

Ах, что это значит?

Значит, что жизнь здесь пойдет иначе.

Значит, что мы тут не на пятилетье,

А до конца всех чащоб на свете.

РОМАН ШОЙХЕТ

СТУЖА

Рассказ

На стрелках уже громыхал окутанный паром и инеем поезд, следовавший из Николаева на Харьков, когда Залман Бобринер, худощавый и уже немолодой колонист из Берловки, остановил свою пароконку в затишке, у тыльной стороны водокачки.

Захлестнув ременные вожжи на старой акации, одиноко застывшей на крепчавшем морозе, Залман по привычке оглядел водокачку, обшарпанную еще со времен гражданской войны, со множеством фанерок вместо стеклин, и сожалеюще вздохнул. Затем отстегнул по одной постромке, распустил супони на хомутах, достал со дна бестарки припасенную охалпку сена, кинул ее лошадям. С минуту полюбовался своими рысаками, жадно потянувшимися к сену заннделевыми губами, потом накрыл их спины лиялым рядном, давно утратившим свой первоначальный цвет, и, на ходу отряхиваясь от трухи, прилипшей к штанам и самодельным буркам, направился к перрону.

Поезд уже остановился, паровоз устало дышал, отдуваясь тоненькими струйками, а по осклизлым подножкам вагонов осторожно, держась за поручни, сходили немногочисленные пассажиры. На перроне, подхваченные стужей, они, кутаясь в воротники, башлыки и шали, торопливо разбрелись в разные стороны.

Залман тоже мерз. Поеживаясь, пряча лицо от студеного ветра, бешеными порывами налетавшего из степи, он топтался на перроне и тоскливым взглядом провожал почти каждого пассажира. «Хорошо бы все-таки подцепить кого-нибудь, — думал он, — а то действительно получается так, как Брайна моя говорит: «Бросил бы ты свои гешефты, Залмену, и сидел

бы лучше дома. Потому что все твои заработки все равно стоят чуть-чуть дороже выведенного яйца».

Ну, Брайна, положим, женщина и, как все они, хотела бы держать мужа возле подола. Что с нее возьмешь? Ей бы, конечно, хотелось, чтобы карбованцы сыпались как манна небесная. Я бы тоже был не против, но что поделаешь, если эти проклятые червонцы бегут от меня, как собака от хорошей палки. Вот и сегодня, видимо, придется ехать назад порожняком. Что-то не видно никаких клиентов. Ну и в самом деле, откуда им быть? Какой еще дурень захочет явиться в нашу Берловку именно сегодня, когда на улице такой собачий холод? Только из-за того, что какому-то Залману Бобринеру надо заработать пару рублей? Пхе! Таких дураков нет... Но стоп, стоп, Залман. Не падай сильно духом. Кажется, нам с тобой еще повезет, и вечером мы-таки утрем нос нашей умнице Брайне. По-моему, если я не ошибаюсь, конечно, вон те два красавца идут не в вокзал, а прямехонько к нашей телеге. Но...

И Залман, как бы играя с самим собою, отвернулся в сторону. «Вот если они не исчезнут, пока я буду курить, — загадал он, — тогда можно считать, что они мои. Но, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить».

Негнушмиися от холода пальцами он кое-как свернул сигарку и, прикрываясь от ветра, с трудом прикурил. И в это время на слегка сгорбившуюся спину Залмана опустилась чья-то рука. От неожиданности Залман вздрогнул, обернулся и, увидев человека, недовольно поморщился. А рядом из заиндевелых витушек поднятого воротника полушубка на него улыбочиво щурились глаза Терентия Шибко, станционного милиционера, бывшего балтийца. Упругие, нахолодавшие щеки Терентия горели вишневым полымем, твердо очерченные губы расплылись в улыбке, и вообще весь он, коренастый и плотный, исходил здоровьем.

«От же холера, а не матрос, — глядя на улыбочивого Терентия, чертыхнулся в душе Залман. — Вечно он появляется не ко времени. Ей-богу, не быть мне здоровым, если он сейчас не начнет читать свои молитвы».

И действительно. Вроде бы и дружески, шутя обнимая плечи Бобринера, Терентий слегка простуженным голосом принялся выговаривать:

— Ну что, балабус, опять припожаловал? Ох, бачу, и лю-

бишь же ты, Бобринер, гроши. Ну на шо они тебе, га? Чи у тебя хлеба нема, чи, может, дети твои сидят голодные, или ты голый та босый? Ну шо тебе в тех деньгах проклятых, шо ты за ними все гонишься? А може, ты в куркули метишь, га? Скажи, не стесняйся. Молчишь? Удивляюсь, как мы досе не признали тебя.

Сощуренные глаза Терентия от тихого гнева еще больше сузились и теперь на Залмана уставились острые, как лезвия, шелки. Слово «мы» для Терентия не просто местоимение. В его понятии «мы» — это дело, за которое отдан добрый кус тяжелой жизни, это бойцы партизанского отряда, незримо существующего в его душе и поныне. И обидно Терентию и горько видеть, как Залман Бобринер, бывший красный боец их отряда, как барахольщик, вильнул в сторону, сбивается на чужую, кулачью стежку. Так думал Терентий Шибко, но он не знал до тонкостей теперешнюю жизнь своего односума; кроме как на станции, он Бобринера нигде не видал, разумеется, не знал его заветной мечты.

А мечта, между прочим, у Залмана была не какая-то возвышенная, особая. Это была обыкновенная крестьянская мечта. Ему очень хотелось иметь в своем хозяйстве пару крепких рабочих быков, без которых тяжело обходиться с землей, даже если в конюшне и стоят лошади. Уж если быть хозяином, то настоящим. За четыре года, прошедшие с того момента, как Залман вернулся с гражданской, он многое успел сделать в своем хозяйстве. Как говорится, прочно стал на ноги. И пару лошадей купил, и коровенку привел во двор, чем сразу отвязался не так от голодных детей, как от докучливых приставаний Брайны. И хату Залман покрыл новым чаканом, и инвентарь кое-какой приобрел, и хлеб насущный появился в сусеках. Правда, ему, красному бойцу, неплохо помог волостной комитет бедноты, но разве же и он мало поработал? Много, очень много погнули горб и он, и Брайна, и даже малолетки-дети, прежде чем из хаты мало-мальски исчезла проклятая нищета. Но до быков он так еще и не дотянулся. В их черноземной полосе воли — основная пахотная сила и стоят очень больших денег. А денег не было, и поэтому Залман искал любой приработок, особенно зимой, когда с хозяйством Брайна день-другой могла и одна справиться. Он подражался возить товары для лавки, старался на обратном пути прихватить со станции пассажиров, если они случались. Но,

боже, как мало люди ездят в Берловку! И как они не знают, что Бобринеру позарез нужны деньги. Вот и Терентий Шибко, старый друг, казалось бы, однополчанин, а тоже находится в полном неведении. Терентий считает Залмана хапугой, жилой. А какой он хапуга?

Бобринер в сердцах сплевывает изжеванный окурок, высвобождается из рук Терентия и молча уходит по перрону.

— Залман! — кричит Терентий, но ветер, подхватив слово, дробит его на кусочки. — Залман, погоди! — повторяет он и, грузно переваливаясь, догоняет Бобринера. — Шо, обиделся? Чи, может, я неправду сказал? А мне за тебя не обидно? Вечно гоняешься за каждым нэпманом! А тут, видишь ли, скоротился. Тоже мне, барышня!

— Терентий! — Залман резко оборачивается и в упор глядит на милиционера. — Терентий! Как ты можешь? Нет, погоди, как ты можешь так думать? Ты шо, у меня в хате был когда или ты, может быть, видел, как я живу? Шо ты мелешь? Какой я тебе куркуль? Только из-за того, шо мне нужны волю? Или, может, ты думаешь, шо нацепил свой наган, так я не могу заехать по твоей симпатичной физиономии? Я еще, слава богу, тоже партизан.

Ветер толчками бьет Залмана в грудь, забивает дыхание, жмет слезы из расширенных глаз. Залману тяжело говорить, но он кричит, тербит рукав Терентия, толкает его, дает выход скопившейся обиде. Терентий сперва молчит, пыхтит, увертывается, но потом взрывается смехом. Он гулко хохочет и обнимает, трясет Залмана. Таким ершистым Бобринер очень нравится ему: значит, проняло все-таки его, значит, совесть партизанская жива у колониста.

Но как-то внезапно руки Терентия замирают на плечах Бобринера, смех его тоже гаснет и уносится ветром. Залман не понимает, что случилось, он поднимает голову и опять вместо улыбчивых глаз Терентия видит узкие щелки, скошенные куда-то в сторону.

— Шо такое, Терентий?

— Погодь, Залман, не гуди. Бачь, шо-то стряслось.

— Где? Што ты видишь?

Не отвечая, Шибко легонько отстраняет Залмана и широко шагает к вокзалу. Однако пройдя не больше десятка шагов, он нетерпеливо срывается на рысь. Не понимая еще что к чему, Залман заспешил следом.

— Мыкола, — сквозь подвывание ветра слышит он голос Терентия, убежавшего уже достаточно далеко. — Шо стряслось, Мыкола?

У вокзала, у небольшой двери служебного входа, Залман нагнал Терентия. Тяжело отдуваясь, тот стоял возле парня, прижавшегося спиной к нахолодавшим кирпичам стены. Кудлатая голова парня низко поникла на грудь, из широких рукавов сатиновой косоворотки безжизненно свисали худые, в синих прожилках, кисти рук. Залман догадывается, конечно, что парень этот — железнодорожный служащий — видит, что тот немного не в себе, но не понимает, как это можно в такую стужу стоять раздетым на улице и отчего так всполошился Терентий.

А Шибко меж тем дотрагивается рукой до плеча парня и нетерпеливо спрашивает:

— Мыкола, та скажешь ты, наконец, шо такое, чи не?

Парень подымает голову, и Залман замечает, что в юном скуластом лице его нет ни кровинки, что оно посинело и цветом едва ли отлично от косоворотки, что большие серые глаза заплыли слезой. Какое-то время парень бессмысленно смотрит на Терентия так, словно только сейчас увидел его впервые, но затем, осмыслив, видимо, узнает и что-то шепчет. Какое-то слово, еле протиснувшись сквозь зубы, сползает с помертвевших губ. Залман не улавливает сказанного, но Терентий стоит ближе, и то ли слышит его, то ли догадывается. Схватив парня за грудь так, что косоворотка натужно трещит, Терентий сам переходит на шепот:

— Ты шо такое сказав, га? Ты шо про Ленина балакаешь, гнида, вражина!

— Умер, дядя Терентий. Умер он...

— Да ты в своем ли разуме, хлопче? Кто сказав такую провокацию?

Мыкола долго не отвечает. Потом он шевелит руками, из которых тоже, казалось бы, ушла вся жизнь, чуть приподымает их, и тогда и Терентий и Залман замечают, что между сжатых пальцев его трепыхается изорванными концами узкая телеграфная ленточка. Терентий вырывает ее из рук хлопца и подносит к самым глазам. Поднимаясь на носки бурок, Залман тянется через плечо Терентия взглянуть на белую бумажку, таящую в себе такую недобрую весть, что вряд ли во всем свете найдешь что-то хуже нее. Но читать Залман не

может, черные буковки ни о чем ему не говорят, и он опускается, неторопливо пыхтя. А Терентий, расставив широко ноги, как назло, молчит. Очень долго читает Терентий, может, уже в десятый раз, и все молчит, молчит. Видно, нелегко ему, старому балтийцу, поверить в такое. И Залману тоже. А кому, скажите, легко?

Так и не дождавшись слова от Терентия, Залман медленно, будто внезапно ослепший, бредет к своей телеге. «Как же так, — думает он. — Как же такое могли допустить? Неужели во всей огромной Москве не нашлось хорошего доктора, чтоб вылечил его?»

...В Ясинске коротко расстояние между вокзалом и водокачкой, где стоит телега Залмана Бобринера, всего каких-то сотня-другая шагов по чахлому оголенному скверу, но и их в достатке хватило пожилому колонисту, чтоб до конца осознать непоправимое горе, так негаданно свалившееся на головы людей, таких, как он; хватило его и на то, чтоб заново перебрать и всю свою несложную жизнь. Ведь кем был Залман при царском режиме? Бедняком из бедняков, если не брать, конечно, во внимание его жену и шестерых детей. Тут он был бы богачом и даже в колонии мог кое с кем потягаться. А в остальном?

Как с голого двора ушел Залман на германскую войну, так такой же обшарпанный и вернулся из австрийского плена. Он искренне удивлялся еще, как Брайна, его ворчливая и все же золотая жена, ухитрилась прокормить и сохранить всех детей. И ему, слава богу, хорошо известно, куда бы он в конце концов пришел с такой жизнью, если бы не революция, не декрет Ленина, сделавшего его хозяином надела земли и кое-какой живности. Только благодаря ему, Ленину то есть, дети Залмана Бобринера, эти изголодавшиеся птахи, могут сейчас не только вдоволь есть хлеб и прикрыть не очень еще шикарными тряпками тела, но даже ходить в школу. И разве так только у него, Залмана? Ого-го, сколько людей увидели свет божий только благодаря ему.

И вот этого человека не стало. Что же будем делать? Как жить дальше? И что станет с землей? Уж не вздумается кому-либо каким-то хитрым способом вновь отнять ее у бедняков?

От такой мысли, внезапно пришедшей на ум, у Залмана взбунтовалось тугое крестьянское нутро. Он сначала застыл

на месте, придавленный нелепой думкой, а потом завертелся словно волчок. «В самом деле, — раздумывал он, — неужели может случиться такое, чтоб ее отдать? Но я же не отдам свою землю, и десятки других берловцев — тоже. Ведь за нее же воевали! Тем более, что весной мы надумали скинуть ее в общий котел, товариществом обрабатывать. Как же ее отдать? Ну уж, дудки! Если мы на ней уже несколько лет хорошо-таки погнули хрип, то она наша. И вообще, кто сказал, что землю надо будет отдать? Пхе. Что-то я не туда поехал, думаю совсем как Брайна, прости ее господи. Нет, земля будет нашей. Что, за нее постоять некому? Что, у нас уже коммунистов нет? Или некому будет идти за Лениным? Сделать все именно так, как он говорил? Ого! Дай бог, сколько тысяч и тысяч пойдут! Найдем силы и у себя дома, да и в Москве они есть!..»

Лошади уже давно сжевали тощую охалку сена и теперь, подрагивая от стужи, терпеливо дожидались хозяина. Отмотав вожжи, Залман привычно треплет лохматые гривы коней, гладит их крупы, нахолодавшие бока. Потом он не спеша цепляет к баркам постромки, затягивает супони, снимает с лошадей рядно, свертывает его, несет к телеге и только тогда замечает, что на дне телеги по-хозяйски уже улеглись чьи-то чемоданы. Сначала Залман смотрит на чемоданы, как на дикувинку, не понимая, как и почему они лежат в его бестарке. Но потом до него вдруг доходит, зачем он, собственно, завернул к вокзалу. Он невесело усмехается никчемности, мелочности недавних мыслей, так долго владевших им. Ах, человек, человек! Зачем ему эти проклятые рубли, когда кругом такое горе. Разве время думать сейчас о себе и этих несчастных волах? Ах, Залман, Залман! Прав, наверно, Терентий, укоряя тебя.

Однако пора и трогаться. Но чье это барахло? Залман поднимает голову и видит двух человек, идущих к нему от водокачки. Он догадывается, что это хозяева чемоданов, «клиенты», о которых час назад он горячо мечтал, и снова усмехается. Теперь уже недобро. Одного из «клиентов» Залман узнает сразу. Это Лева Фарбман, сын первого берловского богача Натана Фарбмана, за скарედность и злость получившего прозвище Хрипун. Фарбман, конечно, бывший богач. Таким он сейчас, по крайней мере, прикидывается. Всю лишнюю землю и скот у него, конечно, отобрали и поделили

между бедняками. Но золота у него, должно быть, столько, что его с лихвой хватило бы купить сотни таких хозяйств, как у Залмана. Правда то, что Бобринер никогда не считал это золото и даже в глаза его ни разу не видел, но в том, что у Фарбмана оно есть, он так же уверен, как в том, что на всем белом свете сейчас январь месяц. Сыночек, разумеется, весь в папашу. Этого молодого сквалыгу и развратника знает вся Берловка, не только Залман. Ну и попутчик, наверное, такой же, как Лева. Это Залман тоже знает из опыта. Рыбак рыбака издали видит.

— Что же ты, Бобринер, так долго? — подходя к телеге, спрашивает этот самый Лева и рукой растирает посиневшие щеки. — Мы тут ждали, ждали тебя так, что чуть не окончели.

— Окончели? — расправляя вожжи, переспрашивает Залман и чувствует вдруг, как в нем загорается давнишняя неприязнь к этому человеку, как ищет выхода давно забытое озорство. «Ге, как вам нравится, он еще командует! — думает он вслух. — Дак ты говоришь, что совсем замерз? Ай-й-й! И это в таких тепленьких, беленьких бурочках? Но это же можно исправить! До Берловки, как известно, двадцать верст, да еще, говорят, с гаком, верно, Лева? Ну вот, видишь. Так что вам вполне хватит времени согреться. Правда? — и затем, не выдержав мирного тона, Залман сорвался на крик. — А ну, забирай свои чемоданы, нэпман паршивый, и катись отседова! Ишь, чего захотел! Чтоб Залман Бобринер вез на своих кровных лошадях такую сволочь! Думаешь, что за деньги все можно, гнида? И красного партизана обрывать? Никогда этого не было и не будет, слышишь, паскуда?»

Залман соскакивает с доски, заменяющей ему сиденье, один за другим хватая чемоданы и с каким-то облегчением швыряет их на мерзлую, клеклую землю, прямо под ноги испуганному Фарбману. Потом он берет в руки вожжи, лихо крутит их над головой, причмокивает губами, свистит — и застоявшиеся лошади легко срываются с места.

АРОН ВЕРГЕЛИНС

РОДИВШИЙСЯ В ТАЙГЕ

Мой брат, родившийся в тайге Биробиджана,
С рожденья знал пути в лесах наверняка;
Дремучая тайга и в сумраке тумана
Была ему ясна, как степь для степняка.
Он был, как юный кедр, не тот, что пересажен
В угрюмую тайгу, чтобы сродниться с ней,
А тот, что из земли здесь вырос ростом в сажень,
Вцепясь в тяжелый грунт сплетением корней.
Его отцы прошли по всем дорогам мира,
Чтоб не пришлось ему скитаться на возах,
И нету для него родней реки, чем Бира,
Он любит этот край, как любит степь казах.
Здесь он родился, здесь переболел он корью,
И терпкий сок берез сосал, как молоко,
И в шелковой траве зеленые нагорья
Его, запеленав, баюкали легко.
Тайга крепила рост его зубов молочных
Пахучею смолой и корешками трав,
И ветви в колыбель тянула, чтоб неточный,
Неверный первый шаг он сделал, не упав.
Она вела его, как нянюшка, играя,
В атласный мир листвы, где мог он без конца
Свистеть и щебетать, дразня и повторяя,
Такого же, как он, задорного певца.
Медведя мягкий ход, стремительность фазана
Узнал и перенял он с самых ранних пор;
Река его труду учила неустанно,
И вечно юным быть — тысячелетний бор.
И тишину дарил ему покой долинный,

Движение и шум — гремучий водопад,
А сопка — небеса на высоте орлиной;
На голубых полях он был простору рад.
Медовую смолой и хвоей пахли бревна:
В грудь леса врублен был его сосновый дом.
В артельный, общий труд с врожденной страстью

кровно

Он сам — еще малыш — вошел своим трудом.
Теперь он великан с могучими руками;
Открытое лицо, и взгляд по-детски чист,
И бронзовый загар, и кудри — ручейками,
Он зорек, как орел, и по-оленьи быстр.
И потому, что он, иной удел приема,
Родился, вырос здесь, — переселенца сын, —
Он любит этот край, как любит корень землю,
Его ветра, леса и шум речных теснин.
На юношу взглянув, припомнишь ты нежданно
Скитальческую жизнь и ощутишь острей:
Вот поросль коренных сынов Биробиджана,
Взращенная трудом еврейских матерей!

ЛЕС

Зовется это место: лес.
В нем великаны до небес,
И юное деревце
Понизу стелется,
Пропитана почва сосновою прелестью,
А воздух смолой напоен.
Весь мир — только лес, только он!

Когда по вершинам лесным
Ударят огнем навесным —
И ветви обрублены,
И листья обуглены,
И кажется, всюду деревья погублены,
Но травка сверкнет над золой,
И лес взговорит:

«Я живой!

Войне у меня не отсечь
Зеленую голову с плеч!»

Корнями глубинными
В землю любимую
Врастает он с верою непобедимую,
И я, опаленный на ратном ветру,
У бора бессмертье беру!

ОТДЫХ

Шалаш накроешь хвоей и корою,
С лесной поляны сена принесешь.
И отдохнешь. И позабудешь горе,
Усталость позабудешь. Отдохнешь.
Глядишь в костер, а всяких дел — в избытке:
Кто чистит ствол, кто драит котелок,
Кто чинит обувь, раздобывши нитки,
А кто письмо писать в сторонке лег.
К походной кухне протоптали стезжку.
— Эй, кашевар! Скорее кашеварь... —
Из сапога вытаскиваешь ложку,
Штыком ломаешь каменный сухарь.
И вдруг ракета... Вскидываешь с места,
Горячей кашей набиваешь рот.
В лесу просторном сразу стало тесно.
Проснулся фронт и голос подает.
Из гнезд зеленых пушки выдвигают,
И сосны вновь окутывает дым,
И звезды в ожиданье замирают...
— Иди, товарищ! И вернись живым!

БАТАЛЬОН ЗАЩИЩАЕТ ВЫСОТУ

Товарищ, пал наш батальон.
Осталось двое нас...
Враги ползут со всех сторон,
Так выполним приказ!

Наш батальонный командир,
Когда в бреду горел,
Когда поутру отходил,
Держаться нам велел.

Мы под убойным под огнем
У мертвых на виду.
Держись!

Не может батальон
Покинуть высоту.

Смотри, смотри, как саранча,
Ползут сюда враги.
Не промахнись: они сейчас
Поднимутся в штыки.

Они не знают, сколько нас, —
Ты жив, и я живу.
Так выполним давай приказ,
Уложим их в траву.

Мы оба ранены с тобой,
Но жив наш батальон.
Пускай опять ползут в бой,
Опять их отобьем.

Мы тысячу раз их отобьем,
Нам здесь их надо бить,
Затем, что павший батальон
Не может отступить!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТАЙГУ

Поели мы хлеба с таежных полей,
Орехов кедровых, и ягод горчащих,
И мяса сердитых и важных зверей,
Недавно степенно ходивших по чаще.
А что до унтов, побожиться могу:
Унты хороши! В них тепло и не тесно.
Так спойте, солдаты, охотничью песню,
Коль вы после боя вернулись в тайгу.

Хмелен неказистый лесной виноград —
Вино не слабее того, фронтového.
Я кислой капустой закусывать рад,
Я счастлив, что меда отведал лесного.
Заздравные кубки гуляют в кругу,
Бокалы звенят, словно в пляске мони́ста.
Сыграйте же песню, друзья гармони́сты,
Коль вы после боя вернулись в тайгу.

Чтоб в пляске сойтись, разойтись чтобы
в пляске,
Нам хватит простора в родимом краю.
Берлинскую пыль
с сапог солдатских
Стряхнем на таежную землю свою.
Так — музыки! Ног я сдержать не могу.
Большой у нас пир пред большою работой.
Сегодня в тайгу возвратилась пехота,
Чтоб словом и делом украсить тайгу.

ПЕСНЬ О ГЕРОЕ

«В один из последних дней войны, при взятии крепости Бреслау, бывший биробиджанский рабочий Иосиф Бумагин повторил бессмертный подвиг Александра Матросова. Лейтенанту Бумагину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

(Из газет)

Часть первая

1

На поле боя, с радостью и грустью,
Пришла весна. Со всем своим добром.
Уже в цветах крутой подъем на бруствер,
А спуск с него еще в снегу сыром.
Что ж, лейтенант? О чем тебе груститесь?
Какие вспомнил весны и года?
Сейчас травинку обронила птица
У ног твоих,
 травинку для гнезда.

И оттого, что птице трудно сладить
С ветрами боя — а она в пути,
Так захотелось клюв ее погладить,
Рукой по крыльям нежно провести,
Встать, из окопа выйти хладнокровно
И птице той поведать горячо,
Как строил дом,
Таскал из леса бревна,
Как сладко ныло вечером плечо...

2

Весна волной груди его коснулась.
Волною щебета. И оттого
Очнулся он. Ужель ему вздремнулось?
Растаял сон — как не было его.

Война молчит, траншеи перед боем
Сомнительным покоем одарив.
Солдаты спят, как пастухи под зноем,
Раскинув руки, рты полуоткрыв.
На полчаса охваченные дремой,
Спят, от винтовки не отняв руки.
Вот-вот они под орудийным громом
Шагнут вперед и вынесут штыки.

3

Он взял лопату
(Сон развеял усталъ).
Ручьи змеятся на любом шагу.
Уже в цветах крутой подъем на бруствер,
А спуск с него еще в снегу, в снегу.
Весна.

Весна полна одной заботой...
О, руки, разлученные с работой...
Он обращает в щебень их и в прах...
О, труд войны... Он стены не возводит,
Хлеба весною от него не всходят,
Не зажигаются огни в домах.
И ты в пыли, в крови, в отеках пота
Ползешь, идешь сквозь сто смертельных бед,
Чтоб ту, свою, отвоевать работу,
Ту, что приносит людям хлеб и свет.

4

Он взял лопату. Полая вода
И впрямь пределов в эти дни не знает.
И что ей до солдатского гнезда!
Она за спины спящих затекает,
Она размыла глину... Ничего!
Канавку. И вода умчалась щелью.
И повлажнела сразу под шинелью
Горячая рубашка у него.
Ах, в эту пору выйти бы в тайгу,

Лес корчевать, давая место полю.
Какое нынче там, в тайге, раздолье,
Когда она вся в тающем снегу!
Назад двенадцать весен отстрани,
И вмиг увидится тот май далекий,
Когда на Дальнем встретились Востоке
Тайга и он в ее большой тени.

5

Таежный край, на ветви мглу набросив,
Его тогда с опаской повстречал.
Спросила птица: «Ты
что строишь здесь, Иосиф?»
«Гнездо», — Иосиф птице отвечал.
«А если бой по нивам и по селам
Пойдет, чтоб не оставить ничего?»
«Что ж, строю я очаг в труде тяжелом,
В бою тяжелом отстою его.
Тот дом, что здесь срублю я на Амуре,
Поверь, и эту выстоит беду.
Строитель и боец, любую бурю
Я от его порога отведу».

6

Что ж, сердце, ты... тревожно почему-то...
Иль так всегда в последний час войны,
Когда ее последние минуты
На циферблате, кажется, видны?
Уж так ли много смысла в этом чувстве?
Твой город жив. Ты оплатил врагу.
Уже в цветах крутой подъем на бруствер,
Но спуск с него еще в снегу, в снегу.
У города чужого — снег в овраге.
Ты слышишь? «Нужен лейтенант Бумагин!»
Вставай в последнюю из всех атак.
«У провода Бумагин. Точно так».
«Не спишь, Иосиф? Как дела во взводе?»

И вдаль ответ уносит аппарат:
«Мой взвод и я тоскуем по работе».
«Работы просишь? Подымай солдат».

7

Подъем! И вот, пока солдаты дружно
Готовят к наступлению матчасть,
Иосиф, вслушиваясь в звон оружия
И в их дыханье, думает: сейчас
Выходит в бой Отчизна вместе с ними,
И край его — в ее большом ряду.
О, близок час, когда страна поднимет
Всех тружеников к мирному труду.

В душе тепло. Какая синь над пашней!
Он всю усталость сразу позабыл.
Он руки положил на бруствер влажный,
На пулемет — и радость ощутил.
Как будто он к неспаханному полю,
К смолисто-свежим срубам без стропил
Свои большие, грубые, в мозолях,
Натруженные руки устремил.

Часть вторая

И вот двенадцать пулеметов взвода
Дорожку выстроили. Ею, с хода,
Подняв «ура», пошла пехота. Бой
Достиг домов накупившихся, крайних,
И стрельчатые башенки на зданьях
(Как будто, коль могли б, то убежали б)
Внезапной мелкой дрожью задрожали,
Увидев башни танков пред собой!

Сражение сдерживают перекрестки.
Но бой все ближе к площади, а там

Снуют солдаты в облаке известки
Среди развалин, в деловитом рвенье,
Как будто города восстановление
Идет за разрушеньем по пятам.

Шаги тяжелые (то вверх, то вниз)
На этажах слышны. Там щебень в кучи
Сгребают, чтоб облокотиться лучше,
И всюду — пуль оостервенелый визг.
Все стекла выбиты. Паркет дрожит.
Сегодня весь Бреслау тот получит,
Кому лишь двор пока принадлежит.

Из рук Бумагина со стоном рвется,
Трясется в жгучем гневe пулемет.
В очередях звон бубенцов, сдается,
Поет, что час победы настает.
Бумагин нем. Он занят грозной тратой
Патронных лент, наполненных расплатой.

Дымится пригород. Сухой травой
Сгорает он. А там, где ветер боя
Уже прорвался вдаль, — там каждый дом
Лежит, как след его, как бурелом.

Идет Иосиф из ворот в ворота
И, останавливаясь, прям и строг,
Смертельных искр
из пасти пулемета
Разматывает за клубком клубок.

Он ни угла оставить так не хочет.
Сквозь щебень, пыль, проломленные стены,
Сквозь мир, переиначенный войной,
Он по дворам идет, как будто точит
Точильщик, странно необыкновенный,
Ладоней сталь о пулемет стальной.

Бумагин видит — дом в огне и в дыме,
И в памяти такой же дым встает:
Пожар в тайге руками он своими
Гасил. И теми же руками ныне
Гнездо врагов огню он предает.

Взят двор, другой. Враг отступает в город.
И вдруг — забор колючий, взрывом вспорот,
Забор из проволоки в пять рядов.
У входа дот. За ним чернеет ров.

А дальше — лагерь смерти как пустыня,
В которой караван большой погиб.
Лежит старик, одет в песок и иней.
Беспомощной руки бессилён сгиб.

И женщина. Лицо такое строгое,
Как будто человека родила
У ямы, здесь... Какой она дорогою
И чьею волей в этот ад вошла?

— Ты схвачен, хищник, с жертвою в зубах! —
Кричит Бумагин и кулак подымлет.
Он полному тоски молчанью внемлет.
У мертвых — гнев в закушенных губах.

О, тверд кулак, как кожа, что на ранец
Пошла, дубленая...

Но шевелится снег...

И вот ползет в лохмотьях человек
И шепчет: — Ты... ты русский чи германец?

Душа единственная, что спаслась...
Еще один залеплен снегом глаз,
Но светится другой, хоть и туманясь!
Не веря, верит он. И еще раз
Бескровным ртом: — Ты русский чи германец?

— Я русский воин, я еврей. Я вынес
Из боя чистой честь. Мой пулемет
Не пощадил убийц. —

И украинец

Сквозь ямы, рвы Бумагина ведет.
— Здесь и евреи были... Не ищи...
У этих ям скинь шапку. И — молчи.

Встал взвод Бумагина у ям глубоких,
И ярость по сердцам и по очам
Прошла огнем. Горит гнездо жестоких!
Так поддадим огня вслед палачам!

Я русский воин, я еврей из-за сибирской дали.
Я в бой пришел с хинганских гор, где вся моя семья.
Меня в труде сибиряки умельцем называли,
И смельчаком теперь зовут меня в бою друзья.

Врагу известно — у меня рука тяжеловата.
На русском поле рос и креп мой род из века в век.
Я на Матросова похож, как на родного брата,
Я русский воин, я еврей из-за сибирских рек.
Я родины своей солдат. Я к площадям Европы
С боями тяжкими пришел, не сдавшись, не устав.
Я с теми, кто под пули шел, сражался, рыл окопы,
Россию милую храня, на страже счастья встав.
Я волю нес друзьям, врага карая неустанно.
Готов гранатой сердце я швырнуть в лицо ему.
Я русский воин, вырос я в тайге Биробиджана.
Я с теми, кто спасает мир в пороховом дыму!

Часть третья

1

Смотри, тайга, до площадей Бреслау
Дошел твой сын. И через миг-другой

За все, что сердцу свято, — не для славы, —
Он твердо выйдет в свой последний бой.
Тайга, запомни — ни в одном сражении
Солдат и сын твой трусости не знал.
Сберег он чистым имя поколения,
И славы предков он не запятнал.

2

Взвод отдыхает, как после работы,
Среди подвальной затхлой тишины.
Расплывчатые очертанья дота
В окошке узеньком едва видны.
Сидят на корточках. Глядят на дот...
У всех свои и замыслы и судьбы.
Сержант Гашвили говорит: — А вот
Еще лет восемьдесят протянуть бы... —
А хлебороб Колодий шепчет: — Мне
Победу бы увидеть — не во сне...
— А впрочем, что! Любому б жизни по три.
Сначала дот возьмем. А там посмотрим...

3

Одни задумчивы. Другие шутят.
Бумагин встал, он к выходу идет.
— Получше сухари, ребята, жуйте,
Не то не разжевать нам этот дот! —
Пьют за здоровье по глотку хмельного.
Совсем как лесорубы в ранний час,
Спеша к делянкам...

В этот бой суровый

Уйдет и не вернется кто из вас?
О, сколько вас, здоровых, стройных, ясных,
Звездой, под утро уходящей с глаз
Дня не дождавшись светлого, погаснет,
За горизонт победы закатясь!

4

Весть горькая, скорей несись туда,
К горам Кавказа, скрыть печаль не в силе:
Дот-хищник заклевал бойца Гашвили,
Чья жизнь, преград не ведая, всегда
Вином в сосуде тесном клокотала.
Бумагин гневно оглянулся: путь
Он в малый миг бы пролетел немалый,
Чтоб сопку взять и камнем в дот швырнуть!
И вот, не поднимая головы,
Он к доту сам ползет, все кочки зная,
Рой мыслей, выпорхнувших из травы,
К себе на миг один лишь подпуская.

5

Теперь, тасжный край, любовным взглядом
На сына своего гляди, гляди.
Он на охоту шел — ты был с ним рядом,
Теперь его на подвиг проводи.
Не зря его испытывал ты стужей,
Не зря питомца одарил Хинган
Крутым точильным камнем для оружия,
Кульдур — водой целебною для ран.
От люльки до Бреслау долгий путь,
И он прошел его не как-нибудь —
Большой войны дорогою крутой;
Все той простреленной нелегкой далью
Прошел он честно, то с горячей сталью
Оружья, то с лопатою простой.
— Иди, Иосиф, в грозный, смертный бой.

6

С ним две гранаты были. Он с ремня
Сорвал их обе и метнул, как надо.
Но новый пулемет струей огня
Путь пересек пехотному отряду.
И нет гранат. А пулемет, как зверь,
Ревет... И смотрят не дыша солдаты:

Что будет делать лейтенант теперь?..

— Солдаты! Нет гранат...

Нет, есть граната!

Пусть этот дот чернеет впереди —

Оружье есть. Есть у меня в груди

Наполненное гневом сердце!

7

Кто-то

Мелькнул перед глазами на бегу.

Упал... ползет... На амбразуру дота

Солдат в запорошенном полушубке...

И странно, что весна, а он в снегу...

Вперед... За ним. Нет, рядом с ним... Вперед!

Их кровь на чашу общую падет...

И встал рывком Бумагин возле дота

И, мертв навеки и навеки жив,

Лег грудью на бойницу пулемета,

Его биением сердца заглушив.

8

Пришла весна и завладела всеми

Траншеями — на каждом берегу.

Подъем у Одера в цветах весенних,

А к Рейну спуск крутой еще в снегу.

Разбитый дот. Последний снег в овраге.

И, как охотник спит среди рощ и нив,

Лишь от усталости глаза смежив,

Так у ворот победы спит Бумагин,

На путь свободный руки уронив,

И мнится, эти грубые, в мозолях,

Большие руки тянутся в тоске

К плотам смолистым на его реке,

К его тайге, к невспаханному полю...

БОРИС МИЛЛЕР

ПЭРЛ И НОЙ

Рассказ

I

Осень. В запоздалом цветении золотится подсолнух на тонком стебле. Высохший стручок роняет на землю блестящие фасолины. Подсушенные солнцем крепкие, гладкие початки кукурузы, словно завернутые заботливой рукой в желтоватую папиросную бумагу, поблескивают плотно — одно к одному — прижатыми зернами меж свисающих вниз рыжеватых с подпалиной усов. Продолговатые дыни, впитавшие в себя солнечный свет и соки земные, издают сквозь грубую кожицу сладковатый аромат.

Старая женщина подняла над головой вязку фасолевых плетей, едва обхватив ее руками. А на соседнем огороде, над леском только что обезглавленных стеблей, выпрямилась русоволосая девушка. Одной рукой она придерживает мешок, доверху наполненный срезанными, черными, в светло-зеленой оправе кругами подсолнуха.

«Что ни день, то становится краше», — думает о девушке старая соседка и окликает ее:

— Бейлкэле... Подойди-ка на минуту...

— Что такое, бабушка Песя?

С мешком на плече девушка подошла к краю своего огорода. Отбросила падающую на глаза прядь волос...

Старуха вовсе не приходилась Бейлкэ бабушкой, они вообще ни в каком родстве не состояли. Но полдеревни были внуками этой сухонькой, подвижной и необычайно любопытной старушки, потому и вторая половина жителей деревни другого имени, кроме «бабушка», для нее не имела.

— Бейлкэле, ты уже, тьфу-тьфу, не сглазить, — невеста... Да, ты становишься красавицей, право...

— Не надо, бабушка Песя, — застеснялась девушка.

— Вылитая мать. Когда она была в твоих летах, вот такого же помню... — Старуха почему-то тяжело вздохнула и спросила: — Скоро уже приедет она, мама твоя? Что-то задерживается...

Бейлкэ вдруг необычайно обрадовалась. Она думала, что всем в деревне это уже известно, но, оказывается, есть еще человек, который не знает.

— Сегодня, сегодня, бабушка Песя, приезжает она. — И девушка даже слегка подпрыгнула с тяжелым мешком на плече. — Сегодня ночью!

Она уже собралась уходить, но старуха ее остановила и заставила сложить ношу на землю.

— Подожди, подожди, не торопись. Это правда, Бэйлкэ, что люди говорят?

— Что говорят, бабушка Песя? — переспросила девушка.

— Ай-ай-ай, у тебя уже секреты завелись от бабушки Песи! Думаешь, я не знаю?

— Что, что вы такое знаете? — в голосе девушки слышалось недоумение.

— Что значит — что? А то, что мама твоя больше не вернется домой... Она в город переезжает, вот что... Тебя с братишкой она потом заберет к себе.

Глаза у Бэйлкэ были такие же, как у матери, — большие, синие. Сейчас они стали еще больше.

— Ну, что вы такое, бабушка Песя, говорите? Кто вам все это наболтал? Мама сегодня приезжает. Письмо есть. Да, сегодня ночью.

Обиженная, расстроенная, не ожидая, что еще скажет старуха, девушка вскинула мешок на плечо, слегка подпрыгнула, чтобы ноша лучше легла, и быстро скрылась среди обезглавленных стеблей, опутанных то тут, то там серебристой паутиной.

С легким шумом над огородом пролетел голубь.

А бабушка Песя уже была у другого края огорода. Возле заросшей травой и пасленом межи она отводила душу в разговоре с Фейгой Азриэлевой. «Азриэлевой» — женой Азриэла. Так уже было заведено в деревне — звать жену по мужу: Азриэлева Фейга, Нова Пэрл.

Бабушка Песя опустила на землю огромную вязку, покряхтывая, присела на нее и показала в сторону скрывшейся Бейлкэ:

— Не правда ли, Фейга, жалко их, и Пэрл, и детей ее?

— Ничего с ними не случится, — грубовато ответила спокойная, рассудительная Фейга.

— Не говори! Вот пусть она только сегодня приедет, Пэрл, если только правда, что она приезжает, так ведь он, Ной, на порог ее не пустит. Ни за что! Это же чудовище, разбойник, какого свет не видел.

— Неужто? Так вот и не пустит?

— Ты не знаешь Ноя? Он же поклялся, что если только она уедет, пусть потом куда хочет идет. Дома дверь перед ней будет закрыта. И он, этот сумасшедший, так и сделает. Вот увидишь!

Бабушка Песя придвинулась ближе к своей несловоохотливой собеседнице и тихо, как бы доверяя большую тайну, продолжала:

— А Пэрл, думаешь, не знает, с кем имеет дело? Говорят, она остается в городе. Да, да. И детей потом к себе заберет...

— И правильно. Так и надо, очень умно бы сделала, — разошлась и Фейга. — Мыслимое ли дело, изо дня в день надрываться, не зная покоя. А ради чего? Чтобы нацыркать от коровы еще стакан молока... А если не цыркается, так что? Руки на себя наложить?

— Все ж таки, Фейга, подумай. Как так можно? Люди не молодые, двое взрослых детей. Как же так, взять и разойтись? Это же и смех и грех.

— Любви и лада между ними, насколько я помню, никогда не водилось, — ответила Фейга.

Горбясь под своей вязкой, бабушка Песя, покряхтывая, поплелась обратно к себе на огород.

2

Низкорослый, борода колючая, рыжая, кое-где прощитая седыми прядями, стоял Ной в колхозном дворе, переминаясь с ноги на ногу, перед председателем. Видно было, долго уже стоят они так друг против друга — приземистый Ной и долговязый председатель колхоза Букин — и никак о чем-то договориться не могут.

Ной упрямо глядел вниз, на потертые голенища своих

юхтовых сапог, то и дело сбивая с них кнутовищем присохшую грязь. И вместе с ошметками грязи падали его отрывистые слова:

— Сказал уже... не поеду.

— Почему?

Ной поднял на председателя тяжелый взгляд:

— Пусть кто-нибудь другой...

— Что другой?

— Кто-нибудь другой пусть едет сегодня к вокзалу...

В старых кожаных сандалиях на босу ногу, в темных плюшевых, изрядно потертых брюках галифе, в выцветшей гимнастерке, председатель колхоза Самуил Букин стоял, опершись о поломанную телегу, — высокий, узкоплечий, с красноватыми глазами хронически недосыпающего человека. Под обветренной кожей лица ходуном ходили желваки. Ох, уж этот Ной! Уперся, как бык, — не поеду и все! И так и этак ему доказывал: керосин нужен до зарезу. Кого-нибудь другого послать нельзя — все заняты. Так разве же его уговоришь! В печенках сидит у него этот Ной!

Вдруг председателя словно осенило, он даже по лбу себя стукнул, дескать: «Ну, и остопоп же ты, братец! О главном-то забыл!»... Быстро подойдя к Ною, он лихо толкнул его в плечо:

— Слушай, Ной. Пэрл твоя сегодня ведь приезжает. Надо же, совсем из головы вышло. Вот заодно и ее встретишь, домой привезешь.

И, считая вопрос решенным, не дав Ною что-либо возразить, Букин быстро зашагал к коровнику. Уже с порога обернулся и крикнул Ною, все еще остававшемуся в той же позе:

— Слышишь, Ной, соломы прихвати побольше! Чтоб не растрясло в дороге. Нам твоя Пэрл нужна невредимая...

И Букин шагнул в коровник. В сырой, остропахнувшей на него полутьме донеслись тяжкие вздохи нескольких коров, которых он еще не успел разглядеть. Заблудившиеся воробьи суматошливо летали и чирикали вдоль узких продолговатых окон, сквозь которые в помещение проникал скудный свет. Приглядевшись, Букин увидел в темном углу на мокрой подстилке корову черной масти с грязно-белыми пятнами на впалых боках. Мучительно выпученные глаза коровы были затянуты влажной пленкой. Изредка она судорожно открывала пасть, с которой свисала пена. В противоположном углу пред-

седатель увидел другую, полностью черную корову. У той горой вздувался живот и дыхание было прерывистым, тяжким, со свистом.

Вид этих двух больных коров резанул председателя по сердцу, заставив его вспомнить вчерашний разговор в райкоме партии с секретарем Березиной. Направляясь туда, он знал, что по головке не погладят, но и на такой оборот, какой принял разговор, тоже не рассчитывал.

«Ничего не скажешь, бой-баба. эта Березина, новый-то секретарь, бой-баба», — думал он, чуть ли не с восхищением вспоминая, как здорово ему вчера там выпали.

«Пэрл, Пэрл... Нет Пэрл, умерла!.. И что же?» — так она ему выговаривала, когда, пытаясь объяснить создавшееся на ферме тяжелое положение, он сослался между прочим и на то, что лучшая доярка почти месяц отсутствует.

Букин не привык, чтобы с ним так разговаривали, он пробовав возражать, но в душе понимал, что ерепениться нечего. Березина, хотя она и новый секретарь и еще не успела до тонкостей узнать все, что делается в районе, безусловно, права. Впрочем, и насчет тонкостей это еще как сказать...

Во время вчерашнего разговора она внезапно спросила:

— Скажите, Букин, это правда, что у вашей лучшей доярки, у Пэрл, дома не все ладно? Будто мужу ее не по душе, что жена его — знатный человек в колхозе, познатнее его? Так это?

— Говорят, — уклонился от прямого ответа Букин.

— Нет, вы мне скажите, правда это или нет?

— Правда.

— То-то, — и она пристально посмотрела на Букина. — Вопрос щепетильный, сложный. А вы не пытайтесь уйти от него. Тут не семейные дразги, нет. Характерами не сошлись, мол, то да се. Тут дело посерьезнее. Тут, если хотите, тоже решается вопрос: «Кто кого?» И мы с вами об этом не должны забывать...

Больше Березина этого вопроса не касалась. Прощаясь, сказала:

— Помните, Букин, в другой раз так легко не отделаетесь.

На этом закончился разговор.

...Глянув по сторонам и нигде не обнаружив скотника, Букин крикнул:

— Доди!

Никто не отозвался. Тогда он крикнул так, что воробьиная стая у дверей мигом прыснула во все стороны...

— Доди!

Прихрамывая, появился в дверях невзрачного вида человек со всклокоченной седой бородкой. Некоторое время председатель молча смотрел на торчавшие из бородки соломины, на примятую кепку, припухшие глаза и красную, в белых полосках, правую щеку...

Почесав за ухом, человек спросил:

— Чего? Звал меня кто? — и помигал седоватыми веками. — Нужен кому я?

Он все мигал и мигал: то глядя на собственные ноги, то искоса на Букина. А председателя душила злость. Он слова не мог вымолвить. Только ткнул пальцем в сторону коровы с грязно-белыми пятнами на боках.

— Вот эта? — покосился скотник. — Нажралась густяком и со вчерашнего дня в рот ничего не берет...

Затем о второй, распухшей корове:

— Дохлятина! Молока от нее — смех один, с наперсток, а жрет — дай боже! Вчера ночью в пшеницу забралась.

— А ты? Ты где был! — не выдержав, сорвался на крик Букин.

— Я? — хладнокровно переспросил скотник и снова мигнул.

Букин выбежал из коровника. Чувствовал: еще миг, и он поколотит этого человека...

Весь двор был усеян соломой и кучками сена. Перепрыгивая с места на место, оглушительно галдели воробьи. Их здесь было видимо-невидимо. Остро пахло конским потом, дегтем.

Шаркнув крылом по земле, у самых ног Букина поднялась ворона и тяжело, боком полетела в сторону. Букин проводил ее все еще гневным взглядом. И тут ему на глаза снова попался Ной. С трудом отрывая сапоги от земли, он не спеша запрягал в телегу буланых, злобно награвдая их тычками то по бокам, то по морде.

— Быстрей собирайся! — крикнул ему Букин. — И не возвращайся без Пэрл, понятно?

Букин, оказывается, раньше только делал вид, что забыл о приезде Пэрл. На самом деле он об этом только и думал, когда завел разговор с Ноем. Раздоры между Пэрл и ее му-

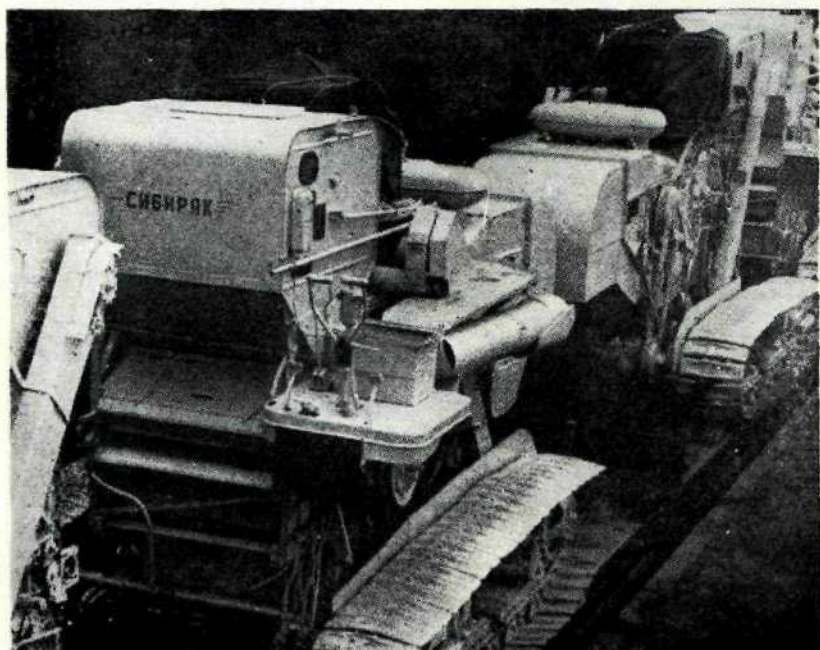

Две Тани и обе — северяне.

Ударник коммунистического труда
рабочий деревообделочного комбината Арон Тескер.

Комбайны для кубинских друзей.

Один из лучших соеводов Хабаровского края механизатор
Амурского совхоза Александр Пермяков.

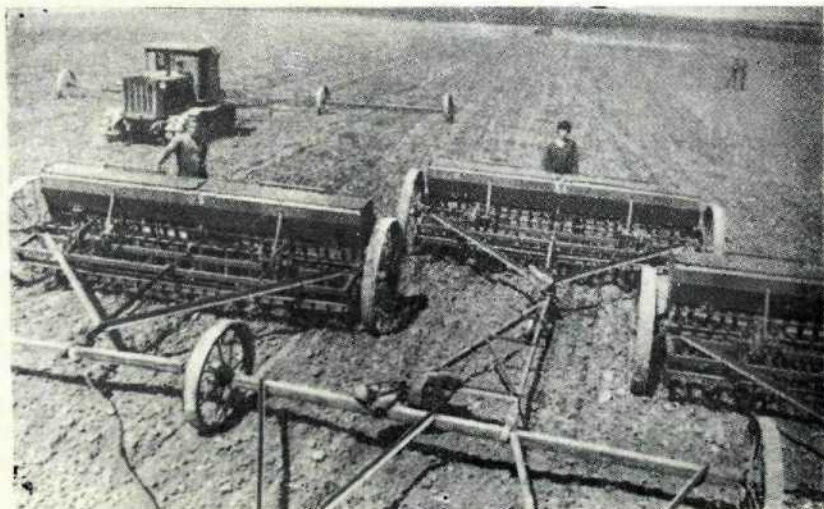

Звучат народные мелодии в исполнении участников художественной самодеятельности села Чурки.

Механизаторы Петровского совхоза коммунист Александр Егорович Скачков и комсомолец Николай Аристов

Сев сои на полях колхоза «Трудовая нива».

Лучший комбайнер Добринского совхоза коммунист
А. Марков обучает своей профессии сына.

Строительная новь Биробиджана.

Абрам Анисимович Гершков — самодеятельный композитор Еврейского народного театра.

Своим становлением Еврейский народный театр во многом обязан режиссеру Михаилу Абрамовичу Бенгельсдорфу.

Запорожский хор в гостях у комбайностроителей.

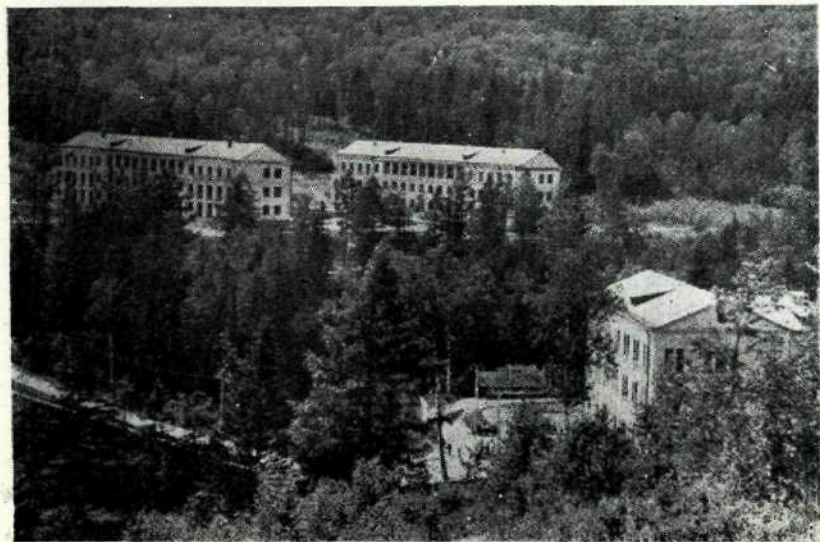

Серебряные отблески Биры.

Спортивные баталии на новом стадионе.

Дальневосточная здравница — курорт «Кульдур».

Молодость Биробиджана.

Работница пошивочного цеха обувной фабрики комсомолка
Наташа Цебренько.

Гостиница «Центральная»

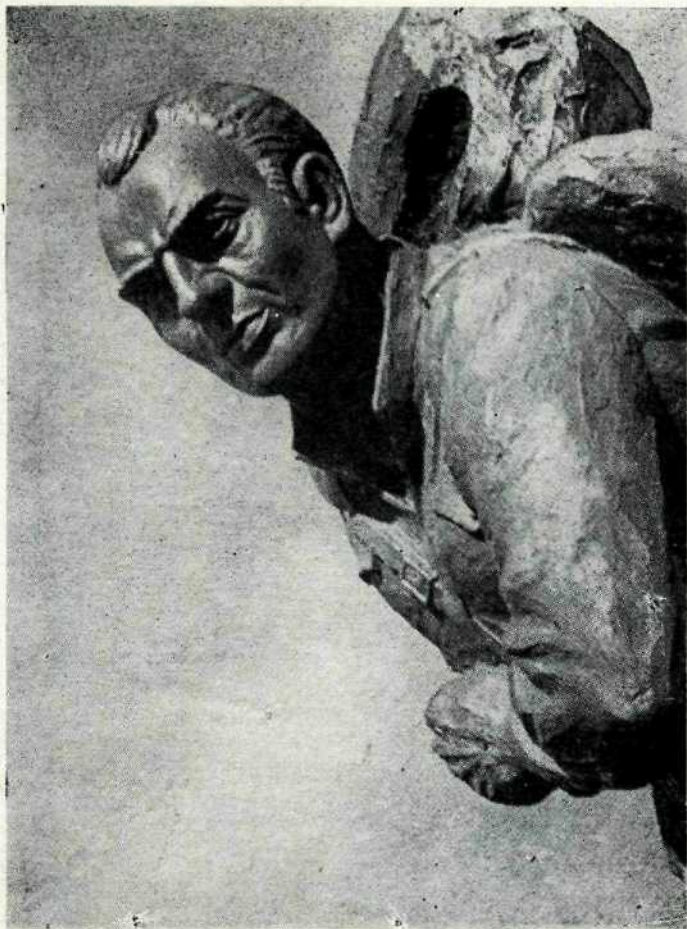

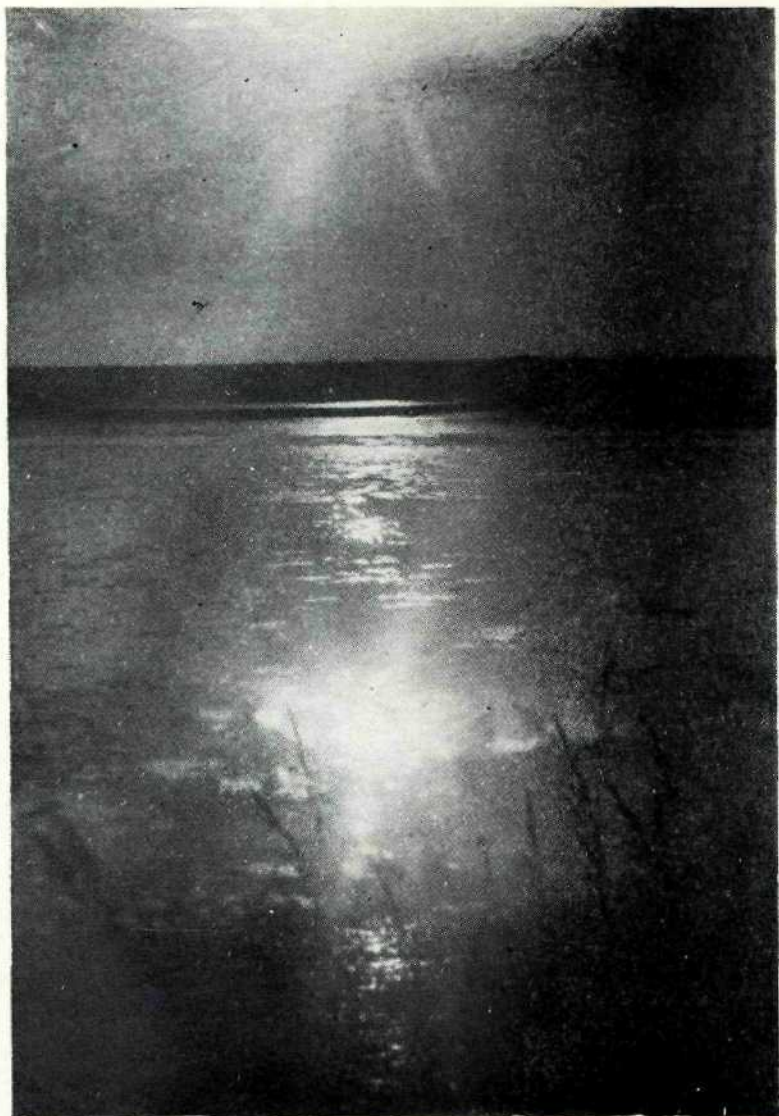
На митинге протеста против бесчинств израильских захватчиков.

Работница чулочно-трикотажной фабрики
Нелли Пчелина — лучшая вязальщица фабрики, ударник
коммунистического труда.

Фрагмент памятника Герою Советского Союза
Иосифу Бумагину в Биробиджане.

В лучах заходящего солнца.

жем еще до разговора с Березиной немало беспокоили Букина. Лучше всего, думал он, чтобы Ной сам встретил ее на вокзале. Дорога до дому неблизкая, успеют поговорить и, может, до чего-нибудь договорятся. А керосин — ну что ж, керосин тоже нужен.

Ной даже не посмотрел в сторону председателя. А ни в чем не повинную пристяжную хлестанул так, что та даже подпрыгнула.

— Холера тебе в бок! — зло выругался он.

3

Целый месяц Пэрл лечилась от мучившего ее в последние годы ревматизма. А Ной не верил: притворяется... Если кто болен, думал, так это он. И если колхоз посылает на курорт, то почему ее, а не его? И вообще, что за порядки пошли на белом свете? Испокон веку велось: жена — дома, ее дело — хозяйство, дети. И больше носа никуда не суй! А с тех пор, как стали эти колхозы, все перевернулось вниз головой... Пэрл, его Пэрл, стала работать в колхозе на ферме, и он ее не узнает, как будто ее подменили... Бывало раньше, если дома по хозяйству что-то не так, он только взглянет на нее исподлобья и, смотришь, ее в жар бросает. А теперь — теперь попробуй крикни на нее или, не дай бог, замахнись рукой! Тут такое поднимется...

Вот и сейчас: Пэрл прохлаждалась на курорте, а он здесь ночи напролет глаз не смыкает. Лежит, слушает, как по степи ветер гуляет, бьет наотмашь по окнам — как только стекла не выпадают. И кажется ему, Ною, что кто-то к нему стучится, кто-то с насмешкой, с издевкой сейчас ему крикнет: «Один остался, старый дурень? Так тебе и надо». И в самом деле, где это слыхано: она, Ноева Пэрл — всё, а он, сам Ной — ничего не значит. Этак можно и до такого срама дойти, что его, этого доброго, станут звать по ее имени. «Ной? Какой Ной? А, это тот самый, муж Пэрл...»

Эти тягостные мысли занимали его и сейчас, в пути на станцию. Навстречу подводе с тарахтящей пустой бочкой набегали, все увеличиваясь в размерах, телефонные столбы, а потом, оставаясь позади, становились все меньше и меньше. Тонкие, прозрачные нити паутины липли к бороде. Клубками

висела паутина на сухих сорняках, лениво качавшихся по всей, насколько хватало глаз, пожелтевшей степи. Каждый раз в другом месте с шумом опускались целые стаи ворон, в одиночку и парами рыскали они по стерне, затем с громким карканьем всей стаей взмывали вверх, оставаясь висеть в воздухе разорванной черной тучей...

Ной часто и зло стегал кнутом лошадей. Позади него подпрыгивала и тоже зло позванивала пустая железная бочка. Он спешил, хотел скорее получить на нефтебазе керосин, чтоб отправиться в обратный путь еще до прихода вечернего поезда, которым должна была приехать Пэрл. Букин-то... чего захотел, чтобы он, Ной, сам отвез Пэрл домой? И это после того, как все в деревне знают, что перед ее отъездом он заявил: «Домой можешь не возвращаться!» А она... Много думала она о нем там, на курорте? Целый месяц прохлаждалась у моря, черт знает с кем лясы точила, бездельничала, а он здесь все хозяйство тащил, ночи не спал. Не нужна ему, Ною, такая жена. Колхозу она нужна, так пусть колхоз за ней и посылает.

«Ну, так вот, Букин тебя же и послал, — кольнуло в мозгу, — все дырки тобой затыкают». И он вспомнил, как Букин крикнул ему, чтобы побольше соломы захватил, чтоб не расстряс в дороге «драгоценное сокровище», Пэрл. Да он просто решил поиздеваться над ним, Букин.

— Пошел! — Ной со всей силой стеганул кнутом по лошадам. — Хвороба вам в кости!

4

Пока он получал на нефтебазе керосин, над степью в зареве заката угасал осенний день. Над землей распростерлось темное, словно обгоревшее, небо, с редкими блестками звезд.

Ной уже довольно далеко отъехал от нефтебазы. Позвякивая подвешенным ведром, подвода уходила в темень, а он, словно убегая от опасности, все гнал и гнал лошадей, поворачивая их к переезду через железнодорожную линию, чтобы оттуда прямым ходом — домой.

«Будут болтать. Ну и пусть, — преодолевал он в себе какой-то проблеск сомнения в том, правильно ли сейчас поступает. — Пусть знают, что и он, Ной, чего-нибудь стоит, что

шутить он с собой не позволит. Как сказал, так и сделал. А кататься на мне, — все более распалял он себя, — я никому не позволю: ни Букину, ни Пэрлу... Хвороба им всем!»

Букина он все-таки побаивался и старался себя подбодрить: «Ну и что? Керосин я привезу? Привезу. И хватит. А за мою жену пусть у него голова не болит...»

И вдруг, разом откинувшись назад, к бочке, Ной рванул вожжи, с трудом остановив лошадей у самого железнодорожного полотна. Резкий гудок разорвал ночную тьму. Рассыпая по сторонам огонь и искры, промчался мимо паровоз.

Мгновение — и не было бы ни Ноя, ни лошадей. Поминать как звали! Только сейчас он понял, какую страшную опасность избежал в последнюю минуту, и задним числом до смерти испугался... Задрав в разные стороны оскаленные морды, дрожали, пятились назад испуганные лошади. Всеми силами сдерживая их, Ной дрожал на передке телеги, а мимо него с подпрыгивающим лягом проносились один за другим ярко освещенные вагоны. Позади них, в обратном направлении, шел товарный состав, и огонь паровозной топки словно заглядывал поочередно в окна пассажирского поезда. В этом причудливом двойном свете Ной вдруг заметил прижавшееся к оконному стеклу улыбающееся лицо женщины в белом платке. Он готов был поклясться, что это его Пэрл. Но что-то не помнится ему, чтобы она когда-нибудь так улыбалась...

Где-то там, у вокзала, поезд остановился и весь как бы собрался в плотное большое световое пятно. Низко над землей расползались клубы пара и дыма, и стоял острый запах перегоревшего каменного угля.

Тому, что случилось затем, Ноем трудно было найти объяснение. Может, сами лошади, помимо его воли, развернулись. Но хватился он тогда, когда уже проехал изрядное расстояние обратно к вокзалу, где — ему это представлялось очень ясно — стоит в ожидании Пэрл со своими вещами. Уже отчетливо видны были контуры станционных зданий.

Пальцы Ноя больно обжег огонек докуренной махорочной самокрутки, и это вывело его из оцепенения. Он в сердцах швырнул окурочек наземь и, резко натянув вожжи, развернул подводу. Скользя по подрагивавшим рельсам вниз, на едва заметную в темноте проселочную дорогу, телега ходко покатилась в обратную сторону.

Издали донесся еле слышный гудок отходившего поезда.

Яркой зеленой звездочкой светил на той стороне семафор. Ночная дорога прохладно и тускло ложилась под поскрипывающие колеса. Живое скопище звезд мигало и мерцало над головой.

Позади согнутой спины Ноя в железной бочке перекачивался и глухо хлюпал керосин.

5

Пэрл еще ребенком осталась сиротой. К десяти годам пошла в прислуги, правда, не к чужим, а к дальнему родственнику. Тот жил в деревне, имел ветряную мельницу и слыл богачом. Звали его Зхарья.

Прибеднялся: «Тоже мне жизнь — от ветра живу». Но люди знали: «процентник» он, деньги в рост дает.

Основу своему богатству Зхарья заложил сам. Отец его, из бедняков бедняк, умер, по слухам, с голоду. Мальчик на посылках, затем рабочий на мельнице — с этого Зхарья начинал. Детей не было. Жена — дочь хозяина, через нее он и мельницу унаследовал, — вскоре умерла. Второй раз жениться не стал. Поговаривали — из-за скупости, чтобы никакой другой человек возле него не кормился. И еще говорили: этот реб Зхарья самому себе хлеба кусок жалеет.

Ной в то время был еще мальчиком, прислуживал в лавке. Однажды хозяин поймал его на воровстве и прогнал. Тогда Зхарья взял мальчонку к себе на мельницу. Ной, уже подумывая о том, как бы выйти в люди, старался задобрить хозяина, работал, как лошадь, днем и ночью. Зхарье это нравилось, и когда Ной у него вот так отбатрачил за скудные харчи несколько лет, как-то позвал его к себе домой и сразу огорошил вопросом:

— Нойехце (так обычно он его звал), жениться хочешь небось? А?

Спросил словно бы так себе, невзначай, но при этом так посмотрел пронизывающим взглядом своих маленьких черных глаз из-под мучнисто-белых бровей, что Ной сразу понял: неспроста Зхарья задал этот вопрос. Неужели он что-либо проведal насчет Миндл?

Ную тогда нравилась одна девушка. До сих пор, уже столько лет спустя, припоминаются ему, словно в тумане, две

косички льняного цвета, глаза какого-то странного зеленоватого оттенка и розовые, будто клубничные, щеки. Звали девушку Миндл.

Зхарья — к тому времени он уже успел разменять седьмой десяток — сморщил свое плоское лицо, затряс широко разросшейся мучнисто-белой, как и брови, бородой. Ной еще не успел ответить, как старик, тыча в него кривым пальцем, зашелся визгливым смехом:

— Ай, хочешь, Нойехце, ай, хочешь... Я-то вижу, вижу...

Затем Зхарья перестал смеяться. Тем же кривым пальцем поманил Ноя поближе к себе. И Ной никогда не забудет того, что тот ему тогда сказал: он, Зхарья, уже не молод, на все божья воля, вечно никто не живет... В случае чего, он хочет, чтобы мельница попала в хорошие руки. За знатностью он не гонится, сам с приказчика начинал...

Сидя на краешке стула, Ной смотрел хозяину прямо в рот и не мог взять в толк, к чему старый Зхарья клонит. Одно ему с каждой минутой становилось все яснее: то, что Зхарья позвал его к себе, усадил на стул, а не оставил стоять, как всегда, у притолоки, то, что хозяин, как никогда, разговаривает с ним, будто с равным, — все это неспроста, что-то такое он задумал. Но что?

Как бы подразнивая парня, старик спросил:

— Ну, понял, о чем я говорю? Ты же, Нойехце, не глуп, клепка в голове есть...

И он опять, давясь смехом, затряс мучнисто-белой бородой.

Выпученными глазами Ной смотрел на хозяина и все еще ничего не понимал. Потом, когда Зхарья снова заговорил, у Ноя появилась какая-то догадка, но он ее отогнал прочь. Нет, не может этого быть!

Пока наконец старик не дошел до корня: он хочет, чтобы Ной женился на Пэрл. Да, именно так, Нойехце не ослышался — на Пэрл... А он, Зхарья, ее удочерит.

Мельница! Вот что в это мгновение прежде всего встало перед глазами Ноя. Она росла, росла до самых облаков... И с чудовищной скоростью вращала крыльями, затмевая все, даже солнце. В этом головокружительном вращении все исчезало, в том числе и Миндл.

У него перехватило дыхание. Он еле проямлил:

— А она, Пэрл... захочет?

Зхарья снова зашелся визгливым смехом. Поблескивая черными, влажными щелочками глаз, он только рукой махнул:

— Ну и скажешь, Нойехце... Хочет ли она? А кто ее спрашивает?

И оборвал смех:

— Кто здесь хозяин?

Вскоре справили свадьбу.

А после свадьбы оказалось, что незадолго до этого Зхарья втихомолку мельницу продал. В тягость стала она ему на старости лет. Хватит с него и того, что приносят проценты. А от прислуги — зачем ему взрослая прислуга — надо было как-то отделаться. Тем более, не просто прислуга, а родственница, бедная родственница... Так надо ей подыскать жениха, сделать доброе дело, чтобы, как говорится, и перед богом, и перед людьми. Жених, правда, неважный, но ничего, сойдет. Ну, а Нойехце? Хе-хе, пусть не будет ослом и не развешивает уши, принимая на веру все, что ему говорят...

Так началась семейная жизнь Пэрл. Обманутый Ной считал ее главной виновницей своих бед. Полгода не прошло, как она от его брани и побоев убежала куда глаза глядят. Даже не посчиталась с тем, что ребенок под сердцем стучится. Одни говорили, что она живет где-то в дальней деревне, другие — что в городе устроилась прислугой.

Ной ее не искал.

Неожиданно, посредине зимы, Пэрл появилась с посиневшим, почти замерзшим младенцем — девочкой на руках и, сама еле живая, так и свалилась у Ноева порога...

6

Ной приподнял отяжелевшие веки, прислушался. В непроглядной тьме за подводой словно катилось слабое эхо. Вскоре с ней поравнялась и легко обогнала повозка, запряженная парой рослых лошадей. Седоков он разглядеть не успел. Кучера в темноте вовсе было не различить, а сзади виднелась какая-то закутанная фигура — не то ребенка, не то женщины. Должно быть, подумал в полудреме Ной, кого-то везут с вокзала в соседний колхоз.

Он громко чмокнул губами, подбадривая своих буланных.

Одна из лошадей вдруг споткнулась. Керосин в бочке хлопнул сильнее.

А Ноя меж тем снова одолел сон. Расслабленные пальцы выпустили вожжи, уронили добрый кнут, подарив его степи. Обрадовавшись тому, что их оставили в покое, лошади, пофыркивая, все замедляли и замедляли шаг. Казалось, их тоже баюкала и вместе с тем пугала прохладная, неудобная ночная тьма с очень слабыми просветами где-то там, на краю неба...

Вдруг раздался сильный треск. Спросонья он показался Ноем оглушительным. Спрыгнув с телеги, он еще больше испугался. Лошадь, шедшая в упряжке слева, скалила крупные зубы, била копытами по воздуху, хрипела. Одним концом у нее на шее, другим — за колесо зацепилась выпавшая из рук сонного Ноя вожжа.

Голосом невиданной ночной птицы прокричала где-то поблизости автомашина. Вот она уже рядом, и не успел Ной разобраться, что за беда приключилась, как из остановившейся машины выскочил водитель — ловкий молодой парень, бросился к лошади и сильным ударом ножа разрубил душившую ее туго натянутую вожжу. Буланый тяжело рухнул на колени, затем медленно, все еще продолжая хрипеть, поднялся.

— Откуда? — спросил шофер Ноя, смерив его презрительным взглядом.

— Из колхоза я, — растерянный, напуганный случившимся, тихо ответил Ной, — из «Октября».

— Много там таких соней, как ты? — съязвил шофер и обратился к кому-то сидевшему в машине: — Вот, поработай с такими...

— Да что ты, да я и не спал, — пытался оправдаться Ной, — что ты... И как только все это произошло...

Постепенно приходя в себя, он, что-то бормоча, стал приводить в порядок упряжь, поглядывая в сторону автомашины: кто это там едет, кого нелегкая несет?

Из кабины выглянула женщина. «Неужто Пэрл? — оторопело подумал Ной. — Только этого не доставало. Машину за нею снарядили, как же!»

Но это ему только померещилось, а стояла возле него, выйдя из машины, Березина — новый секретарь райкома партии.

— Так говорите — из «Октября»?

— Оттуда...

— Как звать-величать?

— Бердник, Ной Бердник.

Быстрым взглядом Березина смирив его с ног до головы.

— Знатная доярка Пэрл — ваша жена?

Он посмотрел на ее снизу вверх:

— Ну так что?

— Что значит «ну так что?»

— Ну, моя.

Некоторое время Березина молча смотрела на этого странного ершистого человека, словно изучая его.

— Что вы меня так разглядываете? — не выдержал Ной. — Не такой человек, как все?

— Наслышана о вас, — ответила Березина, — вот и хочется посмотреть.

— Что такое вы слышали? Можно подумать...

— Была бы рада услышать другое.

— Моя это забота, ничья больше, — пробормотал Ной.

— Что именно?

— А вот то, как я с женой живу.

Он замолчал. Затем, как бы на что-то решившись, шагнул в сторону Березиной:

— Спросить можно?

— Спрашивайте.

— Вот вы тут секретарь райкома, командуете... Так вот ответьте мне...

Ной перевел дыхание. Еще шагнул вперед.

— Вы мне приказали отвести на колхозный двор моих лошадей, я отвел.

— Не я приказывала, — перебила его Березина.

— Не вы, так другой, какая разница? Но я отвел. Два коня у меня было — обоих отвел. И корову отвел. Сейчас скажите мне, — он прищурил глаза, — жену я тоже должен колхозу отдать? Или, может, такого закона пока еще нет?

«Не так уж он прост», — подумала Березина. Подождав, может, он еще что-то спросит, но не дождавшись, она тихо, даже как-то растягивая слова, сказала:

— Вот для вас, Бердник, действительно все равно — что колхозная лошадь, что ваша жена. Обeim, вижу я, от вас достается...

Она подошла к буланому, который все еще тяжело мотал своей большой головой, ласково, успокаивающе провела рукой по длинной морде, а Ною сказала:

— Запомните, Бердник: с прежним «моя жена, моя лошадь; что хочу, то творю» — покончено. Сейчас это не только ваша, но и наша общая забота.

Ной молчал.

Березина еще что-то хотела сказать, но потом подумала, что обстановка для этого малоподходящая, и только спросила:

— Когда жена приезжает?

Он снова снизу вверх бросил на Березину подозрительный взгляд:

— Не знаю.

— Мы с вами еще поговорим, Бердник. Я как раз собираюсь к вам в «Октябрь» поехать, там и поговорим.

Она заторопилась к машине и, уже сидя в кабине, крикнула Ною:

— Подождите, дайте лошади прийти в себя...

Машина тронула с места, блеснула фарами и скрылась в ночной степи.

Ной еще долго стоял возле телеги, смотрел туда, где скрылась машина, и бормотал: «Хозяева! Все их касается». Лошадь все еще ворочала головой из стороны в сторону. Со сжатым кулаком Ной подошел к ней с намерением отвести душу, но занесенная рука почему-то повисла в воздухе. Он опустил ее и с воплем: «Хвороба вам в кости!» — принялся связывать разрезанную вожжу.

7

Подрагивая, маленькая звездочка все пыталась, но никак не могла вырваться из плена, в котором держала ее лужа у колодца.

Ной завернул повозку, чтобы напоить лошадей. Отъезжая, колесами взболтал лужу, погасил звездочку.

Дальше дорога шла на подъем, и как ни подбадривал он буланых: и губами чмокал, и вожжами шевелил — кнута-то не было, — двигалась телега медленно.

Тьма над степью меж тем начала редеть.

Отъехав несколько километров, Ной услышал — или ему это показалось? — чей-то далекий крик. Потом до него уже более явственно донеслось:

— Э-ге-гей!

Остановился, прислушался — ничего. Тронул с места лошадей, и снова:

— Э-ге-гей!

«Кто-то хочет, чтобы его подвезли, — подумал Ной. — Если по пути — почему бы нет? Конечно, не за спасибо. Такая известная: легкий пассажир — трояк, с поклажей — два трояка».

В первых проблесках рассвета Ной вскоре разглядел вдали расплывчатое пятно: кто-то с двумя узлами возле ног стоял у дороги.

«С поклажей, — обрадовался он. — Два трояка, не меньше. А если нет, пусть топает пешком».

Впервые за эту трудную ночь Ной немного повеселел. Вынул из кармана сложенную газету, аккуратно оторвал кусок, сделал самокрутку, осторожно насыпал махорки.

Человек там, впереди, ждал. Вот Ной уже разглядел поклажу. В глаза бросилась белая плетеная корзинка... И сразу — до удушья — горло перехватил дым от папиросы. Первая мысль — развернуть лошадей... Но было уже поздно...

Застигнутый врасплох, он не знал, что делать, как держать себя, и пробормотал первое подвернувшееся на язык:

— Откуда? Ночью, одна...

Будь он не так растерян от неожиданности этой встречи с глазу на глаз в ночной степи, может, и услышал бы в ответе и удивление, и нечто похожее на радость, на готовность что-то простить.

Но он ничего не услышал. Может, — вдруг подумалось ему, — он-таки заснул, и все это ему снится? То, что потерял кнут, что коня чуть не задавил... Машина, Березина... А сейчас она — Пэрл...

Но нет — вот она стоит перед ним — в новой шали, в городского покроя платье и жакете. Он ее еле узнал: будто Пэрл и не Пэрл... «Что она там говорит? Ага, объясняет, что никого из их колхоза на вокзале не нашла, попутной подводой, видно, той, что меня обогнала, — подумал Ной, — она добралась сюда, до поворота на Калинино, а отсюда надо как-то

добираться домой. Она уже давненько стоит с вещами. И вот услышала — кто-то едет...»

— Откуда же ты сейчас, Ной?

«Иди рассказывай ей»...

Его постоянное недовольство женой, недовольство ее отъездом, приездом, тем, что, несмотря на все уловки, все же ему придется доставить ее домой, — все это накопилось, комом встало в горле, не передохнуть.

— Тут вот, — еле выдавил он из себя, — Березина на машине проезжала... Пусть бы... ты же из них, этих самых... Пусть бы она тебя и подвезла.

— Березина? — переспросила Пэрл. — Верно, со станции ехала. Если бы она меня увидела, конечно, подвезла бы.

Сказала она это просто, как что-то само собой разумеющееся. Именно эта простота и уверенность окончательно вывели Ноя из себя. Березина... Его она готова была растерзать... И за что? За то, что чуть не удушил колхозную дохлятину... Эта дохлятина для нее важнее, чем он, Ной. А Пэрл, о, ее бы она усадила в машину рядом с собой! Так пусть же она, Березина, ее и отвозит. Она, а не он, Ной. Он здесь ни при чем. Хватит! Не нужна ему жена, которая — все, в то время как он — ничего. Если ничего, так вот...

На передке телеги, там, где он уже было освободил местечко для Пэрл, Ной опять широко расселся и сильно хлестнул лошадей вожжами:

— Но-о!

— Стой!

Ной не успел глазом моргнуть, как эта сумасшедшая Пэрл оказалась впереди лошадей — они же могли ее растоптать! — и бесстрашно схватила их под уздцы.

— Стой, говорю тебе!

Такой он ее еще не видал. Шаль сползла с головы на плечи, темные волосы рассыпались вокруг побледневшего лица. Казалось, на этом лице остались одни глаза, и в них — синеватое, как горящий спирт, пламя. Она стояла перед ним совершенно иная, незнакомая, высокая — намного выше его... Он ее сейчас видел как будто впервые.

— Не убежишь, — говорила она, с трудом переводя дыхание. — Вот тут, сейчас, все между нами решится. Раз и навсегда. Или — или...

Не он, а она держала лошадей под уздцы, и Ной почув-

ствовал: здесь, в этой предрассветной степи, жизнь обоих — его и ее — легла на чаши весов, и какая чаша перевесит, так оно и останется.

Он попытался перевесить в свою сторону.

— Мне жена нужна в доме, а не в колхозе. Хватит... Отдал лошадей, корову... С меня — хватит!

— Ной! Ной! — чуть ли не простонала Пэрл, и столько было в этом зове и боли и упрека, что он замолчал.

Перед глазами Пэрл в это мгновение пронеслась вся ее жизнь — с тех пор, как она, еще ребенком, маялась в прислугах у Зхарьи... Замужество... Уход из дому и потом возвращение с полузамерзшим младенцем на руках. Годы безрадостного труда, издевательств и горя. Сколько горя! Затем колхоз. Она вступила в колхоз, стала там работать, и наступила совсем другая жизнь. Нелегкая жизнь — в колхозе свои трудности. И дома работы хватало. Но только теперь она себя впервые почувствовала человеком. Так неужели она от этого откажется, вернется к старому? Она знает — ему, Ною, обидно. Что обидно? Что она не такая, как он? Но разве ему кто-либо мешает тоже стать человеком! Его злит, почему люди ее уважают. Ну так что же? Почет ей дался не даром, она его заслужила трудом. А ведь Пэрл знает, что его жжет, отчего он покою не находит. Не удалось ему тогда стать вторым Зхарьей, вот он до сих пор и бесится. Он бы и сейчас не прочь стать Зхарьей, хотя времена таких зхарье давно прошли. Все это она понимает, а он — нет. Как же ему втолковать?

Там, у моря, Пэрл впервые за многие годы имела достаточно свободного времени, чтобы подумать, поговорить с людьми. Многое в собственной жизни, в жизни других ей стало яснее. Прнеду домой, — решила она, — и попытаюсь дать понять Ною то, что самой понятнее стало. Потому-то она сейчас схватила и так крепко держала лошадей под уздцы.

— Для тебя, — говорила она, — работа в колхозе повинность, для меня — радость. В этом — главная между нами разница. И эту радость ты у меня не отнимешь, слышишь? Не отдам я ее!

Она попыталась взглянуть ему в глаза. Он их еще ниже опустил. Нет, не в его сторону перевешивает чаша весов.

Ну, и не надо! Хвороба им всем!

— Пошел! — Ной бешено рванул вожжи на себя, поднимая буланых на дыбы.

Пэрл упала. С минуту, оглушенная, лежала на земле. Медленно поднялась, отряхнула платье, осмотрелась. На востоке край неба украсила узкая алая полоса, и оттуда, от этой полосы, резко потянуло холодом.

Посмотрев вперед, вдоль дороги, Пэрл еще успела заметить, как на удаляющейся телеге трясется голова Ноя. Телега все уменьшалась и уменьшалась, тарыхтела все слабее, слабее. Вот ее уже и совсем не слышно.

И вдруг Пэрл почувствовала, что всю ее, с ног до головы, охватило ощущение какой-то небывалой легкости. словно громадная тяжесть, которая годами давила ее, постепенно сползала и вот, наконец, окончательно исчезла... Была — и нет ее! И стало легко, легко...

«Ноиха... Ноева Пэрл...» — прошептала она и светло, радостно улыбнулась бескрайней просыпающейся степи. — Неужели так ее звали? Она еще сама себе не верит, но, кажется, с этим уже покончено. Сейчас она просто — Пэрл.

С белой плетеной корзиной в одной руке, с узелком потяжелее в другой — Пэрл шагала туда, где в серой пелене тумана, уже еле заметная, спускалась в глубокий овраг Ноева телега.

ВЕТВИ ОДНОГО ДЕРЕВА

(Две новеллы)

ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Трудно почему-то давалась ему, уже немолодому художнику, эта картина. Казалось бы, все ясно, все найдено, но чего-то не хватает. Именно того, что объединило бы все части картины, стало бы ее средоточием.

Самоуверенностью он никогда не отличался. Приступая к новой вещи, всегда чувствовал себя начинающим. Но тут «сопротивление материала» особенно раздражало, потому что никак не удавалось уловить ту таинственную точку, без которой совсем уже готовая картина все же оставалась внутренней незавершенной.

В этот день, как и в предыдущие, он часами блуждал по городу, добрался до самых дальних окраин, с моста долго наблюдал завихрения только что освободившейся ото льда реки. И все не мог найти того, что искал.

Сосредоточенный на этом внутреннем поиске и несколько смущенный, он вернулся к центру города. Переходил улицу в направлении сквера и едва не попал под автобус. Удивился сам себе: машину не заметил, а мгновенный укоризненный взгляд водителя сквозь ветровое стекло уловил...

Весна в этом году запаздывала. Пора бы уже быть первым клейким листочкам, а на деревьях еще только набухали почки, да заметно изменилась, стала более яркой окраска стволов. Над сквером словно витала прозрачная, светло-зеленая дымка.

Почти все места на скамейках были заняты. Пожилой человек читает газету. Две молодые женщины ведут между собой оживленный разговор. Трое девочек нагнулись над тетрадью, которую одна из них держит раскрытой на коленях. А там, дальше, уединившись, о чем-то шепчется юная пара... И над всем этим мягкие, легкие очертания пробегающих в вышине облачков.

Уже на выходе из сквера он увидел свободную скамейку и на минуту присел.

На противоположной скамейке пожилой человек отвел глаза от газеты и по-дружески, добродушно кивнул художнику. Художник хорошо знал этого человека. Знал, что лет тридцать назад тот приехал сюда, в тогда еще не обжитое дикое место, вложил немало своего труда в рождение этого молодого, красивого города. Сперва был строителем, затем, когда поднялись корпуса известного сейчас далеко за пределами города предприятия, стал там мастером цеха. И вот теперь он на пенсии. У него два женатых сына, дочь замужем, есть уже взрослые внуки. И этот город, который с каждым годом становится все просторнее и краше, тоже вошел в его жизнь, в его судьбу, как родное, любимое детище.

Проходя мимо, с художником поздоровался невысокого роста широкоплечий мужчина. Он заметно прихрамывал.

Лет двадцать пять тому назад, когда он, художник, впервые прибыл в эти места и работал в одной из школ преподавателем рисования и черчения, этот человек был его учеником. Одним из лучших в седьмом классе и в то же время от-

чаянным шалуном. Хромать он стал значительно позже, раненный в боях под Курском.

Художник пересек аллею и присел к знакомому пенсионеру, который продолжал читать газету.

— Что интересного вычитали? — спросил художник.

— О, сегодня много интересного. Главное — вот это...

Заметка, привлекавшая внимание пенсионера, не содержала ничего особенного. В ней сообщалось, что еще одна страна подписала Московский договор о частичном запрещении ядерных испытаний.

— Да-а, — протянул художник. — Подписывают. Это, конечно, хорошо...

— Хорошо? Это не просто хорошо. Это очень и очень важно! — воскликнул пенсионер. От волнения он слегка скомкал газету и, ткнув ею куда-то вправо, с жаром добавил: — Для нее важно, понимаете, для нее!

Обернувшись направо, художник увидел: в светло-зеленой надвинутой на самые глаза шапочке и легкой красной шубке трехлетняя девочка играла в камешки. Она до того увлеклась игрой, что, казалось, ничего не замечает вокруг. В широко расставленных чистейшей голубизны глазах было такое выражение интереса, сосредоточенности, словно, складывая камешек к камешку, она делает самое важное в мире дело.

Видимо, одна из женщин, оживленно беседовавших на скамейке, была матерью девочки. Разговаривая, она время от времени бросала взгляд на увлекшегося игрой ребенка.

Девочке не хватило камешков. А там, подалее, их лежит много, самых различных: заостренных, круглых, плоских. Она устремилась к ним и на полпути упала. В мгновение ока мать была возле нее.

— Ах, ты! Что я тебе говорила? Сейчас же садись на место!

Но девочка упорно тянула из маминной руки свою испачканную ладошку.

— Ну, чего там, — отозвалась со скамейки подруга, — пусть играет. Ничего с ней не станется.

Продолжая сердиться, но уже больше притворно, чем на самом деле, мать отряхнула шубку ребенка и вернулась на прежнее место. А крошка, набрав горсти прелестных камешков, поспешила туда, где ее ждало незавершенное сооружение.

Художник все время не спускал с ребенка глаз.

— Как вы сказали? — обернулся он к соседу по скамейке. — Для нее это важно?

И внезапно перед ним в новом свете предстало все вокруг — и этот сквер, и сосед на скамейке, и только что прохромавший мимо инвалид войны, его бывший ученик, и возвышающийся неподалеку стройный обелиск с цветами у подножия, и золотыми буквами на белом мраморе: «Вечная память...»

Все словно сомкнулось в этот миг — и день сегодняшний, и день вчерашний, и все жертвы, принесенные во имя того, чтобы эта девочка в красной шубке могла вот так спокойно играть своими камешками в этом сквере.

Он долго ждал, чтобы девочка посмотрела в его сторону, и когда она подняла на него глаза, спросил:

— Как тебя зовут?

— Света.

— Света? Что ты там строишь, Света?

— Я строю большой, большой дом, вот как тот, напротив. Он ее слегка потрепал по веселым вихрам.

— Ну, ладно, иди, достраивай свой дом.

Сам же он вынул из бокового кармана небольшой альбом для эскизов и на чистом листке стал торопливо набрасывать черту за чертой. Взгляд в сторону девочки — штришок, еще взгляд — еще штришок. Обо всем окружающем он словно забыл, и даже картина, над которой давно уже работает и никак не может завершить, его больше не беспокоила. Он чувствовал, он точно знал: вот это ему обязательно удастся.

Пенсионер, искоса заглядывая в альбом, с интересом наблюдал, как из торопливых, казалось бы, в беспорядке брошенных на бумагу штришков начинают вырисовываться деревья, скамейка, угол у обелиска, ребенок у его подножия...

— Вы рисуете девочку? — тихо, боясь помешать, спросил он художника.

— И да и нет, — не отрываясь от работы, ответил художник.

— Как это понять?

Ответа не последовало. Лишь затем, уже закрывая альбом, художник пояснил:

— Тут у меня разные наброски, так сказать, заготовки.

Одни когда-либо пригодятся, другие, скорее всего, нет. Но вот за этот, — и он показал на последний этюд, — я должен сказать большое спасибо вам. Вы даже не знаете, на какую мысль меня навели.

— Я?

— Вы! Я напишу картину. И в ее центре будет ребенок, девочка... Нет, не обязательно именно эта девочка. Через нее я покажу много девочек, всех детей земного шара. Всех тех, кому необходимо, чтобы на земле была вот такая весна, такое небо, такие распускающиеся деревья...

— Правильно! — воскликнул пенсионер с тем же жаром, с каким не так давно обратил внимание художника на девочку с ее камешками. — Правильно, чтоб я так жил на свете!

— Если получится, — улыбнулся художник, пожимая руку старику.

«Если получится...» Каждый раз, приступая к новой работе, он произносил эти слова вполне искренне, с затаенной тревогой. Сейчас этой тревоги не было. Сейчас он был уверен: картина будет. Она уже рождается в нем, как в набухшей почке сочный зеленый лист.

КРАСОТА

I

Людей, равнодушных к красоте, представляю себе с трудом. Говорят: «Красота и ум — не одному, а двум». У меня это вызывает досаду: такая ли уж редкость сочетание внешней и внутренней красоты в одном человеке?

«К чему это я?»

А вот...

Несколько лет назад в последний день командировки в Москве я заглянул как-то в огромный столичный магазин «Детский мир».

Командировка была не очень длительной, дел, как водится, уйма. Были и заказы — от соседей, сослуживцев, в том числе и для детей: купить комбинированный костюмчик для мальчишки, цветные сапожки для девочки. Командировка незаметно подошла к концу, а я еще ни в одном магазине не

побывал. Ну и бог с ними, с заказами, думал я, взрослым объясню, что не смог, поймут. А что объяснишь детям? И в последний день перед отъездом я заглянул в магазин, заглянул с тем, чтобы, купив необходимое, тут же уйти, ибо времени у меня было в обрез.

Слегка потрескивали эскалаторы, вознося вверх и опуская на нижние этажи огромные массы покупателей, обремененных покупками.

В свободное время я люблю не спеша переходить из зала в зал, потолкаться среди людей. Особенно интересно наблюдать за юными покупателями. Вот молодая мать буквально тащит за руку трех- или четырехлетнюю дочурку. Мать спешит туда, где продают вязаные костюмчики изумительной расцветки и где уже выстраивается очередь, а девочка глаз не может отвести от великолепной куклы, восседающей в самом центре отдела игрушек. А этот мальчик, наоборот, нетерпеливо тащит за собой улыбающегося, несколько флегматичного на вид папашу к вожаденному углу с детскими велосипедами. Побродив эдак часок-другой, даже если ничего не купишь, все равно доволен, ибо уносишь в душе не одну радостную детскую улыбку, сияние счастливых детских глаз.

Но в этот раз у меня было мало свободного времени. Предстоял еще неблизкий путь в новый район столицы, где я остановился у своих родственников. Ориентируясь по многочисленным надписям, я стал разыскивать нужный мне отдел, и тут-то случилось то, что задержало меня.

Недалеко от центрального входа в магазин, посреди огромного высокого зала, привлекала общее внимание небольшая, экзотически убранная башенка, вся увешанная изнутри цветными игрушками. Особенно заняты были сделанные из тонкой жести пестро раскрашенные обезьянки. Снабженные особым механизмом, они, как живые, по тонкой натянутой проволоке быстро карабкались вверх, под самую крышу башенки. Легкое прикосновение к проволоке, и обезьянка столь же быстро спускается вниз... Каждый такой подъем и спуск сопровождался дружным хохотом сгрудившихся у башенки малышей. Невольно улыбались и взрослые.

В самом деле, малышам нравились обезьянки, взрослым же...

Я долго подбирал слово, способное хотя бы в отдаленной

степени дать представление о девушке, сидевшей в башенке и незаметно дергавшей за проволоку, по которой вверх и вниз двигались смешные обезьянки, но, возможно, слова такого нет. При всем своем несметном богатстве язык человеческий все же очень беден, и убеждаешься в этом при виде такого вот девичьего лица, как то, которое я увидел в башенке с обезьянками... Меня, как, очевидно, и многих стоявших здесь, лицо это властно и надолго приковало к месту.

Недоступно, горделиво, с осанкой сказочной царевны, устремила она какой-то потусторонний взгляд своих огромных светлых глаз поверх голов стоявших здесь и любовавшихся ею людей и с непоколебимым спокойствием делала свое дело: едва заметное прикосновение к проволоке — и раскрашенная обезьянка взбирается вверх, еще движение — и затейливая игрушка, почти касаясь лица девушки, скользит вниз. И так все время дурашливое уродство обезьянок как бы спорило с необыкновенной красотой их молчаливой повелительницы...

Позже, уже сидя в такси среди множества покупок, я все еще находился во власти внутреннего очарования случайно увиденного девичьего лица и каких-то навеянных им смутных мыслей. Постепенно мысли эти становились все определеннее, и, наконец, я понял, что мне девушку эту просто жаль. Да, жаль... Как же так, — думал я, — такое прекрасное лицо, такая юная, и это совершенно бездумное занятие, эти обезьянки... Вверх — вниз, вверх — вниз...

Я пытался представить, кто она, эта девушка, и что могло привести ее в эту башенку? То ли поступала в институт и не прошла по конкурсу и всем назло оказалась тут? То ли по окончании института спасается в этой башенке от поездки на периферию? А может быть, все наоборот: окончив торговую школу или курсы, направлена сюда на работу?..

Задумавшись, я не заметил, что дом моих родственников, у которых я остановился, мы проехали. Шофер меня предупредил, что этот новый строящийся район ему мало знаком. Мы повернули назад, заворачивали то к одному подъезду, то к другому и все невпопад. Кругом было много совершенно похожих друг на друга зданий и новостроек с одинаковыми подъемными кранами. Я отпустил такси и с покупками в руках, шагая через нагромождения строительных материалов, стал искать нужный мне дом.

2

Спустя год мне снова довелось быть в Москве. На этот раз командировка была и вовсе короткой — считанных несколько дней. Однако поручений и теперь хватало, в том числе и для ребят. В последний день перед отъездом я снова зашел в «Детский мир». И стоило мне только здесь очутиться, как я сразу вспомнил ту, уже забытую было девушку из башенки с обезьянками. Интересно, подумал я, все ли она еще здесь? Я прошел на знакомое место, и... Будто не бывало многих месяцев, прошедших со времени моего прошлого приезда в Москву... Будто само время остановилось у этой затейливо убранной башенки...

С тем же спокойным видом сказочной царевны, такая же недоступно горделивая, девушка смотрела своими прекрасными глазами поверх голов столпившихся у башенки людей и делала свое привычное дело: едва заметное прикосновение к проволоке, и смешная обезьянка карабкается вверх, еще одно прикосновение, и обезьянка спускается вниз...

Год прошел с тех пор, как я был здесь, целый год! Какие только события не потрясали мир в эти долгие двенадцать месяцев, а тут все как было — та же девушка в той же башенке, теми же заученными движениями гоняет тех же обезьянок вверх — вниз, вверх — вниз...

Ушел я отсюда с чувством какой-то смутной грусти, и еще больше, чем в прошлом году, мне было жаль эту девушку...

Такси снова везло меня в отдаленный район столицы, где живут мои родственники. Район этот выглядел теперь совершенно по-иному. С одной стороны тянулись целые кварталы девяти-, десяти- и двенадцатизэтажных зданий. А на противоположной стороне улицы мощные экскаваторы с неумолчным грохотом рыли котлованы под новые фундаменты.

3

Прошло еще полтора года, и я в третий раз на короткое время оказался в Москве. Застроенный со всех сторон высотными зданиями район, где живут мои родственники, теперь вполне уже мог сойти за самостоятельный и не маленький город. На глаза то и дело попадались броские вывески

магазинов, столовых, ателье. Вытянувшиеся на просторе ровными линиями здания сверкали на солнце большими светлыми окнами, радовали глаз пестрым разноцветьем балконов и прозрачными, почти сплошь из стекла, первыми этажами, в которых размещались почтовые отделения, кафе.

Напротив дома моих родственников сооружалось еще одно высотное здание, завершавшее собой ансамбль нового микрорайона. Из моего раскрытого окна на пятом этаже панорама стройки хорошо просматривалась, и в свободные минуты я с интересом наблюдал, как один за другим сюда подходят тягачи с громадными длинными платформами, доставляя целые блоки — стенные панели, дверные и оконные рамы. При помощи башенного крана все это быстро выгружалось и подавалось на строительную площадку.

Этажи как бы подгоняли друг друга. На седьмом еще только поднимали стены, а сквозь окна шестого уже видны были люди, занятые отделочными работами.

Вот вижу, девушка в синем комбинезоне, повязанная красной косынкой, из-под которой выбивается русский локон, свесилась из окна шестого этажа и что-то весело и в то же время требовательно кричит водителю только что подъехавшей машины. Выглянувший из кабины шофер помахал девушке рукой и что-то прокричал ей в ответ. Но гудел подъемный кран, девушка не расслышала ответа и вновь переспросила, еще больше перегнувшись через подоконник. Пока она ждала ответа, я внимательно присмотрелся к ней, и меня охватило какое-то непонятное волнение: где-то я уже видел это лицо...

Девушка внезапно исчезла, но вскоре появилась вновь, уже не одна — с подругой, одетой в такой же синий комбинезон, но без косынки, с подстриженными «под мальчика» черными волосами. Внизу тем временем подъехала другая машина, из нее вышли два парня, тоже в комбинезонах, и девушки оттуда, сверху, стали с ними весело переговариваться, пока один из парней не показал им кулак — хватит, дескать, ляссы точить, пора за дело браться! И тут меня осенило: да ведь это она — девушка из магазина, честное слово, она! Но куда девалось ее царственное равнодушие, ее холодное спокойствие, откуда столько веселья, жизнерадостности, задора?

На этот раз я уехал в командировку столь неожиданно, что никаких поручений и заказов никто не успел мне дать. И все же я в тот же день отправился в «Детский мир». Не

скрою, с известной опаской подходил я к тому месту, где стояла когда-то башенка с обезьянками. А вдруг мне померещилось, что та, в синем комбинезоне — девушка из башенки... вдруг я снова увижу ее здесь... Но башенки на месте не оказалось. Я обошел весь первый, второй и третий этажи, и нигде ни башенки, ни девушки, ни обезьянок не обнаружил.

Подарков я в этот раз никому здесь не купил, но уходил отсюда с таким чувством, будто меня самого кто-то порадовал большим подарком.

ИСААК БРОНФМАН

УЛИЦА ШОЛОМ-АЛЕИХЕМА

...Мне дорог этот город.
Люблю гудков его
Рассветный говор,
И звон Биры,
И сумерки аллея —
Здесь я встречаюсь
С юностью моей.
И часто снятся мне
Костры и ливни,
Гул тракторов
И перебранка пил.
Легли проспектов
Солнечные линии
В местах,
Где зверь таежный воду пил.
И не жалею,
Что кирпичиком здесь лег я
Вот в эти мостовые
И дома.
Взметнулся город
Птицей-песней легкой,
И я шепчу
Шолом-Алейхема слова:
«Смеяться здорово,
Врачи велют смеяться!»
На площадях цветет сирень, акация.
Шолом-Алейхем —
это значит
«Мир вам!»

Что может быть дороже
Этих слов!
Мой город спит
Под небосводом мирным,
Укутанный таинственностью
Снов.

Шолом-Алейхем —
Звонкий мастер слова —
Любил людей.

И был любим он ими.
Сегодня мы встречаемся
С ним снова

На улице,
Носящей это имя.
Здесь поднялись дома
До неба синего,

Здесь встали корпуса
Заводов новых.
Живут здесь люди
Честные и сильные —

Строители
Невиданнейшей нови.
Когда рассвет
Крыло зари расправит

И приподнимет
Черный полог ночи,
Ему навстречу
Двери открывает

К станкам своим спешащий
Люд рабочий.
О, если б мог
Шолом-Алейхем видеть,

Как труд их светел,
Радостен и славен.
Он — вечно молодой,
Смешливый витязь,

Великой Песнью
Труд людей прославил.
Над городом —
Распахнутые дали...

— Шолом-Алейхем, люди,

Мир вам, люди!
И улице мы это имя дали —
Она достойна.
И всегда так будет.

ГЕШЕФТ

(Из фронтовой тетради)

Мне с венграми досталось разделить
Победы радость.

Было все похоже
На то, что мне в тот день любой прохожий
Считал за долг улыбку подарить.
И я бродил, той радостью согрет,
По городку с беспечностью разини,
И подошел дорогой к магазину,
По случаю нехватки сигарет.
А он являл собою пустоту,
Среди развалин чудом уцелевший.
Да, пуст был он.

Но за прилавком плешью
Поблескивал хозяин на посту.
Хозяин — толст, в ермолочке и скор
В движениях —

развел руками: видишь...
На языке простого люда — идиш —
С хозяином заводим разговор.
На языке знакомом и веселом
Приветствие радушное звучит:
— Шолом Алейхем! — мне он говорит.
И отвечаю я: «Алейхем шолом!»
— Откуда ж вы, позвольте вас спросить?
Какие ветры по миру носили?
— Как видите, хозяин, из России... —
Он на погоны глазом стал косить.

— Э-э-э, как же не слышали!

Мир болтлив,

Как тот раввин из нашей синагоги.
Мой дед едва унес оттуда ноги,
Когда еще, хи-хи,

Я был соплив.

Вы скажете, он подобру сбежал?

Его богаче не было в Одессе!

А вы — откуда?

Извините, если...

— Есть город там такой — Биробиджан...

— Ах, — будто треснул на зубах орех, —

Туда же можно ехать на кончину!

Тайга, медведи, небеса с овчину...

Простите мне, хи-хи,

мой глупый смех... —

И он, повеселев и поблажев,

Прошелся за прилавком, подбоченься...

— Еще вопрос имею к вам, почтенный:

Какой вы там имеете

гешефт?

То на меня он весело глядел.

То зло —

на автоматную гашетку...

— Простите, — отвечаю, — но гешефтом

В знакомом идиш

я не овладел.

— Как можете шутить, — скривил он рот.

Но вот опять затараторил бойко:

— Мы магазин имеем?

Маслобойку?..

Чем делаем свой маленький доход?

Тут я захохотал — о, бизнесмен!

Лицо дельца

враз вытянулось тупо.

— А мой гешефт понять вам недоступно!

Простите мне, — ха-ха! —

мой глупый смех.

Спросить позвольте: вы давно с Луны?

Я вижу бизнес вам проел печенку.

Вы все еще — хозяином лавчонки,

А я давно — хозяином страны.

Я — тракторист, хозяин. Я, пашу —

И пышен хлеб мой на столе

Отчизны!

Вот это, я сказать вам должен, — бизнес.

О чем я, кстати, и стихи пишу.

О, у меня богаты закрома,

Засыпанные этими руками!

Но час пришел — бороться с сорняками

Нас призвала история сама.

А как живем, так тот напрасен спор:

Что спорить, если прежде не увидишь?..

Тем кончился на языке,

на идиш,

Приятный обоюдно разговор.

ГОЛОС МОСКВЫ

(Из фронтовой тетради)

После боя,

В лесу,

На походной стоянке,

Далеко от Москвы

Говорила Москва,

И сурово молчали

Тяжелые танки,

Будто слушали с нами

Родные слова.

О, как сладостна

Русская речь за границей!

Потеплели глаза,

Как под солнцем янтарь,

Таял снег в котелках.

Со снежком и водицей

Удивительно вкусным

Казался сухарь.

Нас не грела весна

В том году на чужбине.

Молча мы тосковали
О небе родном
Да о тихой березке,
О тонкой рябине,
Что у отчего дома
Стоят под окном.

Но зажегся сигнал,
Призывая к походу,
И на вздрогнувшем танке
Качнулась звезда,
И пошла на врага —
За весну, за свободу,
За горячее
Мирное
Солнце труда.

И несла, и несла
Колесница стальная
Голос ленинской правды —
Нашей правды слова.
И в свободном к утру
Городке у Дуная
В тот же утренний час
Говорила Москва.

ПРАГА

(Из фронтовой тетради)

О, Злата Прага! Счастлив я и горд
Тебя увидеть с этой башни
древней.
Мы шли к тебе не час, не день,
не год.
И вот пришли. Каштаны мирно
дремлют.
У ног твоих, струясь, бежит река.
Твой каждый дом поет и полон
света.

О, Злата Прага, — вот моя рука.

На дружбу дай свою. Искрится

лето

Звонящим смехом. Песенный

прибой —

Как отзвук позабытой канонады.

О, Злата Прага! Славлю я с тобой,

Твоих сынов, что шли на

баррикады.

И вместе с ними плачу и смеюсь,

Когда я слышу звонкий голос

детский:

— «Наздар» земле с названьем

гордым Русь!

«Наздар» — солдатам армии

советской!

О, чудо-город, как прекрасен ты.

Я шел к тебе сквозь гром

лихой атаки.

Я помню эти первые цветы,

Букетами лежащие на танке.

Одетый в зелень, ты цветешь,

как май,

Ты полон вешней радующей силы.

Народ свободный, в жизнь

смелей шагай.

Тебя России правда открыли!

К земле твоей

всем сердцем я прирос

И мнится мне — знакомый,

милый голос...

То Ленин говорит.

Сквозь вихри лет и гроз

Пробилось слово,

будто к солнцу колос.

Ильич... И словно пламенный набат

Передо мною оживают снова.

Дни Пражской конференции.

Стоят

Большевики за ленинское слово...

О, Злата Прага! Счастлив я и горд

Тебя увидеть с этой башни древней.
Мы шли к тебе
 не час, не день, не год.
И вот пришли. Каштаны мирно
 дремлют.

В РОДНОМ СЕЛЕ

Я снова здесь, в родном селе,
Смотрю, как тянутся во мгле
К земле созвездий нити:
Ночной Амур колышет их,
И пляшет свет миров иных
В его воде, как в сите.

Водою талой луг набух,
И почки лопаются вслух
В саду у спящих окон;
А лес обнову ткет себе,
И первый, радуясь судьбе,
Зеленый вьется локон.

И этот луг, и этот бор,
Как восклицанья — пики гор
Хочу запечатлеть я.
Я только гость,

 но все, что есть,
Со мной, во мне,
 как будто здесь
Живу тысячелетья.

БЕССМЕРТИЕ

Я — у братской могилы
На станции Ин.
С неба пухлыми хлопьями
Падает снег.
На висках оседает он
Прядью седин.

И слезой на щеке
Оставляет он след.

Ветер тихо
Забывшие песни поет.
Прогрохочет состав —
Будто гром прогремит.
В каждом камне
Тут слава героев живет,
Эту славу тут
Каждый распадок хранит.

В пенье ветра
Мне чудится голос бойца,
Поднимающий в бой
Поредевший отряд.
Слышу — кличет Шевчук:
— Тут стоять до конца!
Вижу буйным пожарищем
Зори горят.

Через станцию мчится
Тяжелый состав —
Или то бронепоезд
Уходит в дозор?
Мерно бьется
О рельсы колесная сталь,
И суров машиниста
Пронзительный взор...

Я у братской могилы.
И кажется мне:

Шепчет ветер,
Он было ненадолго стих:
«В нашем нынешнем дне,
В нашем завтрашнем дне
Их бессмертные,
Слава крылатая их!»

РОЗЫ

Две белых розы в комнате моей.
Красив и нежен грустный их наряд.
Две розы у меня,

и много дней

Они, как два светильника, горят.
Их поливаю чистою водой,
Слезами, с тишиной наедине,
Мужчины, что не плачут над бедой,
Пусть будут справедливыми ко мне.
Я двух сестер лишился в ту войну,
Над страшным гетто долго стлался

дым...

И эти розы белые к окну
Поставил я, как памятники им.
Заходит солнце. Время поливать.
Что значит жить?

Любить сестер своих,
Погибших никогда не забывать
И охранять,

И охранять живых...

ИЮНЬ-КОРАНЬ

Мне кажется, что в солнечную
рань
Задумчиво глядит Июнь-Корань.
Прославленная в битвах высота,
Опять тобой полна моя мечта.
Сверкнула, как штыка стального
грань,

Роса в густой листве

Июнь-Корань....

Стою я, покоренный красотой,
Перед тобою — гордой высотой.
Июнь-Корань, я бесконечно рад,
Что мирно птицы над тобой парят,
Что старый след траншеи боевой

Давно зарос курчавую травой,
Что нет колючей проволоки тут
И стерт с лица земли войны редут.
В снегах, метелях стали и огня
Здесь люди закалялись,
 как броня,
И, как всегда, шли первыми вперед
Партицы Ильича —
 за взводом — взвод.
С волнением на воина смотрю,
Он отдал жизнь родному Октябрю
И, воплотившись в памятник-
 гранит,
Навеки славу русскую хранит.
И устремляет свой орлиный взор
В родной, свободный,
 солнечный простор.

ПРИАМУРЬЕ РОДНОЕ

Закат догорает на гребнях Хингана,
И степь приделась в вечернее платье,
Скирда уже кажется скифским курганом,
И горизонт свои сузил объятья.

Мы едем неспешно на «газике» с поля,
Порой о крыло задевают колосья,
И словно о чем-то мечтают раздолья,
И словно скрипят в отдаленье полозья.

А может быть, сельские это криницы
Поют, подымая тяжелые ведра,
И люди к ним с поля подходят напиться,
Чтоб жажду унять и почувствовать бодрость.

Так, помнится, было в селе на Украине. Где рос я когда-то, учился, работал,

Но с краем родным я расстался и втайне
О нем тосковал
В приамурских широтах.

С тех пор утекли уже десятилетия,
В суровую почву, как дерево, врос я,
На этой земле родились мои дети,
Как эти возвращенные мною колосья.

Не надо мне лучше, чем край Приамурья...
Вот эти леса, полноводные реки,
Луга, новостройки и неба лазурь я
Давно полюбил горячо и навеки.

...Закат догорает на гребнях Хингана,
И степь приделась в вечернее платье,
Её — с перелеском, дорогой, стогами —
Как мать, заключить бы мне нежно в объятия!

ОСЕНЬ

Не омрачай меня. Чем хочешь докучай.
Но только стариком меня не величай.
Цветет и старый сад, чья крона так густа,
Как он, белоголов и я в мои лета.

По молодости ты насмешлива со мной,
На сопку поглядев, пугаешь крутизной,
Прощаю я тебе заносчивость твою:
Иду и ни на шаг — смотри — не отступлю!

И я люблю, как ты, и радуюсь, как ты,
Во мне, как и в тебе, не меркнет жар мечты,

И кажется порой, что время молодит,
И что реки моей шуга не охладит.

Но лишь сомкну глаза — мерещится вдали
Низина. Голый лес. Холодный лик земли.
Звенит мой листопад. Иду и не ропшу.
Но к сердцу своему его не допущу.

Не омрачай меня. Чем хочешь докучай,
Но только стариком меня не величай.
Хотя все больше я в недугах одинок,
И желтая метель шуршит у самых ног...

ГДЕ ОН, ЭТОТ СОЛДАТ?..

Где он, парень,
Что когда-то,
Весь буржуйский род кляня,
Завернул в шинель солдата
Несмышлениша, меня?
Сам, видать, с пеленок понял,
Как сиротский хлеб горюч, —
И понес меня он в поле,
В рожь, высокую — до туч!
А потом в палатке, жженной
Солнцем, ветром и огнем,
Угощал солдатской пшёнкой,
Чтобы помнил я о нем.
Август плыл шмелиным гудом
По-над степью молодой...
Улыбался белозубо
Парень
В шлеме со звездой!
Этот шлем храню донныне,
Вспоминая о бойце,

Словно о любимом сыне,
Словно о родном отце.
Где он, где он, этот парень,
Жив ли, все ль еще в строю,
Или пал,
Как сотни пали,
Он за Родину свою...

ГРИГОРИЙ РАБИНКОВ

ДОМ

Рассказ

Когда Бася, медленно приподняв набрякшие веки, открыла глаза, комната еще была погружена в реденький полумрак. «Такая рань! — удивилась она, — а может быть, это ей кажется?» В последнее время с глазами что-то стало неладно. Все сливается. Окутывается мутиью... Но дольше оставаться в кровати не хотелось. И так наворочаешься за долгую бессонную ночь!

Она осторожно ступила на коврик и почувствовала колющую боль в левой ноге. Вот те на, — опять начинается! Что-то очень часто в последнее время стали выходить из строя то одна, то другая нога... Бася как-то обратилась за советом к соседке, которая тоже маялась ногами, но та лишь усмехнулась:

— Что вы хотите, Бася, восемьдесят годочков, не сгладить бы.

Бася тогда досадливо поморщилась. Не любит она, когда заговаривают о ее годах. Глупости. Годы здесь ни при чем. Вот приедет внучка Ася из Хабаровска — она что-нибудь придумает...

В глаза Басе бросился царивший в комнате ералаш: этажерка с книгами внучки Любы почему-то сдвинута с места. У стены — нагромождение чемоданов и узлов, стул на столе лежит вверх ногами, словно прирезанный телец. В соседней комнате многогласо переговариваются, двигают стульями. Что-то тяжелое грохнулось о пол, после чего во всей квартире долго стояло мелкое дребезжание.

Она надела теплую вязаную кофту, взяла свою палку и

шаркающе направилась узнать, что там за гармидер в такой ранний час. Но по дороге, взглянув в окно, увидела возле подъезда грузовую машину, на которую внуки ее, Изя и Лена, водружали недавно купленный сервант. Сердце у Баси сильно стукнуло, она прислонилась к притолоке, и губы ее взволнованно зашептали:

— Что? Сегодня? Таки сегодня переезжаем!..

Последние два года Басе все труднее и труднее было спуститься со второго этажа во двор, и она целыми днями просиживала у окна, выглядывая своими круглыми, еще довольно живыми глазками, на расстилавшийся перед нею обширный пустырь. В течение стольких лет она привыкла видеть там ряд посеревших деревянных домов. Сейчас этих домов уже нет. Снесли недавно. Земля вокруг торчащих остатков фундамента заросла крапивой, а по опустевшему двору шумливые сорванцы с утра до вечера гоняют свой мяч.

Соседки исходили завистью:

— Везет же людям!

— Такие здания, стоять им да стоять — сломали, а нашу облезлую развалюху и черт не берет!

— Украшение для города, да еще у самого въезда. Достопримечательность такая!

— А что вы думаете, — полушутя произнесла Бася, высовывая голову из окна, — возможно, потому и оставляют. Еще когда мы начали строить этот наш дом, дядя Фоля — это было вон там, — она указала пальцем на какое-то ей одной известное место в глубине двора, — вон там дядя Фоля произнес речь: «Помяните мое слово, — сказал он, — будет здесь большой город, широкие улицы и многоэтажные дома, как у нас в Житомире. Но первый дом, которым мы начинаем наш город, останется памятником для потомства...»

В доме еще многие помнили веселого дядю Фолю с его рыжевато-сивой козлиной бородкой. Совсем недавно его не стало. Прилегла она, Бася, как-то после обеда немного вздремнуть, вдруг слышит, во дворе грянула музыка. Та «прекрасная» музыка! Она приподнялась и встревоженно спросила, кого хоронят. Но дочь нехотя бросила: «Никого. Спи, спи!» — и поспешно вышла из комнаты.

Кто мог подумать, что это дядя Фоля приказал долго жить...

Последнее время, однако, Бася все чаще и чаще по вос-

кресеньям стала видеть из своего окна, как грузовики с домашним скарбом съезжают со двора под развеселый гик и гомон малышни, под пожелания и напутствия соседей. И все меньше и меньше становится жильцов, с которыми она столько лет прожила под одной крышей. Когда уж она увидит их! Живут-то ведь они где-то на десятой улице... Все чаще дочь ворчала на своего младшего зятя Леню, живущего с ними:

— Инженер ты и прораб, а прозябаем в этой халупе. Скоро в доме останемся одни мы!

Что отвечал Леня, она не расслышала, поманила его пальцем. Леня подошел — невысокий чернявый паренек со смеющимися черными глазами. Недавно он женился на ее любимой внучке Любе, работающей техником на заводе.

— Говоришь, и наш дом будут ломать? — спросила его Бася.

— Да, бабушка, будут.

— А на его место что?

— Дом большой, стоквартирный, и сквер до самой дамбы...

— Кто же это будет строить такую махину, ты?

Леня улыбнулся:

— Возможно.

Однажды Бася увидела, как во двор въехала машина и свалила груды старых досок и стояков. В тот же день возле ее окна вырос глухой забор, за которым скрылись полдвора по самые сарай и почти весь дом до их подъезда. Мертво выглядывала оттуда лишь часть крыши.

Бася закрыла глаза, и в ее слабо дремавшем мозгу очень ярко, будто и не пронеслось уже столько годов, всплыли летние вечера... Большое красное солнце опускается за дальними сопками. Крошечный вокзальчик, несколько разбросанных хибарок, вросших в землю оконцами... По эту сторону линии, напротив вокзальчика, первые переселенцы строят свой первый дом... После нелегкого рабочего дня на лесозаводе, для которого они вылавливали из быстрой реки древесину, складывая ее в штабеля на лесистом берегу... Вон там, где сарай, в канаве месили глину с рубленой соломой, делали сырец. Ночами напролет делали его, чтобы назавтра же вложить в стены...

Лица давно позабытых людей возникают перед нею. Вот тот, из Балты или Тирасполя. Молодой человек лет эдак под тридцать, в пухлых синих галифе и начищенных сапожках.

Приехал сюда с друзьями искать легкого счастья. Днем околачивался на берегу реки. Все присматривался, стоит ли ему замарать свои сапожки. Вечером тоже приходил туда, где строился дом. Торчал в сторонке на сухом местечке, курил и что-то прикидывал в уме. Бася как-то спросила у него, о чем он так упорно и тяжело думает все время. Свертывая сигарку, молодой человек лукаво зыркнул на нее исподлобья:

— На свете, тетушка, говорят, есть дураки и недураки. Так вот, хочу установить, к каким я отношусь.

— Ну и как ты находишь? — допытывалась Бася.

— А вот скоро, тетушка, выясним.

Дня через два после разговора он отправился со своим чемоданчиком к вокзалу.

А вот дядя Фоля, который у себя там, в Житомире, был бухгалтером в кустарной артели, а здесь, на новом месте, оказался первым умельцем, мастером на все руки, озоровато весело утирал рукавом рубахи мокрый лоб:

— Со слезами посеем, с песнями пожнем...

— Люди, закладываем здесь новый город. Такое делается не в каждую субботу...

Так сказал дядя Фоля. Многое он еще сказал, но она ничего уже не помнит. Облокотившись на подоконник, Бася, чуть слышно посапывая, дремлет. И уже из какой-то затуманенной дали встает тот новый двухэтажный дом, сверкавший тогда своей белизной. Казалось, две-три лачужки вокруг еще ниже приникли к земле и взирают на него изумленно...

А вот справляют новоселье. На костре посреди двора в казане жарятся две косули: преподношение соседей-старожилов в честь такого события... Дразнящий запах того жареного мяса снова после стольких лет ударяет ей в ноздри. Челюсти начинают двигаться, а тонкие дряблые губы причмокивают...

...Приехала сюда Бася-вдова с детьми. И была она тогда, как ей теперь кажется, совсем молодой. Всего сорок четыре...

Бася берет палку и, крадучись, чтобы домашние из другой комнаты не заметили, выходит в длинный узкий коридор, где уже столько времени не была. Ей хочется собственными глазами посмотреть, как выглядит их дом уже без жильцов. Коридор сейчас какой-то непривычно чужой. Раньше, помнит она, здесь всегда царила темень, хоть глаз выколи, и нагромождено было возле каждой двери — не пройти. Теперь светло, как на улице. Через продырявленную крышу заглядывает

серое утреннее небо. Шаркающие шаги Баси поднимают с пола столб едкой глинистой пыли. Бася останавливается и, прикрыв рукой запавший рот, долго и мучительно чихает. Сейчас, когда все квартиры по обе стороны коридора стоят — двери настежь, на полу тряпье и битый кирпич от разваленных обогревателей, Бася никак не вспомнит, кто из соседей где жил. Вот здесь, кажется, третья дверь от них, жил портной Шполянский, тот самый, который недавно уехал к своей дочери в Новосибирск. Но вспоминается ей не сам Шполянский, худой и молчаливый, со своими никельными очками на шишкастом носу, а сын его Нёмчик — закадычный дружок ее Давидки. Нёмчик дневал и ночевал у них. Выросли они — два красавца, тополи молодые. Погибли оба на войне. Известно даже, где истлели их кости. Сердце у нее сжимается. Сколько лет уже прошло, но о чем бы она ни думала, мысли ее неизменно возвращаются к незаживающей своей ране — Довид! Десятый год пошел ему, когда приехали сюда, когда строили этот дом...

— Бабушка-а-а!

— Где бабушка?!

Бася услышала топот молодых крепких ног по скрипучей лестнице. С пола вновь поднялся вихрь свербящей пыли. Бася натужно закашлялась. Ее обступили внуки — веселые, смеющиеся, удивленные.

— Что вы здесь делаете, бабушка? — спросил Леня, бережно взяв ее под руку.

— Как ты сам не понимаешь, — улыбнулась Света, — сам ведь строитель. Бабушка вышла сюда попрощаться с домом, который строила собственными руками. Правда, бабушка?

Бася кивнула головой:

— Умница!

Комната ее уже была почти пуста. Там, где стояла кровать, четко выделялся квадрат крашеного пола с нетронутым блеском. Сейчас Бася не прочь была бы прилечь немного. Люба перехватила ее взгляд:

— Скоро, скоро, бабушка, будем там, помотришь, сколько солнца в твоей комнате.

Ее усадили в кресло и торжественно доставили вниз к подъезду, где уже ждало такси. Утреннее солнце ударило ей в глаза. Но вскоре она привыкла к яркому свету, и лишь теперь весь дом со стороны двора встал перед нею во всей

своей нищенской обреченности. Черные оконные провалы... Выброшенные куски стен... Басе казалось, что сам дом скорбным взглядом прощается с нею: «Смотри, старая, что время со мной и с тобой сделало. А?..»

Подошла одна из соседок и громко, тоненьким голоском прокричала Басе на ухо:

— Слышите, Бася-свет? На новом месте, говорю, новое счастье!

— Спасибо! — рассеянно ответила Бася, думая о чем-то. Она повернулась к Лене:

— Значит, говоришь, большой дом на этом месте?

— Да, бабуся, большой.

— И то, как его, бульвар, говоришь, самый красивый в городе?

— Самый красивый, бабушка.

Ее усадили в такси, захлопнули дверцу. И тут Басю охватило неодолимое желание хоть еще разик взглянуть на дом, в котором прошло столько лет жизни — хорошие и тяжелые годы. Но такси плавно тронулось с места, и не успела Бася оглянуться, как исчез дом, истаял, а за стеклом замелькали новые высокие здания, понеслась навстречу незнакомая улица...

По морщинистой щеке старой женщины скатилась слеза.

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

(Из рассказов о Гаврииле Иошпе)

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Гавриил Иошпе — высокий и крепкий еще для своих шестидесяти с лишним лет, у него круглая, бритая голова. Лицом напоминает гордую, но уже стареющую птицу. У него еще сохранилась отличная солдатская выправка, как и в те далекие годы, когда он прибыл в эти места из какого-то большого южного города на Украине. Хромовые сапоги с высокими, щегольски узкими голенищами ослепительно начищены, уши у него всю зиму, даже в сильнейшую стужу, вызывающе открыты ветру и морозу.

Лет тридцать пять тому назад, когда на месте города еще торчали одинокие хатенки захолустного таежного поселка, а кругом простиралась тайга, Гавриил Иошпе был среди тех первых новожилых, которые валили лес и гнали его сюда вниз по небольшой, но стремительной и бурной горной реке.

Затем был он в числе тех, кто строил здесь первые деревянные двухэтажные дома, выглядевшие тогда среди жалких почернелых халуп настоящими столичными аристократами. Новым двухэтажным домам нужны были печи, и Гавриил Иошпе был среди тех, кто на самодельном заводике вручную делал кирпич для первых печей. А затем он был среди тех, кто маленькой и слабосильной электростанцией освещал окна один за другим появлявшихся домов. А затем... А затем... Да разве перечислишь все! Ведь на голом месте, из топей и трясин подняли город.

...Большинство его сегодняшних жителей уже не знают, что эти красивые тенистые аллеи вдоль широких улиц, эти многокрасочные цветочные газоны на летних площадях и в скверах, фруктовые деревья во дворах и садиках возле домов — все это дело рук Гавриила Иошпе и его друзей. Всему этому он отдал частицу своего сердца.

А между тем не один из ныне здравствующих старожилов, сидя летним вечером у себя в садике, где аккуратненькими рядками стоят небольшие, но крепкие плодоносные дальневосточные груши «лукашовки» и сливы, курчавятся кусты малины и смородины, может вспомнить, как тогда еще молодой, полный беспокойной и неумемной энергии Гавриил Иошпе проходу ему не давал:

— Слушай, что тебе говорят! Бери саженец, бери несколько саженцев. Затевай сад...

И как этот старожил — тогда еще недавний переселенец — кричал ему:

— Отчепись, чума! Сад ему будет расти здесь! Как на лысине твоей!..

Но на Гавриила это не действовало. Как из-под земли возникал он, таща на себе молоденькие деревца.

— Вот, смотри, — твердил он хозяину, — что я буду делать, то и ты делай, и будешь иметь сад. Черт бы вас всех касриловских побрал!..

— И вот... сады...

Много у Гавриила Иошпе знакомых и приятелей в городе.

И потому так нелегко пройти с ним по улице: через каждые несколько шагов его обязательно кто-нибудь остановит:

— А, Гавриил Романович, привет!

— Товарищ Йошпе!..

Возводят ли где многоквартирный дом, заливают ли молодую, недавно появившуюся улицу дымящимся асфальтом, роют ли лотки под водопровод — всюду считает он своей обязанностью остановиться, подать совет, по-хозяйски обругать за небрежность и упущения, взобраться на леса, спуститься в канавы, где прокладываются трубы. И вечером возвращается домой в пыли, в глине, в цементе, с руками, проделавшими за день многие и разные работы.

Есть у него излюбленные места, где он часами расхаживает наедине со своими мыслями. Это новые улицы, появившиеся в последние несколько лет — уже изрядно отдаленные от центра города. Шагает он по ним своей упругой, твердой походкой, а в голове бесчисленное множество планов, один другого заманчивей: какие скверы можно здесь разбить, какие виды деревьев посадить. В своей неугомонной фантазии он уже отчетливо видит прекрасную гармонию цветов на газонах, которые украсят площадь и окрестные дворы. Особенно часто меряет он своими шагами довольно большой пустырь между двумя новыми улицами, тянувшимися до самой реки.

«Вот здесь в самый раз и быть парку», — думает он.

Вот он остановился у аллен. Деревья по-зимнему голы и мертвы. Но чуткое ухо Гавриила улавливает в них первый предвесенний трепет... Мечтательными глазами вглядывается он в слабый, тоненький дымок, вздымающийся над почерневшим снегом к бледно голубеющему небу. В голове у него вдруг начинают звучать слова народной песни, оставшейся в памяти от далекого местечкового детства, одинокими островками среди моря других полузабытых воспоминаний:

Деревья расцветают,
Годы улетают,
Время уходит, как дым...

«Как дым!..» Он оглядывается и видит многоэтажные дома, ряды больших, крепких вязов и тополей, тянувшихся вдоль длинной улицы, и ворчит самому себе, как постороннему: «Представьте себе, не совсем как дым, не совсем как дым...»

ВРЕМЯ САЖАТЬ ДЕРЕВЬЯ

В городе, расположенном на правом берегу реки, на улицах деревья стоят в цвету. Дома утопают в густой тенистой зелени. Но на левом берегу, где тянутся широкие улицы заводского поселка, голо. Ни деревца, ни даже травинки, которые бы напоминали о том, что когда-то здесь грозно шумела тайга и могучие кедры упирались кронами в поднебесье...

Но в начале нынешней весны жители нашего заводского поселка преисполнились благородной зависти к горожанам и решили соревноваться с ними.

— Давайте покажем им, что может левый берег! На что способен наш левый берег!

— У них дерево, у нас — два, — запальчиво кричали местные патриоты.

— У них аллея — тополя, клены, липы! У нас будут и аллеи и сады! Покажем, друзья, что может левый берег!..

И в один из выходных дней уличный комитет объявил воскресник. «Все как один на озеленение поселка! Покажем, что может левый берег!»

Каким образом весть об этом воскреснике дошла до Гавриила Иошпе — остается тайной. Но в воскресенье рано утром он уже расхаживал по поселку с лопатой, прихваченной из дому, что-то обдумывая. Увидев его, бессменный председатель уличного комитета, знатный каменщик Илья Корх — тоже один из первостроителей и старый приятель Гавриила — громоподобно вскричал:

— Ага! Явился? Добро пожаловать! Глядите, люди, кто пришел! Га! Пришел-таки и со своей тридесатой улицы! Зачем пришел, зеленый бог? Деревья сажать? А что он, этот товарищ Гавриил Иошпе, делал много лет назад? Он вырубил со своими людьми все до прутика и еще похвалялся на собраниях: «Прогнали-де тайгу! Тайга отступила! Радуйся, бабушка!» А теперь? На этом же месте снова сажать деревья!..

Иошпе спокойно выслушал эту страстную обвинительную речь, воткнул лопату в землю и, смеясь, оглядел вертлявую маленькую фигурку Ильи. Тот едва доставал до локтя Гавриила своей посеребренной головой. Юношески загоревшее, плутоватое лицо его смеялось.

— Ша! — оборвал Иошпе раскатистые тирады Корха. — Помнишь ведь, что говорили древние? Время сажать и время вырывать посаженное. А они, между прочим, мудрецами были. Тогда, брат, в самый раз было вырывать посаженное, а теперь опять время сажать деревья...

— Ну ладно, ладно, — добродушно улыбнулся Илья Корх, пожимая руку старому приятелю. — Искупи свои грехи. Подать ему вон тот саженец, — распорядился он. — Так и быть: посади у нас в поселке деревцо на память. В конце концов ты это заслужил...

Улыбается Илья Корх, улыбается Гавриил Иошпе, берет своими много на веку переделавшими работ руками трепетный саженец и опускает его в теплую благодатную землю. А сам думает: «Пустит корни дерево. Обязательно пустит. Приживется здесь. Как и люди, согревающие этот край своим дыханием»...

ЛЮБОВЬ ВАССЕРМАН

РОДНИК

Я вдвоем с рекой на берегу.
Восхищенье спрятать не
могу:
Мне под ноги бросила Бира
Горсти ледяного серебра.
Снег шуршит, нашептывает
мне:
— Подходи, не прячься
в стороне!..
Улыбаюсь, не пойму сама —
Неужели все это — зима?
Из-под глыбы ледяной
возник
Юркий по-весеннему родник.
Брызги пахнут свежестью,
чисты,
Как зазеленевшие кусты.
Думаю я — глупый
человек,
Ведь январь, и холодно, и снег,
Так взялась откуда впереди
Радуга у речки на груди?
Не стихает звонкий
родничок,
Как с ладони мельницы,
течет.
И сверкают капельки-огни,
Словно праздник празднуют они.
Голос мне почудился вдали:

— Эй, родник, ты родом
из земли,
Подо льдом ты набирался
сил,
Ни о чем, родившись,
не спросил.
Рвешься к свету, требуешь
тепла,
Ну, а это — главные дела...
Понимаю ясно и легко:
Год велик, и чудо велико.
Вот и ветер выдумал игру —
Укачал, как девочку, Биру,
Лишь родник — ведь чудо
велико —
Мне кричит:
— Апрель недалеко!

МОЙ ДОМ

Нет, места эти не были дикими —
Первозданными были.
Вдали
Сопки таяли в солнечной дымке,
Ждали нас.
И тогда мы пришли.

И земля оживала богатая,
В изумленье гудели леса.
Даже эхо устало подхватывать
Наши юные голоса.

В нас кипело желание страстное
Породниться с землею
трудом.

Я сказала себе:
«Хватит странствовать.
Я у цели.
И вот он — мой дом».

СЫНУ

Люблю тебя кормить я утром, мальчик мой!..
Еще в твоих глазах — лишь первый отблеск света,
Но сна уж нет — и кровь поет во мне самой,
Приливом свежих сил и нежностью согрета.

И реет тишина — прозрачна и легка,
Когда склонюсь к тебе я в трепете счастливом,
И алый ротик твой, как лепесток цветка,
Опять к моей груди приникнет торопливо.

Мне так легко с тобой, привольно и светло,
Дыхание твое — сочнее винограда,
Твой взгляд — как песня для меня, твое тепло
Во мне — как вешний сок, животворящ и сладок!..

Когда впервые ты меня познал, любя, —
Зажглись твои глаза, чтоб никогда не гаснуть.
И в первый раз тогда, взяв на руки тебя,
Увидела я мир в твоей улыбке ясной.

ПРОЩАНИЕ

Глаза мои во тьме горят прощальным жаром.
Наш месяц отшумел, как буйное вино.
Склони свое лицо с коричневым загаром, —
Быть может, новых встреч уже не суждено.

Мы выросли с тобой в грязи глухих предместий,
На этом — я, а ты — на том материке.
И встретились в строю голодных масс. И вместе
За хлебом и трудом пошли, рука в руке.

Мы ненависть несли к хоромам трутней сытых, —
К ним грозен был твой взгляд — и нежен был ко мне.
Жандармы гнали нас. И я среди избитых
Ждала тебя потом, глотая пыль камней...

И оба мы с тобой теперь в стране свободной.
Но месяц пролетел... Захваченный борьбой,
Ты едешь вновь туда... Звучит сигнал отходный.
И сердцем я своим, и мыслями — с тобой!

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

Снег. Первый. Беззвучный,

как в детстве, он радует.

Шепчу я чуть слышно:

«Лети же, лети же!»

Пушистый, он так расстояния скрадывает,

И дальние дали становятся ближе.

А было их, далее далеких, немало.

И вот они все подступили, теснятся.

Ведь были они?

Не приснились?

Не снятся,

Светясь перед взором, как лента немая?

Неужто прошла

сквозь все эти года я,

Встречая любовь, и вражду, и учтивость?

Давно я по белому свету шагаю,

А кажется — только ходить научилась.

Все кружится снег,

все мне голову кружит.

Закутана в снег я, как в мех драгоценный.

Ну чем еще

память сегодня услужит?

Кого там на выход готовит за сценой?

И вдруг —
 не понять, через миг, через век ли,
Навстречу мне —
 юность моя...
 Что, родная?
Ты хочешь сказать,
 что меня не узнаешь,
Что я поседела?
 Что очи поблекли?
А снег все летит, расстоянья стирая,
А может, плывет от земли и до неба.
Да нет, моя молодость.
 Нет, не стара я.
Нет, все это каверзы первого снега!
Вот ты уверяешь,
 что я все старею,
А хочешь — начну все дороги сначала?
Вон, видишь, — гора?
 Побежим, кто быстрее?!
...Но юность моя головой покачала...

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ЛЕТО

Я отворила окна, двери,
Прихлынь, поток тепла и света!
Пусть солнце светит, ветер веет,
Входи в мой дом и властвуй, лето!
Цветами твой простор усеян.
Цветет мой край, под солнцем нежась.
Твоя палитра — синь и зелень,
Твое дыхание — зной и свежесть.
Земля до глубины прогрета,
Ее любовно солнце холит,
И только в быстрых горных реках,
Как в ножнах сталь, таится холод...

Памяти
Михаила Абрамовича
Бенгельсдорфа

ЛАНДЫШ

Это

в самом начале лета —

В горах начал таять высокий снег —

Ландыши, комочки снега и света,

Ты неуклюже подносишь мне.

Сам их ставишь в стакан с водою.

Цветок перевесился через стекло,

Что ты смотришь с грустью такую?

Думаешь, много воды утекло?

Думаешь, время свершает кражи, —

Слишком за годом торопится год,

Снег, что слетает на головы наши,

Больше уже никогда не сойдет?

Нет — за прошедшее нету боли.

Годы, хоть обманули в ином,

Но отзвенели колосьями в поле,

Но отшумели шипучим вином.

Ох, как бывало тяжело и трудно!

Ох, как снял и смеялся май!

Что ж ты так смотришь, чужак мой, друг мой!

Ну, подойди ко мне, приласкай.

Нет, не за песни мои — бог с ними!

Только за верность —

в аду и в раю...

Эта ладонь твои страхи снимет,

Эта — прогонит печаль твою.

Ласкай, целуй меня. И ничьи нас

Усмешки не смогут уже оскорбить.

Кто нам суд! Когда лоб в морщинах,

Разве грех друг друга любить?

Не хмурься!

Лучше, как травы — свету,

Ты улыбнись,

как ребенок — весне.

А будущим летом,

в начале лета

Снова ландыш подаришь мне.

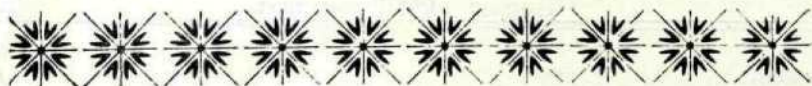
ОСЕНЬ

Она влечет к себе неудержимо.
Тяжелою ли спелостью плодов,
Задумчивостью поздней

лугов, —

Как разгадаю, чем приворожила?
Леса...

Там запустение пожарищ.
Но в них весна заложена уже.
Не потому ль покой так освежающ
И невозбранно дышится душе?
Я чувствую: мое бывшее горе,
Воспоминанья бедствий и войны,
Как сумерки в саду, растворены,
Претворены в несхожее, в другое.
Хвала тебе, осенний листопад.
Ты весь — как тихо сказанное слово,
В котором и законченность былого
И то,
чему приспело наступать.

ЛЮБОВЬ ВАССЕРМАН

«ГНИЛКЕЛЭХ»

Рассказ

Дом стоял на берегу Буга. Сомневаюсь, чтоб кто-нибудь назвал его просторным и красивым, но это был все-таки дом, не похожий на соседние темные землянки, в которых ютилась местечковая гольтыба.

Жили в доме три семьи: дед Нафтолэ со мной, слепая Бобл и ее дочери да Ита-Лея — по прозвищу «пекарка». Дом домом, но самым интересным его местом был чердак. Каждая семья имела там свой уголок, где обычно сушилось белье, складывалась всякая рухлядь, а главное — в самых потайных местах хранились «гнилкелэх». Слепая Бобл торговала ими на базаре, беря по копейке за кружку. Конечно, больше всего «гнилкелэх» было в ее углу. Из-за этого, я думаю, старая Бобл не знала покоя: любой шорох на чердаке вызывал у нее тревогу. Ей постоянно казалось, что кто-то ворует фрукты. До синяков щипала она своих дочерей за то, что те невнимательно следят за тайником.

А вот Ита-Лея держала «гнилкелэх» специально для своей внучки. Видите ли, ее невестка была из «образованной» семьи и стыдилась свекрови, которая пекла и продавала в местечке хлеб. Но внучка приходила к пекарке часто. Ита-Лея без памяти любила девочку, а девочка любила... «гнилкелэх».

— Доброе утро, бабусенька, — каждый раз звонко и весело говорила она. И вот за это «доброе утро» Ита-Лея готова была сделать все. Она бросала свое тесто и лезла на чердак, чтобы принести оттуда самые сладкие «гнилкелэх». Я не помню имя девочки, мы звали ее «Доброе утро, бабусенька».

«Гнилкелэх» — удивительно сладкие маленькие груши. Правда, когда их рвут с дерева, они совсем невкусные —

кислые и терпкие. Съешь, и такая во рту оскомина, словно ты жевал калину. Но зато когда их кладут на чердак в сухое сено и держат там до половины зимы, они становятся мягкими, душистыми, сладкими.

Но мой уголок на чердаке был пуст, и я часто надоедала деду:

— Дедушка, когда ты принесешь «гнилкелэх»?

И всегда он отвечал одно и то же:

— Вот пойдем в Тично... По дороге туда растет дерево, а на нем очень, очень много таких груш. Нарвешь, сколько захочется.

Путешествие в Тично стало моей заветной мечтой, а чудесное дерево снилось каждую ночь. Дед говорил, что оно растет на земле пана-помещика из деревни Рязанки, а помещика этого нужно остерегаться, потому что это настоящий изверг. Он запрещает рвать с дерева даже дикие плоды, но при каждом удобном случае все-таки рвут...

Мой дед жил тем, что ходил по деревням, продавая крестьянам свое «изобретение» — «шмаревидло». Это такая колесная мазь, состоящая из смеси дегтя с золой. То, что с золой, я хорошо знала, потому что дед часто посылал меня к соседям выгребать в печках поддувала. Зола он каким-то искусным образом перемешивал с дегтем, и получалось это самое «шмаревидло». За эту колесную мазь крестьяне всех окрестных деревень просто боготворили деда. Взамен ее он получал крупу, просо, овощи — всего понемножку, иногда даже и мед. Для каждого продукта у деда был отдельный мешочек, причем определенного цвета: для муки — белый, для пшена — красный, для проса — зеленый. Он никогда их не путал.

Шмаревидло дед делал в деревянном ведре. Несли мы его вдвоем на тонкой березовой палке. Помню, было на ней восемь сучков. Мне дед отмерял шесть, а себе — два, так что вся тяжесть доставалась, конечно, ему. Дед жалел меня. Была я тогда совсем маленькая, а ведро очень большое. Даже при таком распределении тяжести у меня потом мучительно болели плечи.

В местечке говорили, что до Тично, куда мы наконец отправились, было восемнадцать верст. Но кто их считал — неизвестно. По крайней мере, на протяжении всего утомительного сухого шляха нет ни одного указателя. По обеим сторонам — поля пана из Рязанки. Вблизи ни леса, ни ку-

стов. Одно лишь дерево стоит, будто всем на удивление. Старое, ветвистое, с густыми темно-зелеными ветвями. Бросив палку, я устремилась было к нему, но дед удержал меня:

— Не следует сейчас задерживаться. Скоро начнется солнцепек — трудно будет идти. И потом, зачем нам нести в деревню еще лишний груз. Соберем груши на обратном пути.

Понимая, что дед прав, я бросила на дерево печальный взгляд и снова зашагала по пыльной дороге. Но мысль о том, что я скоро, очень скоро вернусь сюда, меня развеселила. Я стала подпевать деду, как всегда мурлыкавшему свой любимый единственный мотив. Станный напев: временами от него становилось грустно, а порою — весело.

В село мы пришли после полудня. С деда градом лил пот, а я еле передвигала ноги. Взяв ведро со шмаревидлом и мерку, дед пошел по домам один — он видел, что больше двигаться мне не под силу.

Я осталась на стоге сена во дворе крестьянина Владска, очень доброго, давно знакомого деду человека, который угостил меня простоквашей. Поела и моментально уснула.

Проснулась я поздним вечером. Деда еще не было. Наверное, меня разбудил голод.

Над головой сияло звездами черное небо. Уставшей и голодной, мне казалось, что все оно усеяно желанными плодами — «гнилкелэх». В полубреду я звала деда:

— Дедушка, принеси мне их, принеси... Наверное, умру и не дожусь.

Дед пришел ночью. Достал из-за пазухи кусочек хлеба и пару груш. Но они еще были зелеными...

Перекусив, я снова заснула. Разбудил меня дед на рассвете.

— Гителэ, маленькая, проснись. Пора в дорогу.

Протерев заспанные глаза, я осмотрелась. Какие удивительные разные две половинки неба! Одна — темно-синяя, как сама ночь, а другая озарена таким разнообразием красок, что перечислить их просто невозможно.

Такое чудо может соткать разве что одна заря. А зыбь на реке, озаренная первыми лучами солнца! Казалось, что по воде плывут кусочки расплавленного золота. Цветы только-только раскрыли свои ротки-бутоны, на каждой травинке дрожала роса. Рассвет. Тихо-тихо, и так красиво, что сердце замирает от восторга.

Между тем дед уже собирал в дорогу свои кульки. Мне отобрал мягкие продукты — муку, крупу, просо, а овощи и картофель взял себе. Все это он сложил в мешок, перевязал его на две части и перекинул через плечо.

Красивый человек был мой дед. Высокий, широкоплечий и, как обычно сильные люди, — добрый и веселый. Любую невзгodu переносил с шутками. А уж как я его любила! Это и не удивительно, ведь кроме него у меня на всем свете никого больше не было.

Запели первые петухи, когда мы вышли из деревни. По темно-зеленой глади реки плыли крохотные пушистые уточки. А на берегу одиноко суетилась курица. Она сразу же привлекла мое внимание. Мягкий ветерок раздувал ее редкие рыжие перья. Она испуганно бегала по берегу и, казалось, вся так и рвалась к беззаботным, довольным утятам. Куриное сердце матери-наседки было, как видно, полно отчаяния.

— Дедушка, курицы умеют плакать?

— Нет, курицы — нет.

Но все ж я осталась убежденной, что в это необычное утро жалкая рыжая курица все-таки плакала. Плакала.

Мы шли вдоль берега реки. Влажная от росы земля приятно холодила ноги, и я бы радовалась этому, если бы не тяжелая ноша, которая тянула вниз мои плечи. Свежестью и прохладой веяло с реки, но мы скоро устали. Дед частенько перекладывал свой мешок с плеча на плечо — твердые овощи давили грудь и спину. Я, наконец, не выдержала и сказала:

— Дедушка, давай меняться мешками. Я ведь уже большая.

Дед остановился, посмотрел на меня и ласково засмеялся:

— Скоро, Гителэ, и дерево наше покажется.

Эти слова сразу же придали мне силы.

Дерево было еще далеко, но я уже видела его, чувствовала. Мечта сбывается! Я нарву столько груш, сколько душе угодно. Дома, на чердаке, у меня уже готов уголок, теплый и чистый, со свежим душистым сеном.

Бредя по дороге, я все мечтала и мечтала. В праздник, когда дед не пойдет в деревню, мы будем с ним играть. В один кулак я зажму «гнилкелэх», а другую руку, в которой ничего нет, нарочно сделаю больше и обе протяну деду.

— В какой руке?

Старый Нафтолэ с притворной серьезностью задумается,

нахмутив густые брови, и, конечно, укажет на пустой кулак. Потом мы сыграем в «отгадалки» еще и еще, а когда я выиграю много груш, устроим настоящий пир. Мечтая об этом, я не чувствовала ни тяжести, ни зноя.

Но вот и оно, заветное дерево. Старое, темно-зеленое. Трудно передать мой восторг при виде гнущихся от плодов ветвей. Дед предложил было сначала отдохнуть, подкрепиться, но я и слушать об этом не хотела. Я вся была поглощена одной целью, одним стремлением — скорее принести груши домой, в свой уголок и рассказать об этом всем соседям.

Видя мое нетерпение, дед достал специальный мешочек, который дома заранее выстирал, а я уже залезла на дерево. Забралась на самую вершину — там плоды были крупнее. Сквозь густую листву мельком глянула на простирающиеся внизу поля пана из Рязанки. С высоты они казались совсем иными, но тогда их живописный вид не задержал моего внимания. В порыве радости я изо всех сил принялась трясти самую высокую тяжелую ветку, и груши градом посыпались на землю. А я ее все трясла и трясла.

— Гителэ, хватит! Я не успеваю собирать, — услышала я деда.

Сквозь ветви его не было видно, но голос знакомый и милый, словно мелодия, которую дед любил напевать, переполнил мое сердце любовью.

— Дедушка, дорогой дедушка! — крикнула было я и вдруг расплакалась.

А груши все сыпались и сыпались с ветвей.

Не помню, когда я услышала стук лошадиных копыт, который становился все громче и громче, но что мне тогда было до каких-то звуков. Я сидела на заветном дереве, я дорвалась, наконец, до чудесных плодов.

И вдруг, как во сне, до слуха донесся изменившийся, дрогнувший голос деда. Нет, он говорил не со мной.

— Доброе утро, пане!

Эти слова заставили меня вздрогнуть. Неужели помещик из Рязанки?!

Я прижалась к ветке, как перепуганная птица. Сквозь листья встретила взгляд пана, острый, как бритва, колющий, как крапива. А дед? Как собирал он груши, так и остался стоять на четвереньках и молча смотрел на пана.

— Дедушка!

Услышав мой голос, пан снова глянул вверх, усмехнулся и, сняв с плеча охотничье ружье, прицелился.

Я еще плотней прижалась к ветке, а дед вдруг вскочил и встал против пана во весь свой могучий рост.

— Пан-хозяин! Убейте лучше меня, старика... Она — ребенок, круглая сирота.

Раздался резкий хохот, зловещее шипение:

— Что, испугался, паршивец? Будешь еще воровать на панской земле? Получай.

Через мгновение тишину нарушил свист кожаного плетеного арапника. Свист, который я запомнила на всю жизнь... Потом вновь топот копыт.

Когда я слезла с дерева, вдали клубилось облако пыли — пан продолжал объезд своих владений. А в тени дерева лежал мой дед, запрокинув голову. Его седая борода клином смотрела в небо, а глаза из-под густых бровей — на меня, словно хотели, но не могли что-то сказать. С высокого морщинистого лба струйками текла кровь, а в ладони откинутой руки так и остались лежать груши, которые старый Нафтоле собирал для меня.

Я прижалась ухом к его груди. Сердце билось слабо-слабо. Вместе с легким дыханием вырывался хрип. Как он меня испугал! Я стала кричать, звать на помощь, но местность была пустынной. Мои отчаянные вопли эхо относило далеко на владения пана.

Дед Нафтоле, мой единственный, самый дорогой, продолжал лежать молча, как сраженный великан. А вокруг него на земле валялись растоптанные зеленые «гнилкелэх» — заветная мечта моего детства...

ЕФИМ БЕЙДЕР

БАЛЛАДА О СОЛДАТСКИХ САПОГАХ

Сквозь дожди,
и снега,
и тревоги,
От Сибири до синих Карпат
отпечатала след на дороге
знаменитая обувь солдат.
И в песке сапоги увязали,
и спасались, и вязли
опять,
а изнаются —
дратвой сшивали
эту самую обувь солдат.
Много дальних дорог
исходили
и во многих пылили краях.
Сколько слов сапогам
посвятили
те солдаты, что шли
в сапогах!..
Там, где шли они,
там, где ступали, —
ныне скверы и парки
шумят,
и листвы золотые медали
на груди у солдата горят.
Он войну ненавидел, как
омут.

Он вернулся с победой
назад.

Привела его к дому
родному

знаменитая обувь солдат.

Он стоял посредине
планеты —

победитель, солдат,
человек,

и счастливее
не было

света,
чем высокий

в глазах его

свет.

Но, взглянув на развалины
улиц,

что оставил фашист-супостат,
он достал инструменты

нахмурясь,

человек, победитель,
солдат.

Новостроек леса поднимая,
он месил сапогами бетон,
и опять, как в бою

у Дуная,

благодарен был обуви он!

...Если им суждено

сохраниться,

или он сохранить бы их

смог, —

я прошу от души

поклониться

пыльной паре

солдатских сапог!

САЛЬВАДОР БОРЖЕС

«ЛЕНИН ГОВОРIT НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ...»

Роман С. Боржеса «Рио-де-Жанейро» повествует о нарастании рабочего движения в Бразилии перед второй мировой войной, о борьбе рабочего класса за свои права, против эксплуатации и империалистического гнета. Особое место уделяется роли коммунистической партии в этой борьбе.

Предлагаемая вниманию читателей глава из романа рассказывает о той большой любви, которую проявляют трудящиеся Бразилии к великому вождю пролетариата Владимиру Ильичу Ленину, о популярности этого имени в народе.

...Переулоч, который ведет к фабрике «Алианса», окутали сумерки. Недалеко от ворот не спеша прогуливается Педро Баия. Он ждет, когда закончится дневная смена, тогда можно будет приступить к выполнению партийного поручения. В этот вечер он должен распространить листовки среди текстильщиков.

Вот и гудок. От фабричных корпусов к выходным воротам потянулись вереницы уставших, запыленных, с обрывками ниток и ваты на одежде, мужчин, женщин и детей. В переулке их встречает Педро и, оглядываясь, сует им в руки прокламации. При этом он чуть слышно шепчет:

— Когда прочтешь, не забудь передать товарищу.

Недалеко от фабрики расположился небольшой рабочий поселок. Возле обветшалых хибарок небольшими группами собрались текстильщики. Те, кто посильней в грамоте, вслух читают прокламации, остальные с интересом ловят каждое слово. То в одном, то в другом месте слышится короткое слово: «Ленин». Прокламация извещала, что сегодня будет проводиться вечер памяти Ленина.

— Ты пойдешь? — спрашивают друг друга рабочие.

— Конечно!

— Ну, тогда давайте пойдем все вместе.

Раздав последние прокламации, Баия посмотрел на часы, видневшиеся из узенькой башенки, что на здании фабрики.

— Рановато еще, — пробормотал он и направился к улице Ларанжерес.

Шагает Педро твердо, уверенно, и оттого, что ему удалось так хорошо справиться с партийным заданием, все вокруг чудится прекрасным. Воздух необычно свеж и ароматен, дома — чудесные замки, а Рио-де-Жанейро — самый лучший город на свете. Сейчас он забыл даже о тех контрастах, которые до краев переполняли страну, о глиняных, расползающихся под тропическим дождем хибарках, приютившихся за роскошными кварталами богачей, о нужде, голоде, болезнях и неимоверной роскоши.

В глухой аллее на Прае-Фламенго он заметил Маркуса, уткнувшегося в книгу. Баия не встречал его уже давно — с тех пор, как сорвалась забастовка на фабрике дамского платья. Тихонько подобравшись к Маркусу, Педро через плечо заглянул в книгу, прочитал вверху страницы: «В. И. Ленин. «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Почувствовав, что сзади кто-то стоит, Маркус вздрогнул, но увидев Баию, вскочил и радостно вскрикнул:

— Баия!

Педро с Маркусом были старые друзья. Когда Маркус был еще подростком, его привели на фабрику дамского платья. Баие, работавшему старшим мастером, паренек понравился, и он начал не только учить его ремеслу, но и помогать познавать жизнь.

— Мы же не виделись целую вечность, Маркус! Как ты возмужал!

— Вырос, — довольно улыбнулся Маркус. — Как выживаете, товарищ Баия?

— Живем, как видишь...

Сумерки внезапно сгустились. Мягкая летняя ночь окутала все вокруг мглой. Вдруг вдоль берегов зажглось множество огней. Они разорвали ночную тьму, засверкали в воде, запрыгали по водной глади, то исчезая, то вновь вспыхивая.

— Какая красота! — воскликнул Маркус, любуясь чудесным зрелищем. Баия встал, окинул взглядом сияющий берег, сказал:

- Однако, я засиделся. Ты тоже идешь?
- Куда торопитесь? — поинтересовался Маркус.
- На вечер, посвященный памяти Ленина.
- Вечер памяти Ленина? Где?

— В помещении профсоюза текстильщиков, — тихо сказал Баия.

- И я поеду!

...Баия и Маркус сошли с трамвая на прассе «Мауа», у памятника «свободной независимой» республики. Первое, что им бросилось в глаза, — это закрытые черные полицейские автомобили, стоящие с другой стороны памятника. На углу Баия заметил притаившихся полицейских и с тревогой сказал:

- Они уже приготовились... Не миновать провокации.

По многолюдной, ярко освещенной Рио-Бранко они направились к помещению профсоюза текстильщиков. С соседних улиц сюда спешило множество людей. Они стремились пробиться к выходу на лестницу, загороженному несколькими рядами тесно прижавшихся друг к другу рабочих. Пройти в помещение было невозможно. Огромный зал был битком набит. Люди заполнили лестницу, вестибюль, улицу перед зданием профсоюза. Они старались не пропустить ни одного звука, долетавшего из открытых окон, услышать каждое слово, произнесенное там, в зале:

— Ни границы, ни океаны не могут отделить нас от той счастливой страны, где гордо реет Знамя Ленина, и люди, свободные люди строят социализм! Учение Ленина — это мозг и сердце рабочих всего мира!..

Педро и Маркус стояли в группе рабочих. Один из них — молодой, одетый в синюю замасленную спецовку, обратился к Баие:

— Желтые* и анархисты, которые работают со мной, ехидничали: «Большая фантазия у коммунистов — хотят наполнить такой большой зал. Кто пойдет на их вечер?» А что получилось? Смотрите, товарищи, как зал переполнен, да еще столько же народу на улице стоит! Эх! Надо было бы этих ослов за уши притащить сюда — пусть посмотрят сами...

— Да, этот вечер может любому доказать, как популярна наша партия в народе, — ответил Баия.

* Реформисты.

— Имя Ленина и не столько народу соберет вокруг себя, — заметил Маркус.

Окружающие внимательно прислушивались к разговору и одобрително кивали головой. Только низкому, толстому субъекту, одетому в старый, поношенный костюм, казалось, не было никакого дела до завязавшегося разговора. Чуть-чуть сгорбившись, он протискивался в толпе, внимательно разглядывая каждого, как бы собираясь надолго запомнить лица собравшихся. И все же он внимательно прислушивался к разговору и даже задал парню в спецовке наивный вопрос:

— Ленин здесь, в зале?

Собравшиеся начали подозрительно оглядываться на слишком любопытного человека.

Маркусу показались знакомыми узкие, прищуренные глаза этого типа. Он пристально посмотрел на него, подтолкнул локтем Баю:

— Узнаешь? Ну-ну... Вспомни забастовку на нашей фабрике, — и, обращаясь к любопытному субъекту, со смехом спросил:

— Зачем же так гримироваться?

Оказалось, это был тайный агент Пинто. Шпик засуетился, закурил и сделал вид, что реплика Маркуса его не касалась.

— На каком языке говорит Ленин? — продолжал спрашивать он.

— Ленин говорит на всех языках! Ленина понимают рабочие всего света! — громко сказал Баия, пристально посмотрев в глаза шпику.

Уловив угрозу в словах Баии, Пинто постарался незаметно скрыться за спинами людей.

Маркус и Баия с большим трудом пробрались сквозь толпу, загораживавшую вход на лестницу. Наверху, в зале, недалеко от дверей, их прижали к столику, прислоненному к стене. Но они не замечали этого. Их внимание было устремлено туда, к сцене, откуда неслись простые, мужественные слова оратора.

Обстановка, царившая в зале, взволновала Маркуса. Он видел перед собой людей, целиком посвятивших себя делу Ленина, делу коммунизма. Над головами присутствующих простерлись огромные полотнища, на которых были начер-

таны слова великого вождя пролетариата, призывающие к борьбе с несправедливостью, за лучшее будущее человечества. На одной из стен висел портрет в красной раме. Под портретом на красном шелке пять букв «ЛЕНИН».

Председатель перегнулся через стол и коротко предоставил слово очередному оратору.

— Как живые растения тянутся к солнцу, так все рабочие, все угнетенные люди на земле тянутся к самому дорогому, самому любимому человеку — к Ленину, к своему учителю, своему вождю, — доносилось с трибуны, и Маркус ясно ощутил эту могучую силу идей ленинизма, видел эту безграничную любовь, с которой рабочие произносят имя Ленина, и хотя где-то на улицах притаилась полиция со своими вьюа-алегре* и среди собравшихся рыщут шпики, рабочим ничего не страшно — с ними Ленин...

Снова раздался густой голос председателя:

— Сейчас выступит товарищ Баия...

Педро вышел на сцену. Взглянув в зал, он увидел тысячи разгоряченных лиц, возбужденно горящих глаз! «О чем рассказать этим людям, — мелькнуло у него в голове. — Ведь они пришли сюда, чтобы услышать правду о нашей партии».

Баия на минуту задумался. Он вспомнил могучий, богатырский раскинувшийся океан, недавнее прошлое, образы погибших товарищей... Там, в океане, произошла эта неслыханная по своей жестокости расправа.

Бане казалось, что он видит ту страшную ночь. Во мраке движутся причудливые силуэты, молча отпирают тяжелую дверь его камеры, выводят оттуда закованных в кандалы Диаса Жуакима, Леона Перейро и Мауриса Сантоса, заталкивают в вьюаалегре. Машина быстро мчится к берегу, где ее ждет отряд тайных агентов и полицейский катер. Их заталкивают в трюм, и катер быстро уносится в океан. Далеко от берега мотор затих, катер остановился. Баия видит упрямое спокойствие, застывшее на смертельно бледных лицах арестованных, вытолканных на палубу, последний прощальный взгляд... Он слышит приглушенные слова, рвущиеся из завязанных уст, страшные проклятия палачам. Эти звуки сливаются с воем волн... Темная бездна поглощает одну жертву за другой... Этого он никогда не забудет — он, един-

* Закрытые полицейские автомобили.

ственный свидетель, которого оставили в живых, вернули в тюрьму... «Муллат нам нужен, — сказал с издевкой комиссар четвертого ашилиара*, — пусть он расскажет своим коммунистам. Может, они теперь станут более сговорчивыми...»

Вот об этом-то и рассказал Баия собравшимся на вечере памяти Ленина. Когда Педро кончил говорить, в зале несколько минут стояла напряженная тишина. Неожиданно кто-то в другом конце зала крикнул:

— Вива бандера Ленина! Партидо коммуниста!**

Из конца в конец огромного зала прокатилась лавина восторга, над головами взметнулись крепкие мозолистые руки. Гром аплодисментов, все нарастая, превратился в могучую овацию самой боевой, самой мужественной партии Бразилии.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

Рассказ

В ту ночь машинист фронтового поезда Борис Штейнберг вернулся из дальней поездки поздно. Плечи давила страшная усталость. С трудом дошел он до комнаты отдыха паровозников, повалился на койку и сразу же забылся тяжелым сном. Но выспаться и на этот раз ему не удалось.

— Штейнберг! Штейнберг! — уже возвращаясь к действительности, услышал он. — Вставай! Начальник станции вызывает.

Борис вскочил, быстро оделся, умылся холодной водой и пошел к вокзалу.

Начальник станции, высокий седой человек, с воспаленными от бессонницы глазами, поднялся из-за стола.

— Ну как отдохнул? — спросил он, подавая руку.

Штейнберг кивнул головой. Они вышли из здания вокзала, сплошь забитого эвакуированными — в большинстве женщинами и детьми. На первом пути стоял бесконечно длинный состав платформ, непроницаемо укрытых брезентом.

* Бразильская охранка.

** Да здравствует знамя Ленина! Коммунистическая партия!

— Вот это надо срочно доставить на фронт...

Борис наметанным глазом оглядел состав:

— Все готово?

— Полный порядок. Давай!

Пронзительный гудок прорезал воздух. Стуча колесами на стыках, состав стал набирать скорость. Не успел Штейнберг оглянуться, как поезд уже отмахал пятьдесят километров. Борис вспомнил, что много лет назад такой цифрой — пятьдесят километров — отметил он первый свой рекорд паровозного машиниста... Работал он тогда на Дальневосточной железной дороге и жил с семьей в Биробиджане. Перед глазами встало белое здание вокзала. По перрону ходит дежурный вокзала в красной фуражке — его жена. Как живет ей сейчас? Что поделявает их дочурка?..

Поезд неся по земле, где еще совсем недавно хозяйничали гитлеровцы. Повсюду виднелись развалины, обгоревшие стены, трубы сожженных хат...

Впереди послышался нарастающий грозный гул. Со стороны фронта в тени серого облака шла группа «мессершмиттов». Приблизившись, они один за другим бросились в пике на поезд. Затрещали пулеметы, посыпались бомбы. Состав трянуло. Борис оглянулся назад и увидел, что с одной из платформ валит густой дым. Но тут появились наши ястребки, и «мессершмитты», не приняв боя, ушли на запад. Один из них покачнулся, завалился на крыло, вспыхнул и, окутанный клубами черного дыма, камнем пошел к земле.

Потом состав бомбили еще несколько раз. В памяти Штейнберга остался оглушительный взрыв, яркие всполохи огня. Он потерял сознание.

Очнулся Борис в плену. За колючей проволокой вокруг себя он увидел десятки людей — мужчин и женщин, согнанных гитлеровцами из окружающих сел. Внезапно застрочил пулемет. В толпе началась паника, давка. Люди падали, скошенные яростной выюгой свинца. Слышались стоны, проклятия, крики. Оставшимся в живых немцы велели построиться.

— Кто есть партизан? — злобно кричал долговязый эсэсовец.

Люди молчали, понурив головы. Тогда долговязый объявил, что будет расстрелян каждый десятый... Он подошел к

строю измученных людей и, тыча стволом пистолета в грудь, стал отсчитывать:

— Айн, цвай, драй...

Штейнберг был девятым. Вот и он ощутил металлический холодок пистолета. «Не может быть, — пронеслось в мозгу, — это какой-то кошмарный сон. Надо проснуться... надо...»

Раздался выстрел, и высокий мужчина, стоявший рядом с Борисом, упал на грязную землю. Борис в каком-то страшном оцепенении ждал решения своей судьбы.

Развалистой походкой к Штейнбергу подошел низкорослый, хорошо откормленный человек в форме железнодорожника. Рядом с ним твердо ступал щеголеватый офицер в форме гестаповца.

— Машинист? — спросил железнодорожник. Можешь не врать, я тебя помню. И здесь я (он вдруг перешел на «вы») ради вас, ради вашей пользы. Хочу оказать вам услугу.

Штейнберг с презрением оглядел кругленькую фигурку предателя, едва сдерживаясь, чтобы не плюнуть ему в гладко выбритую физиономию.

— И ради их пользы — тоже? — Борис кивнул на трупы.

Железнодорожник холодно посмотрел на Штейнберга и о чем-то пошептался с офицером. Лицо гестаповца побагровело:

— Марш, юде! — гаркнул он.

— Ты поведешь состав! — крикнул он Штейнбергу, — поведешь! Иначе... Ты у меня легко не отделаешься! — и он указал рукой, затаенной в кожаную черную перчатку, на убитого машиниста. — Я изжарю тебя в паровозной топке... Понял?

— Понял, — ответил Штейнберг. — Слушаюсь!

Он дотошно стал осматривать паровоз, как обычно делал это перед очередной поездкой. Офицеру это понравилось.

— Гут! Гут! — довольно приговаривал он. — Доведешь поезд до места назначения — получишь награду.

Через несколько минут из трубы паровоза в аспидно-черное небо брызгнул поток искр. Поезд рванулся и быстро пошел в ночную непроглядную тьму. Мимо летели уснувшие селения, огромные пустые поля, перелески. В паровозной будке рядом с Борисом стоял коренастый усатый автоматчик, кочегаром к Штейнбергу определили молодого белобрысого немца.

— Карашо идем, хозяин, — подмигнул кочегар Штейнбергу. — Карашо.

«А можно идти еще быстрее», — подумал Борис, глядя на бушующее в топке пламя. Он вырвал у немца лопату: «Разве так бросают уголь!»

Укачиваемый мерным движением поезда, автоматчик клевал носом. Проснуться ему не было суждено — лопата Штейнберга раскроила ему череп. Потом Борис разделался и с кочегаром.

— Вот теперь-то я по-настоящему хозяин! — воскликнул он.

Рванув на себя дверь, Борис сбросил в ночь тела бездыханных гитлеровцев и с лихорадочной быстротой принялся забрасывать уголь в топку. Поезд все убыстрял ход, он мчался на всех парах, но Штейнберг продолжал швырять в бушевавшее пламя уголь — еще и еще. То большое, на что он решился, словно удесят�еряло его силы.

А тем временем в вагонах ехавшие на фронт офицеры и солдаты предавались дикому разгулу. Пустели бутылки, из вагонов неслись нестройные голоса. Но вот кто-то с беспокойством заметил, что поезд несется слишком уж быстро.

— Здесь что-то не так, — заволновался один толстый капитан.

— Ничего особенного! — отрывая, махнул рукой пьяный офицер. — Нагоняем время. Вот и все...

— Майн готт! — воскликнул другой, уже всерьез почуяв неладное, — мы погибли! Будет крушение!

Веселые пьяные возгласы, раскаты смеха словно ветром сдуло. Слышались лишь истерические, истошные вопли. С вытаращенными от ужаса глазами фашисты очумело метались по вагонам, тщетно ища спасения. А поезд все мчался вперед.

Вдруг что-то тяжелое ухнуло, раздался взрыв. Все вздрогнуло от страшного удара. Вагоны полезли друг на друга, словно карточные домики, опрокидываясь, падая с рельсов. Образовалась какая-то страшная каша из рваного сплюсченного железа и изуродованных человеческих тел... Потом над всем этим вспыхнуло пламя и вскоре погасло. Ночь поглотила все. Но в этой крошечной темноте остывающие балки и фермы вдруг корбились и шевелились, будто живые щупальца невиданного еще на земле чудовища...

ВИКТОР ПОЖИДАЕВ

МИШКА, БУЙКА И ВОЛКИ...

Рассказ

— Ну, пляши! — крикнул из кухни отец.

Мишка сбросил на пол ранец и метнулся в кухню:

— Дедушка письмо прислал? Дай почитать! — закричал он радостно.

— В коридоре, кажется, есть веник... — заметил отец, глядя на Мишкины валенки.

Мишка сердито хлопнул дверью, и слышно было, как хлещет он березовым веником по валенкам. Потом спокойно вошел, разделся, поплевал на ладони и пригладил волосы. Скопировав движения отца, комично поправил невидимый галстук.

— Вот теперь молодец, садись чай пить! — позвал отец. Важность с Мишки как рукой сняло.

— А письмо?..

— Я пошутил.

— Делать тебе больше нечего! — надулся Мишка. — Шутник нашелся...

— А почему бы и нет? Ты, помнится, тоже был не прочь меня разыграть.

Отец намекал на первоапрельскую Мишкину шутку. Тогда Мишка позвонил ему на работу и слабым голосом сообщил: «Папа, скорее, у меня сердце остановилось... Не бьется! Опять начало, — добавил он еле слышно. — Ой!»

Отец кричал в трубку, чтобы он был умницей, держался. Мишка задыхался от смеха, а когда уже хотел сказать, что пошутил, отец повесил трубку. Тут Мишка струсил. Он схватил лист бумаги и написал красным карандашом: «Сердце уже прошло, это дело такое. Пошел в кино».

Приколол лист на дверь и убежал. Соседи потом спрашивали:

— Досталось, поди, Миша? — Отец тут...

— За что?! — удивленно спрашивал он, но краснел: конечно, досталось.

— ...Так я шутил первого апреля, — сказал Мишка, — тогда можно было.

— А я решил в декабре пошутить, — ответил отец, — кто мне запретит?

Мишка хмыкнул, скривился, как от зубной боли, и направился в свою комнату. Отец захохотал ему в спину. Мишка резко вернулся:

— Смеешься, папочка, предпоследним!

— То есть? — сквозь смех спросил отец.

— Потом узнаешь!

— Ну-ну, хватит грозить, — успокоился тот. — Бери письмо, да не забудь посуду вымыть.

Мишка бросился за письмом.

Дедушка писал, что у них стоят отменные холода. Вся живность жмется к домам. Собаки нещадно дерут зайцев, прибегающих ночью в деревню — собирать клочки сена по дорогам. А волки добрались до собак: сожрали охотницу Буйку и двух дворняжек...

Мишка любил Буйку. У нее была дымчатая шерсть и маленькие, крепко стоящие ушки. Летом, когда он гостил у дедушки, каждое утро она прибегала к дедушкиному дому и дожидалась, пока проснется Мишка. Потом они уходили в лес. Буйка облаивала бурундуков, а Мишка старался сбить их из рогатки. Когда это удавалось, Буйка визжала от восторга и бросалась к зверьку. Но того уже и след простывал. Буйка не огорчалась: искала другого полосатика, мол, до следующей охоты далеко, так хоть побаловаться как следует.

Сейчас Мишка еле сдерживал слезы: он представил, как стая волков набросилась на маленькую Буйку, как летит волчья шерсть... Страшный визг. Их много, а Буйка одна.

Дальше дедушка писал, что и на волков найдется управа. Даром, что ли, он купил новое ружье. А в конце письма: «Если ты, Мишатка, не приедешь на зимние каникулы к нам, то с волками управиться трудно будет. Даже не раздумывай, только телеграмму дай».

— Поедешь, значит? — серьезно спросил отец.

— Поеду! — подтвердил Мишка, пряча письмо в карман. — Только мама....

— Уговорим! — пообещал отец.

Наконец наступили зимние каникулы. Мишка едет к дедушке. Ехать ему вечер и всю ночь, а утром дедушка встретит его на станции. Мать наказывала, чтобы в вагоне он сразу лег спать, а то проглазееет в окно до полуночи, потом проспит свою станцию.

Но Мишка спать не может. Опять вспоминается Буйка.

Когда до начала школьных занятий оставалось всего три дня, и нужно было уезжать от дедушки, открылась осенняя охота по перу. Обычно она открывается в середине августа. А тут задержалась из-за весенних пожаров: птицы выводили птенцов вторично — прежние гнезда погорели.

Мишке и домой-то надо, и поохотиться с дедушкой хочется. А если уж дедушка уходит на охоту, то никто не знает, когда он вернется: пока не настреляет целый рюкзак дичи, пока не кончатся табак да хлеб — скрадывает уток на озерах, подманивает рябчиков в распадках. Поэтому Мишка переживал — боялся, что не удастся ему взглянуть на настоящую охоту.

Дедушка тоже не находил себе места: уже пора выходить на промысел, а как бы не обидеть внука? Или, может, по речке с ним погулять? Но это же баловство, а не охота! Тут же и скотина пасется, тут же и сено на лодках возят. Какие утки?

Выход все же отыскался: вечером к дедушке зашел хромой тракторист Петр Шмаков — попросить капсюлей для дымного пороха.

— Возьмешь Мишку с собой — получишь капсюлей! — схитрил дедушка. Он, конечно, все равно дал бы, но решил испытать. — Возьми, что он даром, что ли, твою Буйку все лето на бурундуков натаскивал!

— А чего не взять! — согласился Шмаков. — Мне все равно далеко не уйти, пусть пестерь носит.

Рано утром Мишка, протирая глаза, шел за Шмаковым и боялся, как бы не наступить тому на большую ногу.

Рассветало, но с реки навалился туман и спрятал под боками деревушку, всю до последней крыши.

— Вот же угораздило! — чертыхался Шмаков. — До охоты — что ни утро, то золотая ягодка, а сегодня гляди ты...

Мишка молчал, он боялся, что дядя Петя плюнет и повернет к дому: разве в таком тумане что убьешь!

Буйка шлепает по лужам где-то впереди, замирает, припнувшись к невидимым следам, и вдруг чихает уже сзади. Мелькнет, обгоняя, под ногами, остановится и начинает с остервенением тереть носом бок, стараясь избавиться от прилипшей к носу пушинки.

— Что-о-об тебя! — спотыкается о нее Шмаков.

— Гав! яв! яв! — весело огрызается она из тумана, мол, попробуй найди!

— А еще мама! Эх, бесстыдница... — укоряет Шмаков. — Хорошая мать разве оставит щенят одних? Да ни в жисть! А ты еще и заигрываешь.

Буйка понимает, о чем идет речь, оглядывается и тревожно скулит: сейчас ей кажется, что к ее детям может подкрасться беда, пока она будет охотиться.

— Да успокойся! — уговаривает Шмаков. — Я пошутил. Куда они денутся, большие уже...

Потом они шли по берегу, по ополосканной гальке.

— Тишина-то какая! — таинственно рокотнул Шмаков. — О-о! Могучая тишина. Все спит под туманом, и не сбросить этого покрывалища.

И тут же — бух! — влетела в воду Буйка, наплевав на спящее царство. Шмаков сорвал с плеча ружье. Невдалеке шумнули на резком подъеме крылья, сыпанула с них дробь воды. Стая удалялась, так и не показавшись из тумана.

— Вот и будем пугалами ходить...

— Придумал, дядя Петя! — обрадовался Мишка. — Вы залезьте на дерево и сверху стреляйте, туман-то ведь низкий! А мы с Буйкой будем уток нагонять на вас.

— Уток... с дерева, — хмыкнул Шмаков. — Это что-то новое! А ну как я оттуда при первой же отдаче сальтону?

— Не! — успокоил Мишка. — Вы ремнем привяжитесь.

Шмаков согласился и, заранее вытащив из брюк ремень, полез на сосну. Сначала он лез трудно, обхватил коленями сырой от тумана ствол, потом дотянулся до первого сука, и вскоре ноги его исчезли из поля зрения.

Не успел Мишка спросить — залез ли он, как прямо над головой что-то взорвалось, аж уши заложило! Только открыл глаза — снова.

— Собирай, Мишка, — кричит Шмаков, — сейчас мы их надолбаем!

«Кого собирать, кого надолбаем?» — ошалело думает Мишка. Глядь — что-то тычется в ноги. Это Буйка подает убитую крякву. Она нетерпелива: бери, некогда мне тебя уговаривать! Подранок в осоке спрятался, — чудится в ее скулении. Отдает утку и исчезает в тумане.

...Стучат колеса, Мишка засыпает, опершись на руку. Потом голова его соскальзывает на подушку. И в это время стая волков набрасывается на Буйку. Их много, а она одна... Она, задыхаясь от отчаяния и боли, ищет взглядом Мишку. И тут волки накрывают ее.

Мишка просыпается. Стучит сердце. Он долго не может успокоиться.

«Вырасту — стану охотником! — твердо решает он. — Волчатником. Всех уничтожу!»

Поезд к дедушкиной станции подходил, когда еще совсем темно было, часов в семь утра. Мишка взял рюкзак и вышел в тамбур. Здесь на полу лежал примятый снег, отдающий пустотой и холодом, от которого замерзают на лету птицы. Видно, за грязным стеклом тамбура гуляет в ночи бесконечная пурга.

Мишке захотелось назад, в духоту ночного вагона, но это, конечно, только на секунду.

Поезд сбавил ход, пошел тише и тише. Появился сонный, как осенняя муха, проводник. Он, не глядя на Мишку, отпер дверь и высунулся навстречу желтоватому свету станции. Зевнул.

— Живут же люди в такой дыре! Тут полмесяца как из Москвы, а уже выть от скуки хочется... — он оглянулся на Мишку, чтобы тот его поддержал. Мишка промолчал. Откуда этому зевающему знать, что в дедушкиной деревне жить получше, чем в любом городе. Тут тоже кино каждый день и автобусов полно. А попробуй, найди в городе речку, где карасей руками можно ловить, настолько они жирны и ленивы! Найди-ка в городе лес, где рябчики чуть не на шапку тебе садятся...

Можно сказать об этом проводнику, да ну его — связываться.

Перрон был пуст. И совсем не было пурги, только снежинки ловко виляли в свете фонарей. Мишка испугался: а вдруг

дедушка, не придет? Мало ли что: может, заболел или — скорее всего, телеграмму не получили.

Поезд ушел. Тот проводник, небось, улегся себе, а тут стой и жди. Да и дожدهшься ли вообще? Вон — лес чернеет, вдруп волки нагрянут! И не отобьешься. Есть у Мишки в рюкзаке заряженный патрон, только без ружья кто же стреляет. Во сне-то он и без ружья стрелял: зажмет патрон покрепче, щелкнет ногтем по капсюлю — бах! — на сто метров никого!

— Мишатка, ты, что ль!

— Я, деда! — обрадовался Мишка и бросился через рельсы к повозке. Конь разгоряченно пофыркивал и дышал густым паром, вот бы еще пламя из ноздрей — и совсем бы как в сказке.

Дедушка подхватил Мишку на руки, как маленького, колко щекотнул бородой шею.

— По волков приехал, Мишатка? Самое время! Самое время!

Значит, не напрасно поглядывал Мишка в сторону леса! — Долго ждал? Напугался, поди? А я супонь чертову полчаса проискал. Какой-то балбес догадался на оглобле оставить, нет бы снять да повесить с хомутом. Ты уже не серчай, Мишатка!

— Что ты, деда! Я совсем не боялся, — соврал Мишка, — да у меня патрон с собой, если б что — об рельсу как бы дал!

— Ну! — засмеялся дедушка. — Тогда поехали, что ль?

— Поехали, деда.

— Ступай, Гнедко!

Прямо через лес, где дикие волки, через лунные поляны, где кувyrкаются в снегу разбодрившиеся зайцы, — к бревенчатому дому на самом краю села, где ждет его, Мишку, бабушка. Вот уже и совсем близко.

После радостной встречи и чая со всякими вареньями Мишку разморило, и он проспал до самого обеда. Когда он проснулся, услышал сердитый голос бабушки:

— И перестань выдумывать, старый! Никуда он с тобой не поедет. Тебе надо, ты и раскидывай свою падаль. Выдумал чего! Мальчишка ночь не спал, а ты хуже маленького.

— Да я подожду, — смиренно сказал дедушка, — пусть поспит, я подожду.

— Езжай один, говорю! — наступала бабушка. — Воюй со своими волками, не вытягивай мальчишку.

Мишка, как услышал про волков, вскочил и кинулся одеваться. Как бабушка ни сердилась, она все же отпустила его с дедом, только заставила выпить пол-литра молока на дорогу.

Наконец вышли.

— Вот, Мишатка, чуть наши планы не сорвались! — засмеялся дедушка. — Хорошо, что ты прытко проснулся. Пойдем скорее!

На конюшне толпились люди, подписывали какую-то бумагу. Мишка узнал ветеринара Якова Борисовича. Тот приветливо кивнул Мишке и протянул дедушке руку:

— Здравствуй, Василий Федорович.

— Здравствуй, здравствуй, Борисыч. Ну, в чем причина?

— В старости, Василий Федорович, в чем же еще. Оттянула свое.

И тут Мишка увидел в углу конюшни лежащую на полу лошадь. Он понял, что это она «оттянула свое», сдохла значит...

Мужики вытащили лошадь из конюшни и стали укладывать в старые сани.

— Как сваливать-то будешь, Василий Федорович? Может, поехать с тобой — помочь?

— Нет, спасибо! Мы с Мишаткой справимся. Киньте только нам вон тот моток веревки! ...Но! Ступай, Гнедко.

Всю дорогу Мишка старался не глядеть назад, на лежащую в санях лошадь. Потом — ничего, стал глядеть, и почти не жалко ее было. Зато сколько волков они с дедушкой убьют! Спасут коров, овец, лошадей от страшных зубов.

Только как же все-таки они с дедушкой вдвоем снимут с телеги лошадь? Ведь это же не баран!

Ехали, ехали по дороге, потом свернули влево, прямо в лес. Кое-как пробились по снегу до опушки, на которой стоял стог снега. Тут дедушка остановил Гнедко и говорит Мишке:

— Лезь-ка, Мишатка, на дерево.

Мишка хотел сойти с саней, но дедушка не разрешил:

— Эх ты прыткий! Будешь следить, так разве волки подойдут к приваде!

Мишка залез на сук и уселся, как глухарь на току.

— Ты потише трясися, а то мне за шиворот снегу налете-

ло! — сердито кричит дедушка. — Держи веревку! Ну, чего на нее смотришь, вяжи за ствол! Вот так. Туго? И у меня готово. — Дедушка привязал второй конец к ноге лошади.

— Сиди, Мишатка, крепче. Держись за ствол-то! Ну, держу.

Гнедко потянул сани к стогу. Вережка начала натягиваться, и у самого стога лошадь сползла с саней на снег. Дедушка повернул Гнедка назад, перегнувшись с саней, отвязал веревку и подъехал к Мишкиному дереву.

— Отвязывай, Мишатка, и спускайся.

Вот, оказывается, как все легко и быстро! Держитесь, волки!

— Дедушка, сегодня ночью пойдем?

— Ишь, шустряк какой! С недельку, пожалуй, подождешь, пока они осмелятся подойти.

«Вот трусы! — подумал Мишка. — Это надо же — целую неделю боятся подойти к мертвой лошади!»

— Они не лошади боятся, Мишатка, — вдруг сказал дедушка, — они человеческого запаха не переваривают.

— А откуда человеческий запах?

— Ну как же! Ее ведь гладили, запрягали.

Мишка понюхал ладони и недоверчиво посмотрел на дедушку.

За столом дедушка хвалил Мишку, хитровато поглядывая на бабушку.

— Вот ты ругалась, старая, а как бы я без него приваду сбросил? Он же что твоя белка: прыг, прыг — и на сосне! А мне бы лезть да лезть. Еще, чего доброго, сорвался, да затылком о телегу хрястнулся бы! Вот тебе и привада получилась бы... А так — и я целехонек, и привада там, где ей положено быть.

— Вот разболтался! — удивилась бабушка. — То слова в день у него не допросишься. Чего, как хмельной? Обрадовался Мишаньке, небось?

Дедушка подмигнул Мишке и принялся за щи уже молча.

— Ой, старый, а я ведь сразу и не сообразила, чего ты его нахваливаешь! Никак на волков подмывливаешься взять?

Дедушка только ухмыльнулся в щи.

— И думать не смей, ишь, разошелся, старый лапот! За него ночами не спишь, передрожишь вся, а тут еще и Мишаньку за собой тянет. Как тебе только не стыдно!

— Тебе должно быть стыдно, старая! Волки уже под окнами собак рвут, скоро в коровники проберутся, а ты на печи меня удерживаешь, курица напуганная!

— Да не держу я тебя, хоть вообще домой не приходи, а Мишаньку трогать не смей! Пусть вон зайцев лучше ловит, если хочет, а с тобой не пушу. Сказано — и все тут!

— Ну, чего разошлась, — примирился дедушка. — То слова не допросишься в целом дне, а то — как из кузова!

Мишка рассмеялся: вот как ловко дедушка повернул бабушкины слова против нее же!

Тут дедушка встал из-за стола.

— Я, Мишатка, на станцию еду за грузом, не хочешь со мной?

— Ну до чего колготной старый! — всплеснула руками бабушка. — Езжай один, я его не пушу. Станций он твоих не видел!

— Ну, ладно. Один так один. Всю жизнь один... — погрустнел дедушка и начал одеваться.

Мишка заерзал на стуле, но бабушка строго посмотрела на него:

— Сиди!

И дедушка уехал один.

Бабушка пичкала, пичкала Мишку всякими ватрушками, Мишка даже жевать устал. Потом она стала расспрашивать Мишку про его жизнь. Мишке неинтересно было рассказывать про свою жизнь: ну, каток у них в школе большой залили, неоновый свет на улицы вывели — чего доброго! Вот, только он сюда приехал, уже и на конюшне побывал, и приваду готовил, и чуть было за грузом не поехал...

Тут Мишка покосился на бабушку, она погрозила ему пальцем.

— Хитрюня ты, Мишанька! Успеешь еще и за грузами, везде успеешь.

Мишка повеселел.

— Бабушка, а проводник вышел ночью в тамбур и говорит, что, мол, как в такой дыре только люди живут.

— Так и сказал? — недоверчиво спросила бабушка.

— Так и сказал! Я, говорит, полмесяца как из Москвы, а уж от скуки умираю...

Бабушка сильно рассердилась:

— Ну надо же! Ну, это надо же — у нас дыра! И ты ему ничего не сказал?

— Сказал, — покраснел Мишка. — Я ему сказал, что тут кино каждый день, и автобусы ходят, а карасей столько, что в Москве и не снилось!

— Надо же! — не могла успокоиться бабушка. — Нашел дыру. Ну, молодец ты, что так его отбрил! Будет знать!

Дедушка вернулся затемно, озябший.

— Четыре рейса крутнул! — радостно сообщил он. — Шестьдесят мешков овса доставил. А вот это тебе, Мишатка, пользуйся!

Он протянул Мишке туго смотанное кольцо стальной блестящей проволоки. У Мишки дух захватило: вот это петли будут!

— Сейчас, Мишатка, перекушу и обжигать ее будем, чтоб помягчала. Завтра на тропы пойдешь. Как ты на это смотришь, а, старая?

— А чего ему дома сидеть, пусть идет! — неожиданно согласилась бабушка.

И Мишка понял, почему она согласилась: уже очень ей польстило, что Мишка вступился за их село перед проводником. Эх, сейчас бы столкнулся Мишка с этим зевакой!

...Проснулся Мишка от громкого разговора: у двери в засаленной фуфайке, выставив вперед больную ногу, сидел на табуретке тракторист Шмаков. Дедушка, пытаясь озябшими руками расстегнуть крючок на полушубке, нервничал и сердито говорил Шмакову:

— Во-во! Жди! Дождемся, что в один прекрасный день колхозники нас судить будут. Раздобрились, скажут, наши охотнички: сначала овцу волчишкам подбросили... Съели они овцу, Петр? — с издевочкой, будто сам не знал, спросил он.

— Съели! — охотно подтвердил Шмаков. — Но ведь Василий Федорович! — неожиданно звонко, по-детски вскрикнул он. — Снотворное в овцу негодное начинили. На кошках потом пробовали — не действует.

— А теперь кобылку слопали! — будто не слышал его оправданий, бубнил дедушка.

— Проснулся, Мишатка? Во-во! Ты хоть постыди дядю Петра. Волки, Мишатка, ночью схамкали нашу лошадку, не посмотрели ни на какой запах. Я Петру говорю, мол, пока они пресытились, отсыпается где-нибудь поблизости, нужно

зафлажить их и перебить. А наш дядя Петя нюни распустил: подождем, говорит, следующей ночи, придут же они кости пососать!

Шмаков ухмыльнулся, махнул рукой и поднялся:

— Тебя не переспоришь. Пойду переоденусь только и охотников созову.

— Загонщиков кликни! — обрадовался дедушка.

А через час бабушка сердито толкала дедушке в карманы пирожки.

— Хоть перекусишь там, всполошился со своими волками... Мишаньку растравил, старый.

Мишка не удержался и заплакал.

Дедушка вышел расстроенный. Мишка слышал, как уходили охотники, как прогоняли прочь собак: на волков их не берут.

Потом заскрипели полозья, загонщики увозили к месту охоты флажки.

Бабушка молча протирала полы, гремела стульями. Ей, видно, очень хотелось успокоить Мишку, но она не знала, как к нему подступиться.

— Давай я тебе помогу, — вздохнув, сказал Мишка.

Бабушка обрадовалась, засуетилась:

— Что ты, что ты, Мишанька! Посиди, отдохни лучше.

Или петли вон делай, зайцев-то пойдешь ловить?

Вдруг она обернулась на звук хлопнувшей двери:

— Петр? — удивилась она. — Чего вернулся?

Шмаков замялся, кашлянул в руку и заговорил смущенно:

— Тут это... Я ведь тоже как бы вне охоты получился — нога разболелась. Так, думаю, не пойти ли нам с Мишкой просто посмотреть, а? — он робко глядел на бабушку. — Мы в сторонке — даже на глаза никому не покажемся!

— Небось дед надоумил! — фыркнула сердито бабушка.

— Нет! Чес-слово нет! — стал клясться Шмаков.

— Ну, шут с вами, — смягчилась бабушка, — собирайся.

Дорогой дядя Петя рассказывал Мишке:

— Флажки — дело очень забавное. Обычная бельевая веревка в полкилометра длиной. Через каждые полтора метра к ней привязывается красный лоскут — флажок. Если волки нажрались, они ленивы, их нетрудно зафлажить, то есть обойти вокруг, развешивая над землей веревку с флажками. Если благополучно их обошли — считай, что дело сделано: из кру-

га ни один не вырвется. Флажков они боятся ужасно — может, за огонь принимают. На всякий случай флажки пропитывают керосином, надежнее.

— Ну а потом? — поинтересовался Мишка.

— Охотники прячутся в кустах за флажками, а загонщики идут внутрь круга, вспугивают стаю и гонят волков на стрелков.

— А если они загонщиков порвут?

— До сих пор ни одного не тронули! — улыбается Шмаков. — Днем трусливее волка зверя трудно найти.

Мишка удивился и дальше шел молча. И неужели никогда они не осмелятся перепрыгнуть красную тряпку? А если испугу, неужели не бывает?

— Бывает, волк уходит из загона, — будто отгадал его мысли Шмаков, — тогда такого зверя в десять раз труднее убить будет. Страх перед флажками у него пропадает.

На поляне горел костер. Трое парней — загонщики — в ватниках и лихо подвязанных ушанках подбрасывали в него сучья, курили и о чем-то тихонько договаривались. Рядом — крестом приткнулись друг к другу двое саней. Распряженные лошади жевали сено, уткнувшись мордами в сани.

— Буйка! — вскрикнул Мишка и бросился к саням. Привязанные к оглобле, на снегу лежали две лайки: огромный черный кобель ветеринара — Фок и Буйка. Она, увидев Мишку, бегущего к ней со всех ног, вскочила, но не радостно, а настороженно. Мишка бежал, увязая в снегу и задыхаясь.

— Стой, — крикнул Шмаков, — стой, укусит!

Но Мишка уже сам понял, что это не Буйка. У Буйки не было белого пятна на груди...

Мишка понуро повернулся и пошел к костру.

— Ну что ты так... — успокаивал Шмаков. — Дочь ее... Ветка. Шесть месяцев ей всего, а уж от матери не отличить. И умница такая же. Как только будут у нее щенки, тебе лучшего...

Скоро к костру собрались все охотники. Оклад сделали удачно: зафлажили двух матерых, трех переярков (молодых волков прошлогоднего выводка) и четырех прибылых, то есть нынешнего помета.

Дедушка был весел, шутил и грозил Шмакову пальцем: ну, Петр, если не встанешь на номер, Мишатку поставим! Так, мужики?

— А что, он парень шустрый, поставим! — весело согласились охотники.

— Решай, Петр, скорее! — торопил дедушка.

— Уж поломаться для порядка не дадут, — заулыбался Шмаков, — пошли! А ты, Миш, — повернулся он к Мишке, — не уходи отсюда, не то под картечь можешь попасть. За собаками смотри, увязались, чтоб их!..

— Обложили надежно, — уже издали слышался голос дедушки.

— Бейте только навERNЯКА. Подранок может на загонщика броситься. А вы, ребята, как стронете — уходите за флажки, не храбритесь.

Затихли шаги. Где-то треснула веточка. Только лошади пофыркивают, сдувая с ноздрей колкую пыль.

Ветка, усевшись Фоку на хвост, следит за Мишкой. Фок лежит и не обращает на него никакого внимания.

— Ветка... — шепчет Мишка и прислушивается: ему кажется, что далеко-далеко, за целый километр от поляны, кто-то дико крикнул. Ветка вскакивает и заливается лаем. Теперь Мишка ясно слышит крики. Это загонщики будят волков.

С ели скатывается ком снега, еще в воздухе он рассыпается, и серебристая пыль мягко окутывает поляну. В это время звучит ломкий и нерезкий выстрел. Крик! И снова выстрел: уже гулче, с дрожью. Потом поднимается пальба. Отсюда Мишке кажется, что в лесу катают по пням-колодам пустые железные бочки.

Мишка напрягнулся, вглядываясь в просветы между елей. Вот тут, совсем рядом, стреляют в волков, в тех самых волков, что загрызли Буйку, подстерегают ночью на дорогах людей...

Фок рыкнул и вскочил. Поводок, удерживающий его, лопнул.

Мишка обомлел: на поляну, чуть не наскочив на собак, вывалился волк. Он волочил переднюю ногу, тыкался мордой в снег, оставляя за собой темно-красную полосу. Шерсть на груди набухла кровью. Волк явно ничего не видел перед собой.

Фок сбил его с ног и, вцепившись в ухо, рванул так, что ухо превратилось в клочья.

Волк молча подскочил кверху, заплясал на задних лапах и стал хватать, клая зубы, воздух. К нему со всех ног

мчалась уже Ветка. Порвать поводок она не смогла, а просто вывернулась из ошейника и теперь спешила на помощь Фоку.

Три тела сплелись в яростный клубок.

Мишка видел, что волк врылся лопатками в снег и тщетно пытается сбросить тяжелого Фока, вцепившегося ему в горло. Неожиданно клубок распался. Удивленно и растерянно замерла Ветка. Казалось, она спрашивала Фока: зачем же ты его выпустил? Волк придавил ее серой глыбой. Он не тряс ее, как это делают собаки, а до хруста сжимал клыками, приотпускал — и, вновь подминая, вонзал клыки в новом месте, быстро подвигаясь к шее.

Подбежавшие охотники не могли оторвать Мишку: он, забыв про все на свете, бил тяжелым сучком по ненавистному серому телу, иногда попадая и по черному — Фок смертельной хваткой сжимал челюсти на горле волка.

Испуганный дедушка оттаскивал Мишку все дальше от костра, лошадей, поляны... Он бегом тащил его за руку и твердил:

— Что же ты это выдумал?.. Что же ты это выдумал! Я ведь на тебя надеялся...

Мишка вырывался, его трясло. Он не понимал, что происходит: Буйка, Ветка... кровь на снегу, ошеломленный дедушка и спокойный Шмаков, уносивший куда-то на руках безжизненно обвисшую Ветку. Куда?

Не скоро вернулись к костру.

Мишка искал глазами Шмакова, а дедушка, присев на корточки, оттирал снегом ему валенки, полушубок, руки. Отяжелевший розовый снег сползал, кровянил дедушке ватные брюки, а он не замечал — тер и тер...

Шмаков появился из-за лошадей, от телеги.

— Будет жить, — равнодушно сказал он, — четыре ребра перемолол...

Из саней донеслось тихое поскуливание.

Мишка вырывался, побежал, спотыкаясь о разбросанные головешки.

Ветка лизала ему руки, обдавая горячим и влажным дыханием, тыкалась носом в голую шею, но не могла дотянуться до лица — не слушались, не поднимали ноги.

И тут Мишка расплакался. Он вдруг почувствовал, что никогда не станет охотником, даже на волков... Нет, не станет.

ЛЕОНИД ШКОЛЬНИК

ПЕРВОУДИВЛЕНИЕ

Впервые — ветер мартовского дня,
проталины в снегу и пар от речек,
и доченька, глазастый человечек,
сбегает в переулок от меня.
Ей кажутся дома грузовиками,
которые не едут никуда,
и все впервые — ветер и звезда,
и теплая дорога под ногами.
Впервые мир, пропахший синевой,
огромный мир, исхлестанный метелью,
и девочка бежит по мостовой,
заслушиваясь мартовской каплейю.
Высокий ветер светится в стволах,
Я вижу радость первоудивленья,
и возникает слово на губах,
как первое ее стихотворенье...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

А первый, — он застенчиво смутится,
он выпадет неловко и смешно,
и тихо таять будет, и светиться,
как лишь светиться первому дано.
И двум старушкам в скверике осеннем,
среди опавших листьев и острот,
провинциальный, в курточке, Есенин
на память что-то снежное прочтет.

И я лицом внезапно посветлею,
и, вытянув ладонь перед собой,
поймаю, да увидеть не успею
снежинки многогранник голубой...

* * *

Не улыбайся, зрелость,
ну, полно, бог с тобой!
Мы все когда-то грелись
у строчки голубой.
От прошлого — ни крохи.
Живем, как жить должны:
энергией эпохи,
дыханием страны.
Растим своих Оксанок,
и нам по тридцать лет,
и след от детских санок
как в будущее след...

ПОДСНЕЖНИК

Ах, подснежник, бродяга, шалун, пересмешник,
голова золотая, апрельское чудо,
появился, свалился — зачем и откуда?
Как на голову снег, —

признавайся, подснежник!

Двое суток бродяжим, устали как черти,
но сегодня под сопкой, за кустиком дальним,
ах, шалун — как записка любимой в конверте,
ты по почте весны нам назначил свиданье.
И смешные, серьезные, взрослые люди,
мы стоим над тобою и думаем робко:
как же вышло, что нас неприметная тропка
повела за собой,

да и вывела к чуду?

СЕНОКОС

Мы ставим скирды, вымокли от пота,
уже на травах высохла роса.
А нам ее Высочество Работа,
знай заливает спины и глаза.

И тяжело нам, и далеко до речки,
и даже трактор глохнет на ходу,
и где-то рядом маленький кузнечик
большое солнце тащит в поводу.

Мы падаем в некошеные травы,
над нами день качается, высок,
и вдруг — о, счастье, — раздается справа
мальчишки-водовоза

голосок.

И к черту зной, безветрие, усталость,
и мы толпой срываемся туда,
где нам, как снег на голову, досталась
вода.

Как пацаны, мы льем ее на плечи,
и снова пьем, уже не торопясь,
и рядом грустно тренькает кузнечик —
единственный непьющий

среди нас...

ТЕПЛО

Я понял —
существует чудо!
Ведь утром,
удивив семью,
я чудом заманил пичугу
погреться в комнату мою.
Ей странен был порядок в доме,
в ее глазах жила печаль.
Но я кормил ее с ладони
и улыбался... и молчал...
Нет, я не фокусник столицы,
меня иное привлекло:
я просто дал озябшей птице
необходимое тепло.

* * *

А в городе творится — боже мой! —
капель и холод, солнце и поземка,
и мальчик-с-пальчик, — глупые глазенки, —
бежит по снежной улице домой.
Ах, мальчик-с-пальчик, видимо, пора
бежать домой, испробовать варенья
и до утра учить стихотворенье,
которое не выучил вчера...
Последний день прощания с зимой!
И свет в окне, и мама что-то вяжет...
А на земле творится — боже мой! —
спроси у взрослых — столько нараскажут!
А на земле — свинцовая метель,
свинцовая, ты понимаешь, мальчик,
когда, сигару сплюнув, автоматчик
нацелился в напуганных детей.
А на земле суровая война,
но вся земля — суровая граница,
и на твоих уроках тишина,
как тишина Отечества, хранится.
И мы беду не пустим на порог,
нам не корпеть над атомной задачей...
Беги, малыш. Заучивай урок.
И нос, смотри, вареньем не испачкай.

ВЬЕТНАМСКОМУ РОВЕСНИКУ

Горбясь над слесарными тисами,
наклонясь над доченькой смешной,
я все время чувствую дыханье
века, опаленного войной.
Засыпаю, и ночами снится,
как в стране далекой, у костра,
моему ровеснику не спится:
автомат в коленях до утра.
Он скучает, парень, по работе,
вспоминает доченьку свою.
Есть у парня главная забота —

отстоять республику в бою.
До атаки школы опустели,
от пожаров корчится земля...
А у нас февральские метели
заметают в парках тополя.
Но приходит утро, как свидетель
снов или бессонницы моей,
и на этой маленькой планете
зорче вижу, чувствую ясней:
если мир опутает опасность
и взойдет беда над головой,
я солдат. Я рядовой запаса,
я имею адрес полковой!

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ

В районном центре, в старом клубе,
плохой погоде вопреки,
сошлись, покусывая губы,
пенсионеры-старики.
Они сошлись не для совета,
житейской мудростью лучась,
пришли приветствовать поэта,
который выступит сейчас.
И он встает, и он читает,
и зал кричит:

— Еще читай!

И он читает о Чапае,
о том, что выплывет Чапай!
И он читает о разлуке,
о женском профиле в окне,
и вдруг — о голоде, разрухе,
о сорок первом, о войне.
О, эта сила вдохновенья,
когда из времени, извне,
приходит вечное мгновенье,
напоминающая о войне!
И слов совсем уже не надо.
Война... И в памяти ясней
и ленинградская блокада,

и голос города над ней.
И слов совсем уже не надо.
И кто-то плачет... Тишина...
Взрывает памяти гранату
та забытая война.
И понимая суть момента,
молчит поэт. Смущен слегка:
он думал — быть аплодисментам,
а их не будет.

Ни хлопка.

ПРИРОДА

Всего-то — чтобы рассвело,
чтобы тропой, как судьбою,
тебя по просекам вело
лесное солнце за собою,
и чтобы ветра спелый свет
летел стремительно и косо,
как голубой велосипед
под велогонщицей раскосой.
Пусть славно, как в игре в «замри»,
над костерком великолепным
гуляют запахи земли,
и между ними запах хлебный.
Природе благодарен будь:
в ее красе разнообразной
важна не сутолока — суть,
не праздность ценится,
но праздник.
И, видимо, совсем не зря,
с каким-то мужеством мгновенным
ты вдруг почувствуешь — нельзя
с природой быть неоткровенным...

ДОЧЕРИ

В старом, выцветшем пиджаке,
удивительно неуклюжий,
проскачу на одной ноге

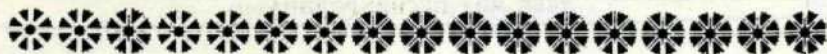
я, какие захочешь, лужи.
Много книжек тебе куплю,
даже варежку залатаю,
потому что тебя люблю,
девочка моя золотая.
Я тебе принесу цветы,
и в минуты беды и боли
помни, девочка, — только ты
вечно будешь моей любовью.
Вот ты вырастешь и поймешь,
как грустил временами папка,
вспомнишь, как вечерами, в дождь,
приносил он цветов охапки.
Как любил он глаза людей,
незнакомых и живших рядом,
с непогасшим до этих дней
удивительно ясным взглядом.
И когда ты поймешь меня, —
не сумеешь ты не влюбиться
в этот дождь на исходе дня
и в прекрасные эти лица...

* * *

Ну, что же вы, что же вы, братцы,
какая тут, к черту, игра?!
Мне надо в себе разобраться,
в себе разобраться пора.
Не суетность мысли и слова,
мне надо на этой земле,
как землю, нащупать основу
и лето приблизить к зиме.
Приблизить не фразой речистой,
а чтобы в июньской пыли
запомнить, как чисто-пречисто
снега тополиные шли.
Запомнить любое движенье,
все то, что судьба мне дала,
и видеть во всем продолженье
великого в людях тепла.

* * *

Не выводы, как на парад,
войска стихотворений,
а просто — новую тетрадь
открой для впечатлений,
и облаков ночную синь,
и путь летящей птицы
рукой счастливой занеси
на белые страницы.
Рифмой с дорогой тишину
и просеку — с дождями,
но в каждой буковке страну
не урони, как знамя,
ведь даже травушкой лесной
и реченькой люблю
ты вечно связан со страной,
как и она с тобою...

ВИКТОР ИОФИК

ПРО ТО, КАКИЕ МЫ ТАЛАНТЛИВЫЕ

Рассказ для детей

В школе повесили объявление:

«РЕБЯТА!

Записывайтесь в драматический кружок.

У кого, конечно, есть желание».

У нас с Фимкой желание было. Ну и записались. Елена Андреевна сразу дала нам роли в одной интересной пьесе. Репетировали два раза в неделю. И у нас с Фимкой, как сказала руководительница, даже артистическое дарование открылось.

— А это хорошо, что оно открылось? — спросили мы.

— Конечно! — улыбнулась руководительница. — Может быть, вы станете настоящими артистами.

— Конечно, станем, — обрадовались мы. — Для нас это ничего не стоит.

— Ой ли! — сказала она серьезно. — Очень много, ребята, нужно для этого труда и терпения.

— Ну, тогда все в порядке, — сказали мы. — Чего-чего, а терпения у нас хоть отбавляй.

Мы еще так с неделю в драмкружке позанимались, а тут другое объявление:

«РЕБЯТА!

Кто хочет ходить в акробатический кружок, записывайтесь у Елкина из 8-б».

Мы сразу же пошли к Елкину и попросили записать нас в акробатический кружок.

— Хотите стать акробатами, малышня? — строго спросил Елкин.

— Ага, — закивали мы головами. — Очень хотим.

— Ну тогда запишу. Только чур: не изменять.

— Как это?

— А так. Ходить до конца. До тех пор, пока в школе учитесь.

— Конечно, до конца, — говорим. — Очень нам нужно ходить не до конца. Мы ведь хотим стать акробатами.

Вышли мы из 8-б, а навстречу Елена Андреевна — руководительница драмкружка.

— Не забудьте, ребята, сегодня репетиция, — говорит Елена Андреевна.

Вот это да! Как тут быть? Мы стоим и молчим. Мы бы так еще долго молчали, если бы мимо не пробежал Елкин из 8-б.

— Малышня, — крикнул Елкин на ходу, — вечером занятия акробатического. Чтоб как штыки...

Елена Андреевна сразу удивилась:

— У вас что, и в акробатике дарование открылось?

— Ага, — обрадовались мы, — открылось. Ни с того ни с сего вдруг и открылось...

— Ну что ж, желаю удачи, — сказала она и пошла дальше.

— Здорово мы выкрутились, — говорит Фимка.

— Ага, — говорю, — замечательно выкрутились.

Идем себе, песню про спортсменов напеваем, а тут Сережа.

— Эх, вы! — говорит Сережа. — Тут такое творится, а вы ничего не знаете.

— Что же это такое может твориться, чего даже мы не знаем? — недоверчиво фыркнул Фимка.

— А то, — говорит Сережа. — Авиамодельный кружок открывается. Тренер — экс-чемпион города...

— Вот это да! — сказали мы хором. — А записаться туда можно?

— Еще, наверное, можно, — говорит Сережа. — Сходите к Валерию Павловичу.

Заходим в учительскую и весело так говорим учителю по труду:

— Здравствуйте, Валерий Павлович! Пришли вот в кружок записаться. Хотим самолеты делать.

Не успел Валерий Павлович ответить нам, а тут вдруг Елена Андреевна в дверях появляется.

— Что вы тут делаете, мальчишки? — спрашивает Елена Андреевна.

Мы с Фимкой сразу опустили головы, а Валерий Павлович сказал:

— В авиамodelьный кружок хотят записаться.

— Вот как? — удивилась Елена Андреевна. — А я и не знала, что эти мальчики так талантливы. У них, оказывается, и в авиамodelизме дарование. Ну и ну! Знаете, Валерий Павлович, по-моему, этих ребят записывать в авиамodelьный не нужно... Потому что завтра у нас еще открывается кружок юных натуралистов...

ИЛЬЯ РЕВИЧ

РЕКА

А на закате дня река горела.
Она багряным светом землю грела.
На перекатах что-то бормотала —
Река бежать в долину не устала.

Она несла с вершин прохладу гор
И прорубалась сквозь тайгу упорно.
Вела с ручьями тихий разговор,
Бежала полем — молодо, проворно.

И обогнув заторы, острова,
Ловила грома дальнего раскаты.
Была живой в дни засухи едва,
В нее гляделись зори и закаты.

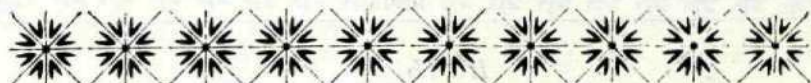
В неутомимый бег погружена,
Поля и рощи влагою питала —
Она одним на свете и жила,
Что землю щедро ею одаряла.

В такой вот час — где правит тишина,
Осенний свет на гладь воды струится,
И над тайгой безмолвная луна
Плывет, как фантастическая птица.

НОЧЬ

Вода в пруду померкла до зари.
Окутан сад очарованием сонным.
Ручей с дубравой мерно говорит,
И внемлют звезды робким перезвонам.

Как тихо... До рассвета далеко.
Еще роса на травы не упала,
Еще в тумане речка не пропала,
И чисто так, и на душе легко.

НИКОЛАЙ КАПУСТО

СЕЯТЕЛЬ

Пусть подвиг он вершит не ратный,
Но он и тем уж горд сполна,
Что в каждом колосе стократно
Его мечта повторена.

А дождь и ветер — не преграда,
Он, как боец, выходит в степь
Затем, чтоб в жизни был отрадой,
В труде — заслуженной наградой,
В беде — защитой — русский хлеб.

СЕРЕБРИСТЫЕ КОНИ

Сколько лет прошло — столько помнится
Тихий берег лесной реки,
Вольный край босоногой конницы,
И «всамделишные» клинки.
Кони были у нас рысистые,
Поручиться за них могу.
Тальниковые, серебристые,
Мы седлали их на берегу.
Мы — чапаевцы. Ленты алые.
А за «белых», кустиста и зла,
Выступала крапива шалая,
Что в тернистом углу росла.
И форсируя воду полую,
Мы врезались в колючий мрак.

Добровольно коленки голые
Обжигая в пылу атак.
И сверкали над нами отчаянно,
Обнаженные и горячи,
Будто сабли бойцов Чапаева,
Солнца утренние лучи.
Мы не трусили — не положено.
И не плакали — был закон.
...На рысях ушел в жизнь тревожную
Повзрослевший наш эскадрон.
Сколько лет прошло — столько помнится
Тихий берег, где мы росли...
Где ж теперь ты, лихая конница,
На каких рубежах земли?
Где вы, сверстники детства чистого?
Загляните в лесной уют,
Где росистые, серебристые
Кони воду речную пьют.

ОБЕЛИСКИ

Как память той поры, уже не близкой,
Что нас пытала кровью и огнем,
Встают под русским небом обелиски
В суровом одиночестве своем.

Встают они, как скорбные творенья,
Средь городских и сельских площадей,
И нет суровой предостереженья
Для всех живущих на Земле людей.

ЗАЩИЩАЙТЕ ВЕСНУ

Вы поверьте солдату,
Что прошел всю войну:
По-сыновнему свято
Защищал я весну.
Знаю я, что такое

На планете война,
Как звенит перед боем
На земле тишина.
Как вздыхают солдаты
В недосмотренных снах
О покинутых хатах,
О седых матерях.
Знаю я, как слепая
Землю рушит гроза,
Как травинка любая
С болью смотрит в глаза.
Как в железных раскатах
Умирают бойцы —
Молодые ребята
И седые отцы...
Пусть цветет вся планета,
Пусть не знает войну. —
Защищайте рассветы,
Защищайте весну!

РЕЧКА

Пшеничное поле шумит урожаем,
Любуется поле собой.
А речка степная его отражая,
Играет волной голубой.
— Скажи ты мне, речка, скажи, голубая,
Откуда ты цвет свой взяла?
— Весной трактористка одна молодая
В глазах его мне принесла.
— А как же ты стала такой голосистой,
Одна среди утренних нив?
— Совхозные ходят ко мне баянисты
И дарят мне песен разлив.
— Но как же ты стала такую нарядной
И где свое счастье нашла?
— Наряд я взяла у полей неоглядных,
А Родина счастье дала.

ФЕДОР АБРОСИМОВ

ТИЛЬЗИТСКАЯ ГАРМОНЬ

Рассказ

После концерта завклубом Иван Степанович Подосинников пригласил заезжих артистов к себе в дом. Поужинали, выпили маленько, слегка захмелели. А Иван Степанович как подопьет — хлебом его не корми — дай что-нибудь рассказать. Вот и сейчас набивает свою коротенькую изогнутую трубочку, а сам ястребиным глазом на артистку, что на аккордеоне играла, нацеливается. Пых-пых — выпустил облако дыма и под прикрытием этой дымовой завесы начал:

— Вы, конечно, хорошо играли, спору нет. И инструмент у вас добрый! Только у нас на фронте вот какой случай был. Стояли мы в Тильзите. Не особо большой городишко Тильзит, но важный. Три дороги здесь схлестнулись. Говорят, в свое время в нем Кутузов и Наполеон бывали. Вот такие дела. А должен вам сказать, гармонист я — ну прямо заядлый. У нас, в Вятской области, все играют: кто на хромке, кто на тальянке, на саратовской с колокольчиками, многие — на баянах. Я свою хромку всю войну за собой таскал. От Волги до Восточной Пруссии донес. Все думал марш победный на ней сыграть. Да случай — беда. Под этим самым Тильзитом ахнула мина в ротную повозку... и прощай моя гармонь. Город мы взяли. Ну, мой землячок Василий Иванович Коротков и говорит:

— Эх, тулочку бы сейчас или саратовскую. Душа заскучала по гармошке.

Вышли мы за город лагерем расположиться. Смотрим — брошенная машина, а кузов брезентом накрыт. Открыл я его — батюшки! Не видел ничего подобного сроду. Аккордеон? Нет! Уж больно много планок по белому ряду, да такие

узенские — пальцу негде ступить. Черный ряд тоже есть. Попробовал квадратный мех, там воздух — не растянешь. Пиликал-пиликал — ничего не выходит.

— Брось, Иван. Не по тебе музыка, — остановил меня Василий Иванович. Потом подумал и говорит: — А вообще-то как нам без музыки жить? Научись.

Так она, эта инструментина, с нами в обозе и ехала. Изредка на привалах я ее вынимал, все осилить пробовал. Обидно, знаете ли, ведь все же не последний гармонист на деревне был. Однако ничего не получалось. Пиликаю-пиликаю, пока матерком или сапогом в меня ребята не пустят. С тем и брошу. А пройдет день-другой — опять беру. Ну, не мог без нее — будто что-то гложет, скукота без своей гармонии.

Как-то на полянке у лесочка расположились мы на отдых. Кухни дымят, кашей пахнет. Знаменитую кашу наш повар сварил! А я инструментину эту выволок, меха терзаю. Вдруг какой-то солдатик подходит:

— Слышь, — говорит, — дай попробую.

— На, если получится. Тоже, поди, по деревне с гармошкой хаживал?

— Да похоже, — улыбается, а сам ремень на плечо и по клавишам пальцами пробежал.

Вдохнул инструмент вроде бы с облегчением и запел.

Как он играл! Я вовек такой игры не слыхивал. Ребята котелки побросали — к нам. В кучу сбились — слушают. А он, как колдун, обворожил всех музыкой. Кончил.

— Расходись! — старшина шумит. — Демаскируете!

Оглянулся я — едрена корень! Сотни две солдат набежало — слушали.

Снимает солдат ремень, протягивает гармонь мне.

— Спасибо, отвел душу, — говорит.

А у меня руки не поднимаются забрать гармонь у него. Стою и молчу. Тут ребята наши, минометчики, загалдели.

— Отдай ты ее ему, Иван!

— Порадовал, паря!

— Отдай! Все одно у тебя ничего не выходит.

Шагнул я к тому солдату:

— Бери, — говорю. — Играй!

Он сначала отказывался, говорил, что я-де, ей и цены настоящей не знаю, что состояние это целое. Тут старшина наш вмешался:

— Это руки твои, парень, состояние. Сердцу, таланту твоему цены нет. Бери!

Тот после этих слов засмутился, гармонь взял, а мне деликатно так руку пожал.

— Благодарю вас, — говорит. И пошел себе...

Иван Степанович замолк, раскурил погасшую трубку.

— Ну и не встретились вы с ним больше? — взволнованно спросила артистка, видимо, заинтересованная рассказом.

— Я не встречал. А вот земляку моему, Василию Ивановичу Короткову, довелось. Да и лучше бы ее не было, той встречи.

Бой был у водяной мельницы. Саперы там несколько раз наводили понтоны и никак не могли наладить переправу. Немец еще цеплялся за каждую речонку, обстреливал ураганно. А саперы все строили. Мост взлетит на воздух — они снова.

Говорят, в это время у них гармонь играла, все больше марши. Много погибло наших, но эту мельницу заняли, дальше путь до самого Кенигсберга был открыт. Убитых хоронили на берегу.

— Смотрю, — рассказывал мне Василий Иванович, — кладут одного, а за ним несут твою гармонь. Положили в могилу солдата, а рядом с ним инструмент. Вот какие дела-делишки...

— Что же это вы! — перебила рассказчика гостья, вскочив со стула. — Почему же не взяли? Гармонь же... Да вы знаете, какая ей цена?! Не раздумывая, я бы заплатила вам три, четыре сотни рубликов...

Она говорила еще что-то, о какой-то рояльной гармонике, которую могут как следует сделать лишь по особым заказам в Венеции и еще где-то...

Но Иван Степанович почему-то замолчал. Ему больше уже не хотелось рассказывать о той тильзитской гармонии.

— Эх-ма! — вздохнул он. — Пойду скотину гляну.

И вышел, тяжело припадая на правую, простреленную под Кенигсбергом ногу.

ВАСИЛИЙ МОРОЗОВ

КЛЮЧ «БЕРЕЗОВЫЙ»

Между сопок вьется ключ,
Голосок его певуч,
А березы-белолицы
Подошли воды напиться.
Стали слушать сообща
Песни горного ключа.
Не уйти красавицам —
Песни очень нравятся.
Здесь геологи прошли,
Оловянный клад нашли.
Под березой ночевали,
Ключ «Березовым» назвали.

ЗНАЮ Я ЛЕСНЫЕ ТРОПКИ

Знаю я лесные тропки.
Сколько их — не сосчитать.
Вот тропа к вершине сопки
Вьется змейкой — чуть видать.
Тропка к ягоде бруснике,
Тропка к сладкой землянике,
Тропка к рыбной речке Хор,
Две тропы в сосновый бор.
Там вчера с соседом Федей
Повстречались мы с медведем.
Знаем мы лесные тропки:

К землянике,
К речке,
К сопке...
Только вот о чем наш спор:
По какой тропинке с Федей
Мы бежали от медведя —
Не припомним до сих пор.

ЖУК-УСАЧ

Шел я тропкою лесною.
Слышу — голос под сосною:
— Скрипи-скрипи-скрипи-скрип!
Жук-усач к сосне прилип.
У сосенки ствол липучий,
Жук увяз в смоле тягучей,
Смерть приходит усачу.
Я бы спас, да не хочу.
Жук кору точить любил —
Много сосен загубил.

АИСТ

Вдоль болота
Бережком
Ходит аист
С рюкзаком.
Мы спросили:
— Эй, чудак!
Для чего тебе
Рюкзак?
— Улетаю
Я от вас,
Сто лягушек
Взял в запас.

ТАЕЖНЫЙ СТОРОЖ

Ночью, сидя на сосне,
Филин жаловался мне:
— Гу-ку-гу! Гу-ку-гу!
Спишь? А я не могу.
Гу-ку-гу! Гу-ку-гу!
Я тайгу стерегу!
Так до полночи глубокой
Гукал филин одинокий.

ВЕСЕЛЫЙ ТАЗ

С крыши капелька упала,
В таз голубенький попала.
Не смолчал веселый таз —
Торопливо звякнул:
— Раз!
Вслед за первой с сарая
Капля прыгнула вторая,
И опять веселый таз
Торопливо звякнул:
— Раз!
— Два! —
Поправили его
Из пруда лягушки.
Таз не слышал ничего:
Ребятишки у него
Оборвали ушки.

ИРИНА МЕТЕЛКИНА

СВЕРШЕНИЕ

Свершение!

Твой ледоход запаздывает.

Как жду его, еще не оперившаяся,

Облокотясь на тонкие перильца

Сыпучего и шаткого моста.

Косички мои тонкие воинственны,

Тепла ладонь, глаза светлы и веселы.

Я мая жду, как будто в этом месяце,

Звения, родиться сыну предстоит.

Свершается!

Взрывается, срывается.

Мосток взлетает над крутыми волнами,

И с берега река стянула волоком

И в океан несет кривой плетень.

Свершение!

Свершение — спасение.

Средь ночи почки вздрагивают выстрелами,

А днем белье прохладное и выстиранное

Хлопочет и хохочет на ветру.

Но тихо...

Под заснеженною крышею

Мне снятся листья, до краев зеленые,

Горячий луч и губы опаленные,

И ледоход — все ночи напролет.

Запаздывает.

Ах, ледоход запаздывает.

Уже деревья радостно побелены.

Но дремлют плечи ясные и белые,

Свершение им только предстоит.

Все сбудется — торжественно и празднично,
Ведь ночью почки вздрагивают выстрелами,
И за апрелем май идет неистово,
Неистово, как белый ледоход.

МОИ СТИХИ

Мои стихи как дети малые,
Им что-то надо, вечно мало им.
Они наивно, но просторно
Глядят в лицо мое простое.
Тревожат каждой малой строчкой
Коротким днем и долгой ночью.
И я пою им: «Баю-баюшки».
Я словно мать им, словно бабушка.
Пою и мучаюсь бессонницей.
Но вот они уснут бессовестно.
И станет одиноко очень мне, —
Вот так же матери без доченьки.

ВАСЬКА САВИН

Когда мне очень тяжело
Одной под небесами,
Я вспоминаю, где-то есть
Веселый Васька Савин.
Он ходит, с желтой головой,
И синими глазами,
Смеется, если тяжело,
Веселый Васька Савин.
Горит коричневая сталь
Его веселых мускулов.
Мне на беду, мне на печаль,
На радость, и на муку.
Когда от боли бледен лоб
И ночи под глазами,
Я вспомню, если тяжело, —
Смеется Васька Савин.
И только мускулы звенят,

Натягиваясь тонко,
И вытянут и победят, —
Я знаю это точно.
А коль устану от дорог,
В обочине присяду, —
Я вспомню, вышел за порог
Романтик Васька Савин.
Построят на Амуре мост
До самого до неба.
Не ладится там без него,
А он еще там не был.
А если вдруг печаль в глазах
Я Васькиных замечу,
Без всяких слов пойму тогда,
Что он ее не встретил —
Ту девочку, всю в голубом,
В улыбчивом и светлом,
Она и явь, она и сон,
А он ее не встретил.
И все же если тяжело
Одной под небесами,
Я вспоминаю, где-то есть
Веселый Васька Савин.
Он ходит, с желтой головой,
И синими глазами.
Смеется, если тяжело,
Веселый Васька Савин.

ПОХОРОННАЯ

Вставало солнце, трудное и красное.
И разливалось солнце вязко, густо.
Текли лучи, стремительно и грустно,
И ударились вдруг в оконце крайнее.
И вскрикивали петухи испуганно,
Причаливал мальчишка в лодке утлой.
И женщина стояла среди утра,
Полуодетая, с косой распущенной.
Она, как песня, медленно покачивалась,
И жуткий плач летел куда-то к солнцу.

И окна в избах открывались сонно,
И люди торопились на окраину,
Тревожно шли за неутешным голосом,
Шепча: «Досталось Насте натерпеться.
Ну, как она без мужика теперь-то?»
Зачем заря вплетала ленты в волосы? —
Ведь глубоко лежали парни павшие...
На голос рано просыпался хутор,
Но, словно флаг над головою, утром
Вставало солнце над землей и пахарем.

БЕЖАЛИ ЛОШАДИ ЗА ВЕЧЕРОМ

По улице, порой хорошею,
Глазами теплыми мигая,
Траву неловкую сминая,
Бежали тоненькие лошади.
Звенели бубенцы, как песенка,
Копыта гулко в землю били.
Спешили лошади не в битву,
Бежали ласково и тесненько.
И с ними, радостен и тонок,
Как будто песенку насвистывая,
Бежал горячий, словно искорка,
Ушастый, красный жеребенок.
Он задира локотки весело,
Хоть маленький, но не опаздывал.
Так по селу не в бой, не парами —
Бежали лошади за вечером.

* * *

Неведомо, но есть село вдаль,
Там по ночам калитка тихо хлопает,
Весной спадает голубыми хлопьями
Черемуха до голубой земли.
Там холодна трава на берегу,
Ногам босым — и весело, и колется.
Я знаю, снова новенькие колышки

Привязывают к саженцам в саду.
А в поле запах дыма и травы,
И землю лемех с корнем выворачивает.
А летом, вслед за солнцем поворачиваясь,
Подсолнуху не вскинуть головы.
Неведомо, но есть село вдали —
Оно моё с рожденья и до смерти.
И я иду к нему, вот так же к свету
Идут всю ночь усталость утолить.

НИНА ЖУРАХОВСКАЯ

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ

Иду к мосту,
Что над рекой висит,
И слышу,
Как река внизу шумит.
И, взглядываясь в сумрак,
Вижу вновь:
Притихла чья-то
На мосту любовь.
Она,
Как не встревоженный родник,
Чиста и совершенна
В этот миг.

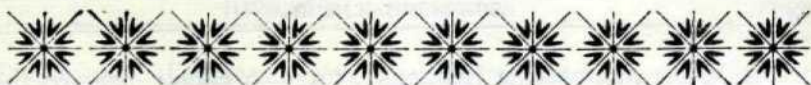
* * *

Сколько красок дивных
Осень принесла,
Огненным разливом
Дали обняла.

Красная рябина,
Желтая ольха...
Хороша картина,
Только далека.

Золотого цвета
Не достать рукой,
Ведь картина эта
В чаще за рекой.

ВЕЧЕН СВЕТ ЖИЗНИ

НАУМ МИРНЫЙ

НАРОДНОЕ, САМОБЫТНОЕ

*«Смейтесь, смех полезен для здоровья,
доктора велют смеяться».*

(Шолом-Алейхем)

Зрительный зал Биробиджанского Дворца культуры в тот вечер то и дело оглашался дружным, веселым смехом. Не было среди массы заполнивших его людей ни одного скучного, равнодушного лица. Еще бы! На сцене — Шолом-Алейхем. В постановке недавно созданного самодеятельного коллектива шла одноактная пьеса «Мазлтов» — один из шедевров великого народного писателя-юмориста.

Богатое оттенками слово «мазлтов» означает приветствие, поздравление, пожелание большой счастливой судьбы. И, естественно, «расковывающее», обращенное к режиссеру-постановщику Михаилу Абрамовичу Бенгельсдорфу и всему коллективу исполнителей, оно появилось и в заголовках рецензий и в высказываниях зрителей. Потому что спектакль получился не только веселым, но и вдумчивым, содержательным, по-настоящему шолом-алейхемовским.

Первой же своей постановкой еврейский драматический коллектив при Биробиджанском Дворце культуры показал себя достойным собратом несколько ранее возникшего русского народного театра. Сразу же скажем, что все это время оба народных театра областного центра — русский и еврейский — работают в добром ладу и содружестве. У них в значительной мере и зритель общий и актерами-исполнителями они порой обмениваются. Оба театра удостоены звания лауреатов всероссийских смотров и почетных дипломов. Что касается творческого почерка, то тут у каждого из них, несомненно, свое лицо.

Русский народный театр под художественным руковод-

ством Миры Моисеевны Шименко, имея в своем репертуаре спектакли разных жанров, все же главным образом тяготеет к драме, героике, к созданию и раскрытию психологически сложных образов-характеров. Достаточно вспомнить такие постановки, как «Барабанщица», «Вириния», «Судженские мадонны». В арсенале его изобразительных средств видное место занимают патетика, революционная символика.

Все это наличествует и в некоторых постановках еврейского народного театра. Однако преимущественно он верен заявке, сделанной при своем появлении на свет. Это главным образом театр сатиры и юмора, театр Шолом-Алейхеа, к произведениям которого он обращается снова и снова, находя и выделяя в них то, что созвучно нашим дням, стремлениям и думам. В стилевом отношении он продолжает и развивает лучшие традиции еврейской сцены. Это выражается прежде всего в том, что спектакль строится как яркое синтетическое зрелище, органически сочетающее слово, музыку и пластику.

Следующей после «Мазлтов» значительной работой самодеятельного коллектива была большая «полнометражная» комедия «Гершеле Острополер» советского писателя Моисея Гершензона, погибшего в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны. Своеобразие этой пьесы в том, что она основана на фольклоре. В центре действия — Гершеле из Острополя, о похождениях и проделках которого в народе бытует множество веселых историй и побасенок. Бедный, но не унывающий, остроумный и находчивый, он в постоянном конфликте с «сильными мира сего» и досаждаст им, чем только может. В данном случае Гершеле сталкивается с глупостью, жестокостью, жадностью местечкового богача Калмэна и в духе неисчерпаемой народной фантазии чинит над ним суд — веселый, беспощадный и правый.

Вслед за автором пьесы режиссер Михаил Бенгельсдорф и исполнитель главной роли Залман Шувал значительно подняли, обогатили образ Гершеле. Неистощимый на выдумки, бездомный странник в спектакле опозтизирован, наделен чертами печальника и заступника бедных и обездоленных. Он как бы аккумулирует в себе их социальный протест, презрение и ненависть к тем, кто под сенью властей предрежжащих (к Калмэну по первому зову спешит на выручку пристав...) кровопийствует и жиреет.

Спектакль «Гершеле Острополер» изобилует режиссерскими находками и актерскими удачами. В нем много музыки, танцев. Его успех как в Биробиджане, так и на гастролях, был огромным. Именно этот спектакль подтвердил право коллектива артистов-любителей именоваться народным театром и принес ему почетное звание лауреата всероссийского смотра самодеятельных театральных коллективов в честь 50-летия Советской власти.

Большой творческой удачей театра явился также спектакль «Крупный выигрыш» («200 000»). Постановка этой замечательной пьесы Шолом-Алейхема имеет многолетние традиции. Крупнейшие мастера, в том числе непревзойденный Соломон Михоэлс, создавали на сцене образ портного Шимэле Сорокера, с которым судьба сыграла злую шутку: мгновенно разбогатев, он столь же быстро лишается своего капитала. Есть классические воплощения и образа жены Шимэле — недалекой и простодушной Этти-Мэни, их дочери Бэйлке, подмастерьев Мотл и Коппл и других персонажей пьесы. Нет смысла проводить аналогии, но к чести артистов-любителей и среди них нашлись достойные исполнители этих ролей. Это опять-таки Залман Шувал (Шимэле Сорокер), это отлично сыгравшая Этти-Мэню Броня Львовна Жидовецкая, это Эддя Мелешко в роли Бэйлке. В целом на сцене выступал слаженный ансамбль, который общими усилиями как бы приподнимал, «вытягивал» и тех, кто послабее.

И еще об одном шолом-алейхемовском спектакле народного театра следует сказать — об одноактной пьесе «Менчн» — «Люди». В самом названии кроется гневное обличение социального строя, где слово «человек» получило столь искаженное, оскорбительное значение: «человек» — в смысле слуги, безответного наемного раба, которым можно помыкать, как хочешь. Театр сумел впечатляюще воплотить на сцене и это, пожалуй, самое резкое у Шолом-Алейхема осуждение бездушия и черствости богатей.

Достойное место в репертуаре самодеятельного коллектива заняла пьеса М. Даниэля «Зямка Копач», поставленная к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Спектакль, повествующий о славном рабочем пареньке Зямке и его таких же юных друзьях, «приемышах» красноармейского отряда, насыщен пафосом классовой борьбы, романтикой революционного подвига. Сильно, убедительно звучит здесь

мотив интернационального боевого братства. Плечом к плечу борются за Советскую власть, всем сердцем тянутся к великой ленинской правде герои пьесы — русские, украинцы, белорусы, евреи, литовцы, поляки. Особой задушевностью отмечены сцены, в которых нашла отражение горячая народная любовь к вождю революции, учителю и другу всех трудящихся Владимиру Ильичу Ленину.

Недавно коллектив театра порадовал зрителя новой интересной работой. На этот раз он обратился к творчеству основателя еврейского театра Арона Гольдфадена, поставив одну из его наиболее популярных пьес — «Два простака». По жанру это — занимательный, забавный водевиль, по содержанию — едкая, с антирелигиозным зарядом сатира на быт и нравы, лицемерие и косность буржуазно-клерикальной среды. Значительной долей своего успеха эта постановка обязана артисту Максиму Эпштейну, который остро и своеобразно сыграл роль главного простака. (Их в пьесе два — один подлинный, другой — мнимый.)

Это была последняя постановка скончавшегося в прошлом году Михаила Абрамовича Бенгельсдорфа. Приняв и продолжив творческую эстафету, новый художественный руководитель театра Берта Львовна Шильман с большим успехом поставила еще одну пьесу Гольдфадена — «Колдунья». Талантливая актриса, она блестяще исполнила в этом спектакле заглавную роль. Ее баба Яхнэ «колдунья» — не лубочно прямолинейный, а сложно инструментированный образ. В нем — олицетворение бездушия, кривды и зла, господствующих в обществе, где человек человеку — волк, порождаемых этим обществом.

Следующей постановкой театра будет опять-таки произведение сатирического жанра — пьеса биробиджанского писателя Бориса Миллера «Ничто не падает с неба».

Путь народного театра озарен отнюдь не одними праздничными огнями премьер. Между ними пролегает длительная полоса будничной, порой нелегкой, напряженной работы. Это — и доводка спектаклей после их первого показа, замена по разным причинам уехавших, временно или навсегда отошедших от театра исполнителей. Это поиски пьесы, которая бы заинтересовала, зажгла актеров-любителей, ибо без такого интереса и огонька трудно добиться регулярного посещения репетиций (люди-то все занятые и на работе и дома!), пол-

ной самоотдачи при подготовке и постановке спектакля. Это — поиск в массе людей новых дарований, настойчивая, кропотливая их шлифовка, обучение сценическому мастерству, начиная с самых азов.

...Два Биробиджанских народных театра — русский и еврейский — заняли видное место в культурной жизни города и области. Они все время в поиске, постоянно черпают из неиссякаемого родника народных талантов и дарований новые, свежие силы. В этих поисках, в неразрывной связи с жизнью — залог их новых творческих успехов.

НАУМ ФРИДМАН

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

(Странички воспоминаний об Эммануиле Казакевиче)

Многих людей большого, щедрого таланта вспоила своими соками земля дальневосточная. Имя одного из них — замечательного писателя Эммануила Казакевича — связано со становлением нашего города и области. Здесь прошли годы его юности. Отсюда, через огненные рубежи Великой Отечественной войны, шагнул он в большую советскую литературу, чтобы остаться в ней навсегда такими произведениями, как «Звезда», «Весна на Одере», «Дом на площади», «Сердце друга».

...Начало тридцатых годов. Ничто еще не устоялось, не уложилось в этих благодатных, мало обжитых, почти еще диких местах. Да и когда было их осваивать, обживать? Ведь выйдешь, бывало, в сопки, и кажется, что еще катится в распадах гулкое эхо недавних партизанских боев. Еще не осела, не проросла травой-муравой земля на могилах павших героев, свежей белизной сверкали камни монумента на легендарной сопке Волочаевской.

Дольше, чем где-либо в стране, затянулась на Дальнем Востоке пражданская война. Только к 1928 году удалось залечить причиненные ею раны. Лишь с началом первой пятилетки стал закладываться фундамент той великой новостройки, какой впоследствии стал наш край.

От амурских берегов и до линии железной дороги натужно гудели пока еще маломощные тракторы, с трудом поднимаемая неподатливую целину. Редкими, вразброс, строениями обозначились среди сопки и тайги будущие совхозные и колхозные села, рабочие поселки. Тихонькой еще именовался

будущий областной центр Биробиджан. И хотя с каждым днем в нем становилось все веселее, оживленнее, однако оставался он пока преимущественно деревянным, барачным, без каких-либо житейских удобств.

И вот среди этой первозданности, неустроенности чувствовал себя, как рыба в воде, молодой, начинающий поэт Эммануил Казакевич.

Приехал он сюда с отцом — видным журналистом и общественным деятелем — и матерью, учительницей из тогдашней столицы Украины — города Харькова. Прирожденный горожанин, он, казалось, очень мало был приспособлен для такого бивуачного образа жизни. Высокий, худой, слегка сутулившийся, с «велосипедом очков» на близоруких глазах, здоровья далеко не богатырского...

Зато здоровья душевного ему ни у кого не надо было занимать, а его кипучей энергии, инициативы, бьющей через край жизнедеятельности хватило бы на десятерых.

Тогда об этом и в мыслях не было, а сейчас я понимаю: он был из породы тех, кто в шестнадцать лет командует полком, в двадцать — дивизией. Неспроста же сугубо штатский, никогда раньше — ввиду плохого зрения — не служивший в армии, Казакевич в годы войны, можно сказать, самоучкой становится офицером, начальником разведки, об опыте которого, помнится, писал центральный армейский журнал.

Повторяю, тогда, в тридцатых годах, мы, друзья Эммануила Казакевича, ничего этого, разумеется, ни знать, ни предвидеть не могли. Зато нас поражало другое: откуда у него, совсем еще юного, закончившего машиностроительный техникум, такая эрудиция, столь обширные познания, особенно в области литературы. И как он успевает их постоянно пополнять, будучи все время в движении, в кипении? Причем и стихи пишет — всерьез, не «любительские», и замыслы вынашивает обширнейшие, под стать тем большим мастерам, которых берет себе за образец. Завидовали его работоспособности и тревожились: не слишком ли парень усердствует, ночей недосыпает, и не потому ли так худ и бледен?

Но говорить об этом самому Эмме было совершенно бесполезно. В ответ можно было услышать характерный громкий смех и мгновенно рожденную незлобивую, но довольно-таки едкую шутку. На это он всю жизнь был мастер из мастеров.

Разумеется, он был прав. Юность, если она настоящая да

к тому еще талантливая, не может, не должна щадить себя. Этим жизнь движется.

Умение, стремление целиком отдавать себя работе, людям было у Эммы тогда и осталось навсегда глубоко органичным, естественным. Помню, зашел как-то разговор о развернутой Н. Г. Чернышевским в романе «Что делать?» концепции «разумного эгоизма». Подчеркивая, что дело не в термине, Казакевич горячо высказался в пользу этого целомудренного взгляда на самоотдачу, самоотверженность как на потребность собственной души, высшего счастья для самого себя, за что не люди тебе, а ты людям должен быть благодарен.

Позже, в произведениях зрелой поры, он об этом скажет языком живых, глубоко впечатляющих образов, а в дни нашей юности сердце друга ярко раскрывалось передо мной, когда я слушал в его пламенном, вдохновенном чтении «Весь голос» В. Маяковского. Великого поэта-гражданина, поэта-трибуна он любил страстно, многие его произведения знал наизусть и не упускал случая, чтобы выступить с ними перед аудиторией, особенно молодежной. Лучшие переводы стихов Маяковского на еврейский язык принадлежат перу молодого Казакевича.

Влияние Маяковского сильно сказалось и в творчестве самого Казакевича того периода (писал он тогда преимущественно стихи на еврейском языке). Сродни ему была и лирика Г. Гейне. В его стихах нетрудно обнаружить и следы других влияний. Мы, первые читатели и критики стихов молодого поэта, понимали, что тут, помимо всего прочего, сказывается его необычайная начитанность. Когда он брался за перо, его словно обступали высочайшие образцы. В «борении» с ними он пробивался к самому себе.

Путь был нелегким, но плодотворным. Уже в первом изданном в Биробиджане сборнике стихов Казакевича ощущается, пусть еще не совсем твердый, но своеобразный почерк поэта. Чем дальше, тем больше элементы декларативности, плакатности уступают место гражданственным мотивам более емким, глубоким. Думаю, что свидетельством тому может служить и опубликованная в настоящем сборнике в русском переводе небольшая поэма Эм. Казакевича, посвященная памяти рано умершего отца.

Тяготение будущего автора «Звезды» и «Сердца друга» к лирико-повествовательному жанру сказалось в романе в сти-

хах «Шолом и Хава», вышедшем в Москве отдельной книгой незадолго до войны. Первые выборы в Верховный Совет СССР по новой Конституции вдохновили Эммануила Казакевича на создание жизнерадостной, веселой комедии «Молоко и мед», поставленной биробиджанскими артистами. Кроме того, он для Биробиджанского театра перевел на еврейский язык такие сложные пьесы, как «Враги» М. Горького и «Уриэль Акоста» К. Гюцкова.

Но память о Казакевиче живет в нашем городе и области не только как о поэте, драматурге. И не только как о способном журналисте, много и плодотворно поработавшем в областной печати. Старожилы вам расскажут о Казакевиче — руководителе очень важной по тому времени стройки — первого в городе здания кинотеатра, о Казакевиче — лесозаготовителе, культработнике среди переселенцев и даже председателе колхоза. Особенно же много сил и энергии он отдал организации в городе Биробиджане театра, первые спектакли которого совпали с провозглашением Еврейской автономной области. Самое деятельное участие принимал он в жизни литературной организации города, был активным комсомольцем, членом областного комитета комсомола.

Вряд ли он сознательно, намеренно брался за разные дела с целью накопить впечатления, факты, материалы для будущих своих произведений. И такого рода «корысть» ему была чужда. Хорошо ли это или плохо, но он вовсе не подчинял все и вся в себе писательскому делу. Ведь вот и в годы войны он только воевал и ничего не писал, даже записных книжек не вел, и все, что написано им потом о войне, почерпнуто из неиссякаемой памяти сердца. Он был настоящим гражданином в жизни, отсюда и высокая гражданственность всего его творчества.

Рассказывая о молодом Казакевиче, я вовсе не хочу и не собираюсь наводить на него «хрестоматийный глянец». Меньше всего походил он на примерного, благонаправленного юношу. От избытка энергии порой занимался литературным озорством. Он мог, например, долгое время всерьез трудиться над шуточной поэмой, представлявшей интерес лишь для очень узкого круга лиц. Правда, и это у него получалось талантливо, однако и друзья и старшие товарищи имели основание упрекнуть его в неразумной трате дарования, времени и сил.

Любовью и привязанностью Эммануила Казакевича на

всю жизнь стал наш Дальний Восток. Почти во всех его городах он побывал, глубоко проникся его славными революционными традициями, завязал крепкую дружбу со многими дальневосточными писателями.

Познал Эммануил Казакевич на Дальнем Востоке все отпущенные человеку радости и горести: любовь, женитьбу, рождение первого ребенка, смерть отца, с которым у него были очень своеобразные дружеские отношения, а затем вскоре и смерть матери. К концу тридцатых годов обстоятельства заставили его уехать с семьей из Биробиджана.

Мне довелось с ним встретиться весной 1940 года. С бытовым устройством обстояло по-прежнему неважно — на это у него почему-то никогда «таланта» не хватало... Разумеется, повзрослел, стал серьезнее, но вообще-то остался все тем же неугомонным, горадым на выдумки и шутки Эммой. Замыслов и планов у него была уйма, и многие из них были связаны с Дальним Востоком, с Биробиджаном.

А потом была война, был великий всенародный подвиг отражения, а затем и полного разгрома фашистских полчищ. Пройдя через горнило этого подвига, загоревшись пламенной страстью стать его певцом и летописцем, Эммануил Казакевич создал свою «Звезду», затем другие военные романы, повести и рассказы. В советской литературе появился, жил и творил большой своеобразный мастер русской художественной прозы. Каждое новое произведение Казакевича вызывало широкий отклик, и нам, его землякам-дальневосточникам, это было особенно приятно и радостно.

С годами человек может очень меняться, но по голосу его всегда узнаешь. Таково уж свойство природы и, видимо, искусства — тоже. Как ни усложнился мир героев, дум и чувств Казакевича, но что-то такое в художественной интонации, манере было и от дальневосточной его юности. Да и в содержании тоже. Недаром же главный герой его дилогии «Весна на Одере» и «Дом на площади» Сергей Лубенцов родом с Дальнего Востока, потомок и наследник доблести героев Волочаевки.

Мне выпало счастье — грустное счастье! — встретиться и разговаривать с Эммануилом Генриховичем Казакевичем незадолго до его смерти. Был День Победы — 9 мая 1962 года. Наш разговор часто прерывали телефонные звонки: друзья-фронтовики поздравляли писателя-воина с праздником. А он,

недавно перенесший сложную операцию и поверивший в то, что наконец-то освободился от недуга и снова сможет по-настоящему взяться за работу, был весел, оживлен, досконально, пытливо расспрашивал о друзьях-товарищах, о том, как изменились места, которые он когда-то неоднократно изъездил, а большей частью исходил пешком. Делился своими творческими планами. Центральное место среди них занимала смело, широко задуманная эпопея, которая должна была охватить жизнь советского общества на протяжении десятилетий, включая период Великой Отечественной войны.

— Нынешний год, — говорил Эммануил Генрихович, — у меня целиком уйдет на завершение первой книги, а потом — обязательно съезжу на Дальний Восток. Надо освежить и пополнить впечатления юности. Ведь вторая книга романа, по моему плану, — дальневосточная.

Не довелось!

Сквозь тысячу смертей прошел Эммануил Казакевич в годы войны. Уцелел, «отделавшись» ранениями. Но проклятая болезнь жестоко, безжалостно оборвала его жизнь на самом творческом взлете! Осиротели жена и три дочери. Десятки рукописей остались незавершенными. Большие, прекрасные замыслы писатель унес с собой в безвременную могилу. Ведь он не дожил и до пятидесяти...

Почти десять лет прошло с тех пор, а трудно, невозможно примириться с тем, что так случилось. Трудно, больно произносить в прошлом времени «он с нами жил». Скажем же — ведь это несомненно так! — он и сейчас с нами, в нашем сплоченном боевом строю. С нами — своими произведениями, с нами — своим обликом настоящего человека, писателя-гражданина, патриота, коммуниста!

ЛЮБОВЬ ВАССЕРМАН

ПОЭТЫ НЕ УМИРАЮТ

*(Воспоминания о Борисе Олевском, Ароне Гофштейне,
Владимире Шульмане, Генрихе Койфмане)*

Теперь, когда я постарела, когда голова стала тяжелей, а чувства — светлее, когда печаль об ушедших годах прекрасной юности поселилась в сердце, — я хочу рассказать о друзьях моей молодости и восстановить образы тех, с кем я и корчевала тайгу, и прокладывала первые тропинки на биробиджанской земле. Многие из них не дожили до сегодняшнего дня, отдав жизни во имя победы над фашистской Германией.

Одним из многих был Борис Олевский, черноволосый, начинающий сидеть в свои 25 лет, молодой человек. По приезде в Биробиджан он начал работать ответственным секретарем журнала «Форпост». Здесь, на Дальнем Востоке, окреп поэтический голос Олевского. Он жадно впитывал в себя простоту, мужество и прелесть нашей природы, и стихи его были тоже простыми и мужественными.

Это было в 1935 году. Мы ехали на грузовике в село Амурзет. По Амуру гуляли морозные зимние ветры, но Олевский, казалось, не замечал этого. Он что-то бубнил себе под нос, а уже после, в Амурзете, читал нам стихи, родившиеся в кузове «попутки»:

«Мы спрятаны в шубы, и путь наш далек*,
И во поле чистом — снега за снегами,
Увидеть костер бы, звезду, огонек, —
Но время, как видно, не светит над нами...»

И заканчивались эти стихи так:

«...Мы настезь тайгу распахнули, как двери
В счастливое завтра счастливой земли...»

* Стихи даны в переводе Леонида Школьника.

Вспоминается мне еще одна поездка с Олевским на одну из пограничных застав. Он быстро сдружился с солдатами, а на следующий день, с разрешения начальника заставы, Борис ушел с пограничниками в наряд по охране государственной границы СССР. Мы волновались за него, а он вернулся, радостный и возбужденный, и спустя некоторое время написал прекрасный цикл стихов «У границы», в котором были такие строчки:

«...Меняло облако окраску,
Пригорюк виделся горой,
И верный конь,
забыв про ласку,
Тревожно всхрапывал порой...»

Да, поэт вовремя почувствовал тревогу. Шел 1941 год. Одним из первых Олевский ушел на фронт. Ушел, чтобы остаться навсегда молодым, чтобы и сегодня, как напоминание, звучали чистые и пронзительные, как боевая труба, стихи:

«Пожарищ отблеск на моей судьбе,
Земля скрипит зубами — помогите!
Пять литров крови я ношу в себе,
Чтоб мир forever не знал кровопролитий»

И еще встают передо мной образы трех молодых поэтов Генриха Койфмана, Арона Гофштейна и Владимира Шульмана. С первым из них я познакомилась в редакции газеты «Биробиджанер штерн».

— Вы Койфман? — спросила я.

— Так точно, — шутливо щелкнув каблуками, ответил Генрих. Он тут же начал читать мне стихи, но его прервали — не был готов репортаж в номер. — Успею, — улыбнулся Генрих.

Уже после, когда я хорошо узнала его, мне понравилось в нем умение отзываться на все интересные события в жизни страны, в жизни молодого города на Бире.

А когда зацвели тополя 41-го года, война продиктовала Койфману такие строчки:

«Если враг нагрянет на границу, —
Сяду я на верного коня,
Чтобы, встретив пулю, поклониться
Напоследок
травам у плетня»...

В письмах были и стихи:

«Я вернусь влюбленный, как Есенин,
И увижу сквозь туман и дождь:
Ты ко мне по улице весенней,
Как весна и музыка, идешь...»

И Генрих Койфман, и Борис Олевский, и Арон Гофштейн, и Владимир Шульман не вернулись с фронта. «Погиб смертью храбрых», — так можно сказать о каждом из них.

И все-таки они не погибли. — поэты, друзья моей молодости. Вместе со всеми они живут в памяти народной, как живут сегодня написанные ими стихи...

АРОН ГОФШТЕЙН

ПЕСНЯ

Песня теплую руку
Мне на плечо кладет.
И все сомнения рушит,
Боль и беду развеет.
Откуда она такая
Взялась в этой дикой земле —
Песня родного края,
С мыслями обо мне?
Из солнечных нитей свита,
Скрипкой звучит в ночи.
Она крепче всякого спирта
Греет и горячит.
Черпаю, как из колодца,
Силы я из нее,
Сердце сильней колотится,
Мысли точней острее.
Бывае́т — станет тревожно,
Тогда приходит она.
Бережно, осторожно
Звякнет ее струна.
И поплывет, как лодка,
По весенней волне.
Песня о детстве коротком,
О юности на войне.
И отступает усталость,
И отступает страх.
Рядом со мной сражалась
Песня на всех фронтах.
За душу песня тронет,
Ты́ ее в сердце храни.
Она нам нужна, как патроны,
Нужнее, чем сухари.

ВЛАДИМИР ШУЛЬМАН

ШКОЛА

Облака бредут по сопкам,
С неба сонный снег летит.
В центре тихого поселка
Домик маленький стоит.
Тихо светит лампа в доме,
И в печи дрова трещат.
Подперев щеку ладонью,
Паренек глядит в тетрадь.
От бессоницы набухли
Веки

парня из тайги,
Но в его тетради —
буквы,

Словно первые шаги.
Будут завтра слушать дети
Парня медленную речь,
Как брели тайгой медведи,
Как горела в доме печь...
Детям долго будет сниться
Город завтрашнего дня —
Удивительные лица,
Свет из каждого окна.
...Над Амуrom зла пороша,
Но добры людей дела...
В этом домике хорошем
Школа первая была!

БОРИС ОЛЕВСКИЙ

ДАЛЕКО ОТ СЕЛЕНИЯ

Река, и темный лес, и на вершинах снег,
Высокие, прямые кедры.
Здесь редко встретится прохожий человек,
Но реки — быстры, горы — щедры.

Сплетаю с пальцами сплетение ветвей,
Глухою пробираюсь чащей
И в одиночестве я чувствую живей
Звон птицы, надо мной журчащий.

Мне телеграфного столба недостает
И света, что из окон льется,
Шоссе, и детворы веселой у ворот,
Домов, и жителей, и будничных забот,
И огорода, и колодца.

Меня б теперь пленил над крышею дымок,
Тропинка, голос домочадца...
Но ждет моя душа иных, больших дорог.
Молчит земля, и реки мчатся.

В ГОРАХ ЛЕСИСТЫХ

Закат в горах лесистых догорает,
Из пропасти туман ползет на кручи;

Прохладно будет, — горы это знают
И головы укутывают в тучи.

Темнеют быстро выросшие тени,
Река в ущелье чуть не черной стала,
И вот уже кругами дождь осенний
Ее покрыл, и даль загрохотала.

На ветви ветер рухнул разъяренно,
Зигзаги молний неба полоснули,
Находясь, в гнезда прячутся вороны.
И капли бьют, тяжелые, как пули.

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ

Ржавеют разорванные оковы,
Орлов двуглавых сдали на слом,
И наши братья белоголовые
Вернулись в оставленный отчий дом.

Они — побеждавшие в битвах многих,
И мы — подраставшие под огнем,
Вместе пойдем по крутой дороге,
Открытой сегодняшним гордым днем.

Мы видим зелень полей весеннюю,
Трепет лесов и морей кипение.
Дорогу новому поколению!
По жизни шумит мое поколение!

* * *

От тонкой полоски дымка, без чудес,
Не явится туча в лазури небес...

И море от нескольких капелек новых
Не станет сильнее в прибое наката...
Висит на стене в свежих ветках еловых
Портрет драгоценный убитого брата.

И мать у портрета в молчании строгом
Мечтами уходит в глубокую даль.
И тихо уносит к песчаным дорогам
Свой плач и безмерно большую печаль.

От тонкой полоски дымка, без чудес,
Не явится туча в лазури небес.

* * *

В детстве с дерева груши я нежную веточку взял,
Подвязал ее к сильным ветвям молодого ранета.
Год за годом прошли, я, не веря глазам, увидел,
Как цветет вместе с яблоней груша на дереве этом.
Так мальчишкой меня кто-то взял от родимых корней
И надежду и веру вселил в мою детскую душу.
Я теперь вижу мир, и большие просторы морей,
И деревья, где вместе растут и ранеты и груши.

ВОЛЯ К ЖИЗНИ

...О нет, трепещет, право же, не тело,
А воля к жизни. Как ее согну я,
Когда она бушует оголтело,
Стараясь клетку разломать грудную?

Мне тесно в стенах из досок и глины,
С полоски неба в окна звезды льются...
Да разве ж я лишь метр с половиной,
Которые по комнате метутся?

Средь всех и вся я должен очутиться,
Отторгнуть жизнь от мелочности цепкой, —
Уитмен прав: живому уместиться
Нельзя между подошвами и кепкой.

* * *

Становится лучше,
Теплей на планете,
Смотрите, как тянутся
К солнышку дети.

И горы пригреты,
И море пригрето, —
Хорошая штука
Зеленое лето.

Под северным солнцем,
Под звездами юга
Приветствуют с вантов
Матросы друг друга.

Суда торопливы,
Их шлют через гам бурь
Марсель, и Одесса,
И Данциг, и Гамбург.

От глубей до высей
Ликует планета, —
Хорошая штука
Зеленое лето.

В ДОЗОРЕ

Прихватило волну морозом —
Замерла на бегу волна.
На пушистых дымах, на березах
Провисает небес синева.
Ночь таращит черные очи
И ворчит что-то мне вослед.
Голубеющий у обочин
Распахали с конем мы снег.
На границе следы говорящие,
Не болтливы, на слово скупы.
Тут вот чьи-то шаги скользящие
Под налетом снежной крупы.
Хитроумные петли заячьи.
Раздвоенный олений след.
Я качаюсь в седле казачьем,
Я мечтаю о крепком сне.
Конь ушами прядет тревожно,
Приседает, скользит по льду.
Осторожно, друг, осторожно!
Я в бою еще упаду!
Упаду, чтобы встать над веком,
Как в атаке над бруствером встать.
Грустно — жизнь прожив человеком,
От кусочка свинца умирать!
Я служу на восточной границе
Год иль много веков подряд...
Поистерлись в памяти лица,
Но любовь нашу письма хранят!
Слышу звоны маньчжурского ветра,
Слышу ранние поклики птиц.
Пихты тянут ко мне свои ветви —
Не хотят признавать границ!
Над поселком дымы косые —
Начинается утро там!
За него, за мою Россию
Всю до капельки кровь отдам!

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ Я СЧАСТЛИВ

Л. Шапиро.	
В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ И ДРУЖНОЙ	5
В. Панман.	
ВОПЛОЩЕННАЯ МЕЧТА ПЕРВОСТРОИТЕЛЕЙ	30
М. Дейвидов.	
БИРОБИДЖАНСКИЙ РЕПОРТАЖ. <i>Перевод Н. Фридмана</i>	40
НАША РОДИНА — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ	49
Н. Айзман.	
ВЕРНОСТЬ	54
ВАСИЛЬЕВ САД	61
КОЛЬКИН ПАПА	63
КУЗНЕЦЫ	65
ТОПОЛЬ	68
А. Фишер.	
МАСТЕРИЦА	72
С. Кердман, Е. Корсунский.	
ОТЕЦ И СЫН	80
В. Фоменко.	
ПЕРВОПРОХОДЦЫ	90
Н. Айзман.	
ОРДЕНА СУПРУГОВ ГЛИК	97
А. Фишер.	
БРИГАДА СТРОИТЕЛЯ ДОЛЖИКОВА	106
В. Горелов.	
У ИСТОКОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ МАГНИТКИ	113

ТЕБЕ МОЯ ПЕСНЯ, РОДИНА

Э. Казакевич.	
ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ Я СЧАСТЛИВ. <i>Перевод В. Соломатова</i>	121
НАЧИНАЕТСЯ ГОРОД. Маленькая поэма. <i>Перевод В. Соломатова</i>	122
ТАЙГА. <i>Перевод В. Соломатова</i>	129
Р. Шойхет.	
СТУЖА. Рассказ	132
А. Вергелис.	
РОДИВШИЙСЯ В ТАЙГЕ. <i>Перевод П. Шубина</i>	140
ЛЕС. <i>Перевод В. Бокова</i>	141
ОТДЫХ. <i>Перевод В. Корнилова</i>	142

БАТАЛЬОН ЗАЩИЩАЕТ ВЫСОТУ. Перевод В. Корнилова	142
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТАЙГУ. Перевод Б. Слуцкого	144
ПЕСНЬ О ГЕРОЕ. Перевод Вл. Соколова	145
Б. Миллер.	
ПЭРЛ И НОЙ. Рассказ. Перевод Н. Фридмана	155
ВЕТВИ ОДНОГО ДЕРЕВА. Две новеллы	
ВЕСЕННИЙ ЭТЮД. Перевод Н. Фридмана	173
КРАСОТА. Перевод Н. Фридмана	177
И. Бронфман.	
УЛИЦА ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА. Перевод В. Соломатова	183
ГЕШЕФТ. Перевод М. Асламова	185
ГОЛОС МОСКВЫ. Перевод А. Рыбочкина	187
ПРАГА. Перевод В. Соломатова	188
В РОДНОМ СЕЛЕ. Перевод А. Рыбочкина	190
БЕССМЕРТИЕ. Перевод В. Соломатова	190
РОЗЫ. Перевод А. Рыбочкина	192
ИЮНЬ-КОРАНЬ. Перевод Ф. Архипова	192
ПРИАМУРЬЕ РОДНОЕ. Перевод Ф. Архипова	193
ОСЕНЬ. Перевод А. Рыбочкина	194
ГДЕ ОН, ЭТОТ СОЛДАТ?... Перевод Р. Казаковой	195
Г. Рабинков.	
ДОМ. Рассказ	197
ГЛУБОКИЕ КОРНИ. Из рассказов о Гаврииле Иошпе	
ПРЕДВЕСЕННЕЕ.	202
ВРЕМЯ САЖАТЬ ДЕРЕВЬЯ	205
Л. Вассерман.	
РОДНИК. Перевод Л. Школьника	207
МОЙ ДОМ. Перевод В. Соломатова	208
СЫНУ. Перевод А. Гая	209
ПРОЩАНИЕ. Перевод А. Гая	209
ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ. Перевод Р. Добровенского	210
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ЛЕТО. Перевод Р. Добровенского	211
ЛАНДЫШ. Перевод Р. Добровенского	212
ОСЕНЬ. Перевод Р. Добровенского	213
Л. Вассерман.	
«ГНИЛКЕЛЭХ». Рассказ. Перевод Н. Филиппкиной	214
Е. Бейдер.	
БАЛЛАДА О СОЛДАТСКИХ САПОГАХ. Перевод Л. Школьника	220
С. Боржес.	
«ЛЕНИН ГОВОРIT НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ...» Отрывок из романа. Перевод И. Геймана	222
ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС. Рассказ. Перевод Г. Рабинкова	227
В. Пожидаев.	
МИШКА, БУЙКА И ВОЛКИ... Рассказ	231
Л. Школьник.	
ПЕРВОУДИВЛЕНИЕ	245
ПЕРВЫЙ СНЕГ	245
«НЕ УЛЫБАЙСЯ, ЗРЕЛОСТЬ...»	246

ПОДСНЕЖНИК	246
СЕНОКОС	247
ТЕПЛО	247
«А В ГОРОДЕ ТВОРИТСЯ — БОЖЕ МОИ!»	248
ВЬЕТНАМСКОМУ РОВЕСНИКУ	248
ВЕЧЕР ПОЭЗИИ	249
ПРИРОДА	250
ДОЧЕРИ	250
«НУ, ЧТО ЖЕ ВЫ, ЧТО ЖЕ ВЫ, БРАТЦЫ...»	251
«НЕ ВЫВОДИ, КАК НА ПАРАД...»	252
В. Иофик.	
ПРО ТО, КАКИЕ МЫ ТАЛАНТЛИВЫЕ. Рассказ для детей	253
И. Ревич.	
РЕКА	256
НОЧЬ	257
Н. Капусто.	
СЕЯТЕЛЬ	258
СЕРЕБРИСТЫЕ КОНИ	258
ОБЕЛИСКИ	259
ЗАЩИЩАЙТЕ ВЕСНУ	259
РЕЧКА	260
Ф. Абросимов.	
ТИЛЬЗИТСКАЯ ГАРМОНЬ. Рассказ	261
В. Морозов.	
КЛЮЧ «БЕРЕЗОВЫЙ»	264
ЗНАЮ Я ЛЕСНЫЕ ТРОПКИ	264
ЖУК-УСАЧ	265
АИСТ	265
ТАЕЖНЫЙ СТОРОЖ	266
ВЕСЕЛЫЙ ТАЗ	266
И. Метелкина.	
СВЕРШЕНИЕ	267
МОИ СТИХИ	268
ВАСЬКА САВИН	268
ПОХОРОННАЯ	269
БЕЖАЛИ ЛОШАДИ ЗА ВЕЧЕРОМ	270
«НЕВЕДОМО, НО ЕСТЬ СЕЛО ВДАЛИ...»	270
Н. Жураховская.	
ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ	272
«СКОЛЬКО КРАСОК ДИВНЫХ...»	272

ВЕЧЕН СВЕТ ЖИЗНИ

Н. Мирный.	
НАРОДНОЕ, САМОБЫТНОЕ	275
Н. Фридман.	
ПАМЯТЬ СЕРДЦА. Странички воспоминаний об Э. Каза- кевиче	280

Л. Вассерман.	
ПОЭТЫ НЕ УМИРАЮТ. Воспоминания о Б. Олевском, А. Гофштейне, В. Шульмане, Г. Койфмане. <i>Перевод Л. Школьника</i>	286
А. Гофштейн.	
ПЕСНЯ. <i>Перевод В. Соломатова</i>	290
В. Шульман.	
ШКОЛА. <i>Перевод Л. Школьника</i>	291
Б. Олевский.	
ДАЛЕКО ОТ СЕЛЕНИЯ. <i>Перевод С. Липкина</i>	292
В ГОРАХ ЛЕСИСТЫХ. <i>Перевод А. Сендык</i>	292
НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ. <i>Перевод А. Сендык</i>	293
«ОТ ТОНКОЙ ПОЛОСКИ ДЫМКА, БЕЗ ЧУДЕС...» <i>Перевод Г. Ходосова</i>	293
«В ДЕТСТВЕ С ДЕРЕВА ГРУШИ Я НЕЖНУЮ ВЕТОЧКУ ВЗЯЛ...» <i>Перевод Г. Ходосова</i>	294
ВОЛЯ К ЖИЗНИ. <i>Перевод А. Сендык</i>	294
«СТАНОВИТСЯ ЛУЧШЕ...» <i>Перевод А. Сендык</i>	295
Г. Койфман.	
ПРОЩАНИЕ С КОНЕМ. <i>Перевод В. Соломатова</i>	296
В ТАЙГЕ. <i>Перевод В. Соломатова</i>	297
В ДОЗОРЕ. <i>Перевод В. Соломатова</i>	298

НА БЕРЕГАХ БИРЫ И БИДЖАНА

Хабаровское книжное издательство
Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Редактор **Н. Т. Кабушкин.**
Художественный редактор **А. Н. Посохов.**
Технический редактор **Л. В. Медяник.**
Корректор **Р. Н. Рашупкина.**

В книге использованы фотографии **Ю. КОСВИНЦЕВА, А. ГАЛУШКО,**
Г. КОВАЛЯ, М. ШЕСТОПАЛОВА, А. ФИШЕР.

Сдано в набор 19/XI 1971 г.

Подписано к печати 22/III 1972 г.

ВЛ 01046.

Бумага типографская № 1.

Формат $60 \times 84 /_{16} = 9,5$ б. л., 17,7 усл. п. л.

+ вкладка 0,93 усл. п. л.,

15,8 уч.-изд. л. + вкладка 0,74 уч.-изд. л.

Тираж 5000 экз. Заказ № 10006. Цена 1 р. 12 к.

Типография № 1 Краевого управления по печати.
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.